

RUDOLF STEINER

Soziale Ideen
Soziale Wirklichkeit
Soziale Praxis

Diskussionsabende des Schweizer Bundes
für Dreigliederung des sozialen Organismus
sowie
weitere Seminar- und Frageabende zur Dreigliederung
in Dornach zwischen dem 6. April 1920
und 8. April 1921

GA 337b

1999
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Социальные идеи
Социальная действительность
Социальная практика

Дискуссионные вечера швейцарского союза
для трёхчленности социального организма
а также
дальнейшие вечера семинаров и вопросов
в Дорнахе между 6 апреля 1920 года
и 8 апреля 1921 года

Библиография № 337b

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2022-2023 год

1999
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные замечания редактора

I

ДИСКУССИОННЫЕ ВЕЧЕРА ШВЕЙЦАРСКОГО СОЮЗА ДЛЯ ТРЁХЧЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

ПЕРВЫЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 14 июля 1920 года
Последствия абстрактного мышления в социальном

Книга Ойгена Варги о Венгерской Советской Республике. Диктатура советов в Венгрии как поучительный социальный эксперимент. Абстрактность марксистского мышления Варги. Радикальное воплощение марксистской теории в практику. В какой момент Варга внезапно отклоняется от марксистской догмы. Необходимость конкретного мышления в социальном.

ВТОРОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 19 июля 1920 года
Каким образом возможна реализация идеи трёхчленности

Напрасная трата человеческого труда из-за сегодняшней неэкономичности. Освобождение духовной жизни от государства как предпосылка действительной экономики. Почему говорить о «монархическом принципе» в нынешних условиях жизни абстрактно. О попытках склонить немецких политиков во время войны к реальной политике в смысле трёхчленности. Как сейчас надо работать для идеи трёхчленности. Что означает ассоциативная жизнь. Средства производства в трёхчленном социальном организме. Необходимость соответствующего действительности мышления.

ТРЕТИЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 9 августа 1920 года
Обоснование трёхчленности, исходя из социальных закономерностей

Товарный характер денег; его преодоление путем реорганизации денежной системы. Условия для реализации трёхчленности; что при этом должно делать правительство. Требование общего понимания. Пример абстрактности университетских взглядов. Закон Индивидуализма и Закон Социализма; кажущееся противоречие между двумя законами.

ЧЕТВЁРТЫЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 16 августа 1920 года
Формирование социального суждения

Внесение старых человеческих инстинктов в социальную жизнь. Необходимость сознательного мышления в социальном. Тройственная форма социального суждения. Социальное суждение в духовной жизни. Отношения между Гёте и Шиллером как первичный феномен социального взаимодействия в духовной области. Человек как трёхчленное существо. Различные процессы в человеке при наблюдении за природой или в социальных контактах. Как образуется социальное суждение в правовой жизни. Характер хозяйственной деятельности человека. На чём основывается социальное суждение в экономике. Возникновение идеи трёхчленности из действительной науки о человеке.

Некритическая вера в науку в настоящем. Необходимое радикальное обновление научной жизни. Сон людей по отношению к требованиям времени.

ПЯТЫЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 23 августа 1920 года
Завещание Петра Великого

Действенность завещания Петра Великого в политических событиях 19-го столетия. Спор в Австрии по поводу оккупации Боснии и Герцеговины. Выдающиеся политики Габсбургской монархии последней трети 19-го столетия. Политические стремления Петра Великого; их выражение в завещании, изданном Сокольниковым. Завещание как реальная политическая сила - несмотря на отсутствие достоверности.

ШЕСТОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 30 августа 1920 года
Человек искусства в трёхчленном социальном организме

Как правильно должен ставиться вопрос об отношении искусства к общественной жизни. Трёхчленность как социальная предпосылка расцвета художественного. Компенсация художника с точки зрения социальной первичной ячейки. Гениальность как необходимое условие настоящего искусства. Непонятия (Unbegriffe) «импрессионизм» и «экспрессионизм». Говорить об искусстве невозможно без художественного чувства. Без филистерства нет гениальности.

СЕДЬМОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 6 сентября 1920 года
Социальная болезнь и социализм

Клеветническая статья в "Маяке". Ложь об украденной трёхчленности. Как катастрофа мировой войны связана со скрытым стремлением людей к насилию. Рост готовности к насилию и жестокости в общественности. Путь к социальному оздоровлению. Тройственная дифференциация человечества по Земле. Различие между антропософским и чисто антропологическим рассмотрением. Особые задачи малых народов по сравнению с большими народами. Космополитическая задача швейцарского народа. Разговоры о национальной миссии должны прекратиться. Необходимы общечеловеческие точки зрения.

ВОСЬМОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР. Дорнах, 13 сентября 1920 года
Хозяйственные конъюнктуры и кризисы

Ассоциации принадлежат экономической сфере. Что представляет собой действительная ассоциация. Традиционный взгляд на происхождение кризисов. Экономический кризис 1907-го года и махинации денежных магнатов. За кризисами стоят человеческие намерения. Величайшим кризисом современности является социальный кризис. Достоверность статистики. Клевета об украденной трёхчленности; слабоумие в брошюре Элизабет Мецдорф-Тешнер.

II

**ВЕЧЕРА СЕМИНАРОВ И ВОПРОСОВ О ТРЁХЧЛЕННОСТИ В СВЯЗИ С
НАУЧНЫМИ КУРСАМИ**

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ. Дорнах 6 апреля 1920 года

(По случаю курса «Антропософия и специальные науки»)

Антропософия и юриспруденция

Человек - трёхчленное существо. Мнение, что разделение права и экономики невозможно. Полярные различия между существами духовной и хозяйственной жизни. Проникновение права в обе эти области. Что составляет сущность общественного права. Почему его нельзя строго кодифицировать. Уголовное право как вторичное право. Неопределенность терминов в современной теории права. Трёхчленность как предпосылка развития живых, подвижных правовых понятий.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР-СЕМИНАР. Дорнах 5 октября 1920 года

(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной практики — 1

Что значит экономическое мышление? Утопические идеи Сильвио Гезеля. Ассоциации должны формироваться из самой хозяйственной жизни сами. Два примера конкретных ассоциаций: сотрудничество с одним теософским производителем хлеба и философско-антропософским издательством. Условия, при которых в экономической жизни осуществляется закон первичной клетки. Деньги как вид ходячей бухгалтерии. Заработная плата больше не должна быть фактором стоимости (Kostenfaktor). Каковы цели Futurum и Kommenden Tag («Грядущий день»). Социальная аксиома: то, что может следовать своим собственным законам, регулирует себя само.

ВТОРОЙ ВЕЧЕР-СЕМИНАР. Дорнах 7 октября 1920 года

(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной практики — 2

Альтернатива: либо трёхчленность, либо стагнация. Идея трёхчленности не должна маскироваться (kaschiert). Пример вальдорфской школы. Дело не в разработке параграфов. В чём смысл культурного совета. Идея трёхчленности должна проникнуть в головы людей. Непонимание пролетариатом введения в народном хозяйстве системы производственных советов. Как образуются ассоциации? Область права не должна иметь ничего общего с определением цены. Как формируются цены на товары. Распределение производственной прибыли. Почему не смогли быть реализованы культурный совет и рабочие советы. То, что сегодня нужно: это достаточное количество людей с инициативой и видением.

ТРЕТИЙ ВЕЧЕР-СЕМИНАР. Дорнах 11 октября 1920 года

(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной практики — 3

Социальное действие как дополнительное требование наряду с основанием таких предприятий, как Futurum и Kommender Tag. Путь преодоления социального разрыва между предпринимателями и рабочими; исчезновение профсоюзов как предпосылка. Как внедрить идею трёхчленности в сознание людей. Отсутствующая до сих пор техника агитации. Необходимость некоего персонального, ориентированного на слушателей искусства агитации. Цель запланированных агитаторских курсов в Штуттгарте. Замена профсоюзов ассоциациями между руководящими работой и работниками.

СООБЩЕНИЕ. Дорнах 9 октября 1920 года

(перед вечерней лекцией о физиологическо-терапевтическом на основе духовной науки по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Требования к постановке вопросов о хозяйственной жизни в смысле трёхчленности.

СООБЩЕНИЕ. Дорнах 10 октября 1920 года

(В завершении собрания членов Антропософского общества по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Необходимость позитивного действия. Сборник вопросов о трёхчленности как пока единственный практический результат работы семинара. К чему должны были быть привлечены практикующие. Какое впечатление не должно возникать у студентов.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ. Дорнах 10 октября 1920 года

(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной жизни — 1

Практическая цель обеих книг: «Основные пункты социального вопроса» и «К реализации трёхчленности» («In Ausführung zur Dreigliederung»). Социальное мышление сегодня либо полностью материалистично, либо полностью абстрактно. Движение трёхчленности как работа по оздоровлению социальной жизни. Что ему противостоит: бездуховная рутина в сочетании с мистической размытостью. Трудности «Futurum» и «Грядущего Дня» в поисках нужных сотрудников. Ограничение интересов многих просто зарабатыванием денег. Что важно в проблеме цены. Фальсификация цен, благодаря сегодняшнему товарному характеру денег. Ассоциативная организация хозяйственной жизни как предпосылка правильного ценообразования. Ассоциации как связь от отрасли к отрасли, как объединение потребителей и производителей. Практическое действие означает: ассоциировать, а не просто теоретизировать.

ВТОРОЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ. Дорнах 12 октября 1920 года

(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной жизни — 2

Практическое вмешательство в экономическую жизнь как требование. Отличие сельскохозяйственного производства от промышленного. Противоречия пролетарских устремлений. Фальсификация хозяйственной первичной клетки путем внедрения капитализма в сельское хозяйство. Необходимость ассоциации сельскохозяйственных предприятий с промышленными. Идея «Грядущего Дня» и «Futurum». Что препятствует образованию ассоциаций. Пример философско-антропософского издательства. Исчезновение конкуренции из-за образования ассоциаций. Выступление в общественность. Об успехе газеты для трёхчленности. Почему не обойтись без техники персональной агитации. Человеческая любовь как сокровенный принцип антропософской работы. Решение детальных вопросов посредством реализации социальной трёхчленности. Важно действие. Реализация идеальных целей невозможна без денег. Необходимость международного школьного движения.

ВЕЧЕР-ДИСПУТ. Дорнах 8 апреля 1921 года

(по случаю второго курса высшей антропософской школы)

Социальная наука и социальная практика

О предложении Йозефа ван Леера о немедленном основании «Всемирного школьного объединения». Судьба основанного перед войной интернационального «Союза» для развития духовной науки Рудольфа Штайнера. Как решить вопрос «Всемирного школьного объединения» с перспективой на успех. Основание свободной духовной жизни как обязательное условие. Странное понимание фактов господином фон Гляйх (Gleich) как пример состояния духовной жизни сегодня. Действительный идеализм не чувствует себя возвышенным над финансовым.

Предварительные замечания редактора

Похоже, большого понимания
этой идеи трёхчленности
пока не наблюдается

(Вечер-дискуссия, Донах,
13 сентября 1920-го года)

Это было в Швейцарии, где Рудольф Штайнер впервые представил идею трёхчленности общественности. Между 3 и 12 февраля 1919 года он прочитал в Цюрихе серию лекций из четырех частей о «Социальном вопросе» (в GA 328), которую он повторил в городах Берн и Базель. И в конце последней цюрихской лекции, 12 февраля 1919 года, Рудольф Штайнер впервые публично упомянул о своём обращении «К немецкому народу и к культурному миру!» за преобразование общества, и призвал аудиторию к активному действию (в SA 24):

«Мы движемся к оздоровлению общественного организма только в том случае, если то новое, которое мы ожидаем, если то оздоравливающее, на которое мы надеемся, мы будем основывать не на старых идеях, а решим смело и энергично направлять наши силы для развития человечества на новые мысли, поскольку только из новых мыслей расцветёт возможность жизни для нового поколения».

Эти новые мысли формируют основу текста Рудольфа Штайнера «Основные пункты социального вопроса в необходимостях жизни настоящего и будущего» (GA 23), разработкой которого он был занят в эти недели. Планировалось, что этот текст должен выйти одновременно в Германии и Швейцарии, но в двух отдельных изданиях. Таким образом, швейцарское издание «Основных пунктов» появилось почти одновременно с немецким, в первой половине мая 1919-го года.

В Швейцарии, однако, движение трёхчленности не достигло такого широкого влияния, как в Германии. Поначалу отсутствовала соответствующая инициативная группа, которая провела бы необходимую организационную работу в этой стране. Только с возвращением в Цюрих в начале мая 1919-го года молодого швейцарского юриста Романа Бооса (Roman Boos), - он внёс существенный вклад в деятельность, посвящённой трёхчленности, в Штуттгарте, - началась самостоятельная работа по трёхчленности в Швейцарии: 16 мая 1919 года в Цюрихе был основан «Швейцарский Союз для трёхчленности социального организма»; Роман Боос взял на себя секретариат Союза, и из Цюриха непосредственно выполнял теперь основную работу по распространению идеи трёхчленности. Когда стало очевидно, что новые задачи сделали необходимым его присутствие в Дорнахе, - например, он был одним из главных инициаторов основания «Futurum A.G.¹», - через год он перенёс своё личное местожительство, а вместе с ним и секретариат Швейцарского Союза в Дорнах. Оттуда теперь также организовывались более масштабная лекционная деятельность в регионе Базеля.

Так, с 4 по 6 мая 1920 года Рудольф Штайнер прочитал в Базеле три большие публичные лекции на тему «Духовная наука (антропософия) в отношении духа и не-духа в настоящем» (в GA 334). Чтобы поддерживать интерес людей и после этих лекций, «Швейцарский Союз для трёхчленности социального организма» организовал еженедельные

1 А.Г. - Aktiengesellschaft (Акционерное общество), - прим. пер.

рабочие собрания в помещении Антропософского общества на Rümelinbachweg 10 в Базеле. Согласно приглашению, каждый понедельник «с точки зрения антропософски ориентированной духовной науки должны [были] рассматриваться научные, культурно-художественные и тому подобные вопросы». Каждый раз планировалась вступительная речь с последующим обсуждением: «Во все вечера желательны всесторонние дискуссии». Первый такой вечер состоялся 31 мая 1920 года. Рудольф Штайнер, однако, лично на этих встречах не присутствовал, - большую часть времени он находился в Штутгарте. Так как эти вечера обычно посещались хорошо и также хорошо проходили, было решено продолжить их во время летних каникул в столярной мастерской в Дорнахе, - с учётом личного участия Рудольфа Штайнера.

Решение о переносе дискуссионных вечеров в Дорнах было принято довольно быстро; первый вечер состоялся, - хотя и с небольшим опозданием и вне обычного недельного ритма, - в среду, 14 июля. Поэтому в новостной рассылке Швейцарского Союза от 16 июля 1920 года было сообщено лишь ретроспективно: «Первый вечер проводился в прошлую среду Доктором Штайнером». К счастью для организаторов, Рудольф Штайнер мог принимать участие [в таких мероприятиях] относительно часто: в последующие недели по понедельникам было в общей сложности семь вечеров, когда Рудольф Штайнер присутствовал в столярной мастерской лично. Каждый дискуссионный вечер был посвящен определенной теме, по которой задавались вопросы или высказывались мнения. Однако, непосредственно перед обсуждением обычно читалась вводная лекция. Вечером 16 августа такую вступительную лекцию прочёл сам Рудольф Штайнер, - вместе с Романом Боосом: они говорили о «Формировании социального суждения» в трёх жизненных областях, при этом Рудольф Штайнер высказывался относительно духовной и хозяйственной жизни, а Роман Боос - относительно правовой жизни. Эта учебная работа в Дорнахе продолжалась до сентября; 13 сентября 1920 года в столярной состоялся последний дискуссионный вечер. Первоначально планировалось после переходного периода в Дорнахе продолжить эти встречи по понедельникам в Базеле. Но до этого - из-за перегруженности участников - так и не дошло; соответствующие мероприятия были проведены снова лишь через год.

25 сентября 1920 года было открыто здание Гётеанума. Первым крупным мероприятием, организованным внутри него, стал первый курс антропософской Высшей Школы. Он длился три недели, с 26 сентября по 16 октября 1920 года. Главным инициатором этих курсов Высшей Школы был Роман Боос; одним из номинальных организаторов выступило «Объединение гётеанизма», которое было основано незадолго до этого, 9 апреля 1920 года, и президентом которой был Роман Боос. Во время первого курса Высшей Школы также должна была быть обсуждена область социального. То, что Рудольф Штайнер ожидал от участников, было, по сути, именно тем, что он с самого начала высказывал в Цюрихе, а теперь также требовал в первой лекции своего основного цикла «Границы естествознания» (в GA 322):

«Для ближайшего развития человечества нам нужны понятия, представления, вообще импульсы социальной жизни, нам нужны идеи, посредством реализации которых мы сможем привлечь социальные условия, способные дать людям всех сословий, классов и так далее, достойное человека существование».

В течение следующих трех недель был прочитан ряд лекций по вопросам общественной жизни известными деятелями антропософского движения: сначала Эмилем Мольтом, который выступил на тему «Промышленник в прошлом и будущем с точки зрения духовной науки», затем Романом Боосом, который говорил о «Феноменологической социальной науке», затем Арнольд Ит (Arnold Ith), который высказывался на тему о «Банковской системе и ценообразовании в их текущем и будущем значении для экономической жизни» и, наконец,

Эмиль Лайнхас (Emil Leinhas) о «Светлых и тёмных сторонах современного капитализма». Однако, слушатели не были полностью удовлетворены этими выступлениями, так что возникло пожелание, чтобы Рудольф Штайнер сам прочитал лекцию о трёхчленности и, особенно, об экономической жизни, - такая лекция изначально совсем не планировалась. Однако, Рудольф Штайнер хотел не просто прочитать лекцию в традиционном смысле; поэтому 9 октября он попросил участников (в этом томе) *«сформулировать свои пожелания и вопросы по этому поводу так, чтобы можно было учесть и обсудить именно то, что кажется неясным. Таким образом, я смогу организовать лекцию завтра вечером так, чтобы было представлено именно то, что хотят узнать с разных сторон»*. На следующий день Рудольфу Штайнеру вручили список из 39 вопросов. Чтобы ответить на них всех, он чувствовал себя обязанным ответить на эти различные вопросы в течение двух вечеров, 10 и 12 октября.

Помимо этих двух вечеров вопросов, Рудольф Штайнер также принял участие в трёх семинарах, - они состоялись 5, 7 и 11 октября и были посвящены, прежде всего, вопросам хозяйственной практики. С этой работой была связана надежда на то, что духовно оплодотворенные знания воплотятся в полную жизни хозяйственную деятельность. Рудольфу Штайнеру нужны были настоящие практики, готовые действовать в создавшихся условиях, и готовые преобразовать их в соответствии с новыми идеями. Так, во второй вечер семинара 7 октября 1920 года (в этом томе) он подчеркнул:

«То, о чём сегодня идёт речь, состоит не в том, чтобы мы абстрактным образом рассуждали о законах о выборах и о том, можно ли сравнивать ассоциацию с корпорацией и так далее, а в том, чтобы мы получили как можно больше инициативных людей, поскольку сегодня речь идёт не о том, как мы голосуем, а о том, чтобы на правильных местах оказывались правильные люди».

Правильные люди на правильных местах, - это было самой главной проблемой, с которой боролись оба, основанных в 1920-ом году, «банко подобных института»: «Futurum A.G.» в Швейцарии и «Der Kommende Tag A.G.» в Германии. Собрание 13 октября, последнее мероприятие курса Высшей Школы для тех, кто интересуется экономикой (запланировано на GA 337c), послужило ориентировкой относительно актуального положения обоих предприятий, *«которые следует рассматривать как абсолютно практические результаты нашего антропософского движения»*. К сожалению, через несколько лет стало очевидно, что оба эти предприятия не смогли оправдать возложенных на них ожиданий.

На сердце Рудольфа Штайнера лежала, однако, не только соответствующая действительности хозяйственная практика; в области духовной жизни он также надеялся на получение новых импульсов посредством создания «Всемирного школьного объединения», - идеи, которую он в этой форме впервые представил широкой публике на этом курсе Высшей Школы. Так он обратился к своим слушателям во время вечера вопросов 12 октября 1920 года (в этом томе): *«Что нам нужно, так это Всемирное школьное объединение во всех странах цивилизации, чтобы как можно быстрее собрать наибольшую сумму средств. Тогда на основе этих средств можно будет создать то, что станет началом свободной духовной жизни»*. Шаг от идеи к действию, - вот чего ожидал Рудольф Штайнер в социальной области.

Это ясно проявилось также и во время второго курса Высшей Школы, который, в свою очередь, был организован «Объединением гётеанизма» («Verein Goetheanismus») и который проходил с 3 по 9 апреля 1921 года. Курс второго курса Высшей Школы отличался от первого тем, что каждый день был посвящен определенной теме. Так, в предпоследний день курса Рудольф Штайнер прочитал вводную лекцию на тему дня «Социальная наука и социальная практика» (в GA 76). Затем Ойген Бенкендорффер (Eugen Benkendörffer) говорил на тему:

«Причины нашего социального несчастья в способе производства недавнего прошлого» , а Роман Боос излагал свои мысли на тему: «Социальный вопрос, в зеркале проблемы заработной платы и трёхчленность социального организма». Этот день завершился вечерней дискуссией с соответствующим заключительным словом Рудольфа Штайнера (в этом томе) и повторным призывом к соответствующей действительности социальной практике:

«Речь идёт о том, чтобы позитивный дух, как он хотел быть представлен здесь на этой неделе, - как его пытались представить, - чтобы этот свободный дух был внесен в духовную жизнь интернационально».

Этими предложениями Рудольф Штайнер, по сути, повторил требование об основании Всемирного школьного объединения как носителя свободной духовной жизни. Но его стремление не было услышано; такая интернациональная организация создана не была.

Для обеих курсов Высшей Школы был, своего рода, предшественник: цикл лекций «Антропософия и специальные науки», проходивший в Дорнахе с 24 марта по 7 апреля 1920 года, - параллельно с первым медицинским курсом. Рудольф Штайнер прочитал вводную лекцию «Антропософия и современная наука» (запланирована в GA 73a), а другие лекции, касающиеся отдельных профессиональных областей, читали различные соответствующие компетентные лица. Заключительное слово обычно брал Рудольф Штайнер. 6 апреля 1920 года Роман Боос говорил об «Антропософии и юриспруденции». Также и на этом мероприятии присутствовал Рудольф Штайнер; при этом он произнёс в дополнение заключительную речь (в GA 337b).

На всех этих дискуссионных вечерах, вечерах вопросов и семинарах стало совершенно ясно одно: люди с трудом по-настоящему понимали идею трёхчленности, даже те, кто её одобрял. Они постоянно возвращались к привычкам старого образа мышления; возникали неясности и недоразумения, так что Рудольф Штайнер на учебном вечере 13 сентября 1920 года (в этом томе) пришел к выводу: *«Похоже, большого понимания этой идеи трёхчленности пока не наблюдается».* Он постоянно занимался тем, чтобы сделать слушателям понятно, что есть особенного в этой идее. Но не только это: он также был вынужден указать на непосредственно практическую, жизненно важную сторону этой идеи, которая только и ждала того, чтобы ее немедленно и непосредственно претворить в практику. Но именно с этим у людей было больше всего проблем.

ДИСКУССИОННЫЕ ВЕЧЕРА ШВЕЙЦАРСКОГО СОЮЗА ДЛЯ ТРЁХЧЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

ПЕРВЫЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР

Дорнах, 14 июля 1920 года

Последствия абстрактного мышления в социальном

В ходе этого дискуссионного вечера были заданы вопросы и подняты различные темы, например:

Элизабет Вреде (Elisabeth Vreede) читает корреспонденцию из Голландии, в которой призывают к немедленному введению системы советов.

Рудольф Штайнер: Я хотел бы сказать кое-что в связи с тем, что было сказано только что. При этом я хочу начать с книги профессора Варга о пролетарском движении в Венгрии. Профессор Варга был народным комиссаром по хозяйственным вопросам в период существования Венгерской советской республики. Он, вместе с некоторыми другими людьми, которые были руководителями Венгерской советской республики, принадлежал к тем, кто тогда бежал и сейчас интернирован в Карлштейне. Там он написал чрезвычайно интересную книгу «Хозяйственно-политические проблемы пролетарской диктатуры», в которой он рассказывает, как он и его коллеги намеревались осуществить эту Советскую республику в Венгрии. Между делом он рассыпает замечания относительно того опыта, который был сделан в продолжении короткого времени существования этой Советской республики в Венгрии. Весь этот труд очень интересен потому, что Венгерская советская республика была, так сказать, важным экспериментом, который был столь поучителен из-за того, что его последствия можно лучше охватить взглядом на сравнительно небольшой области Венгрии, чем на безмерно большой территории России.

Прежде всего, в этой книге странно то, что читая ее, вы имеете дело с сугубо профессорскими рассуждениями, с чем-то совершенно чуждым жизни. Возникает ощущение: тут говорит некто, кто революционизировал всю страну, но никогда не сталкивался с реальными силами народного хозяйства. Профессор Варга полностью стоит на почве Ленина и Троцкого; только Варге и его коллегам в Венгрии приходилось иметь дело с меньшей областью, чем Ленину и Троцкому в России. И поэтому в Венгрии проявилось многое из того, что в России проявится лишь позднее. Разумеется, профессор Варга не приписывает фиаско с венгерским экспериментом внутренней невозможности всего этого абстрактного стремления и абстрактной деятельности, а утверждает, что всё провалилось потому, что не могло быть доведено до конца, поскольку на фланг обрушилась румынская военная мощь.

Возьмем сразу один из основных моментов, с которым мы здесь сталкиваемся. Этот пример особенно ценен тем, что мы тут имеем дело не с каким-нибудь марксистским теоретиком, а с человеком, который организовал по своим абстракциям всю страну, который мог делать все, что хотел. Он хотел стать практиком, и надо спросить: Мог он им стать? Ведь, профессору Варге надо было предпринять те шаги, которые должны были поставить на ноги

венгерскую экономику в социал-демократическом смысле². Он должен был подчеркнуть, что собственно знаменосцами его реформ являются городские индустриальные рабочие, движущей силой которых, разумеется, является улучшение условий их жизни. Но теперь он показывает, что, прежде всего, из этого не может выйти ничего другого, кроме того, что эти знаменосцы в первое время введения советской республики должны испытать значительное ухудшение своих жизненных условий; единственно, кто при этом выигрывает, это крестьяне. Какие же выводы из этого делает профессор Варга? Из этого он заключает, что индустриальный пролетариат, то есть, те, кто, собственно, заинтересованы в такой революции, поначалу не достигнут того, что они хотели достигнуть, а достигнут это крестьяне на земле. Но он думает, что эти условия для городского индустриального пролетариата затем улучшатся, то есть, окольным путём через деревню. Нужно было только поработать с городским индустриальным пролетариатом так, чтобы он увидел, что ему нужно некоторое время поголодать и походить в лохмотьях, прежде чем станет лучше.

Уже здесь заложена серьезная ошибка, являющаяся абсолютнейшим следствием современного абстрактного мышления в социальных вопросах. Результатом было бы не улучшение положения окольным путём через деревню, а постепенное уничтожение всей промышленности. Города были бы постепенно упразднены, и всё переместилось бы в сельскую местность; производство, в конце концов, было бы ограничено простым разграблением земли. Вся остальная жизнь постепенно исчезла бы, то есть, человек вернулся бы к определённым первобытным состояниям человечества. Если мыслить конкретно, то из размышлений профессора Варги должно вытекать это.

Второе, что интересно, это то, что мы находим у него в отношении социального разделения³. Он является убеждённым ленинцем, троцкистом, марксистом, поэтому во всём, что деятельно в социальном организме он видит не людей, а, прежде всего, только категории. Он видит не личности из плоти и крови, а категории. В прежней социальной организации он видит военных, юристов, государственных служащих и, как раз, пролетариев, как категории людей. Здесь его ограниченность состоит ещё и в том, что, по сути, он хочет превратить, всё прежнее государство в гигантское хозяйственное товарищество. Вообще, очень интересно его

2 Имеется в виду в «марксистском» смысле, потому что в начале 20-го века социал-демократы еще полностью ориентировались на идеи Карла Маркса - в отличие от сегодняшнего дня, когда они стали сторонниками «социальной рыночной экономики».

3 В главе «Проблема государственных служащих» Варга различал три различных слоя социальной элиты, которые он собирательно именовал государственными служащими: «1. Должностные лица, принадлежащие непосредственно к насильственной организации господствующего класса: профессиональные офицеры и унтер-офицеры всех вооруженных формирований, административные и судебные служащие. Этот слой идеологически наиболее тесно связан с правящим классом, имеет сильное чувство статуса и склонность проводить собственную политику, отличную от политики экономически господствующего класса. [...] 2. Профессорско-преподавательский состав всех ступеней: самый низкооплачиваемый слой государственной службы, недооцененный при капитализме, который легче всего примкнул к пролетариату. 3. Хозяйственное чиновничество, занимающееся производством и обращением товаров. Часть из них выполняет незаменимые, производительные функции: инженеры, химики, техники, экономисты, организаторы, мастера; другая часть обеспечивает необходимую работу по распределению и мониторингу; третья часть активна только в соревновании и является одним из *faux frais* капиталистической экономической системы». К этим трём группам следует относиться по-разному: «Первая группа чиновников насильственного блока старого государства, должна быть перераспределена, а её организационная структура разрушена. Только после полного роспуска старых насильственных организаций они могут быть восстановлены как личности на службе пролетарскому государству. Другое дело с преподавательским составом; их можно постепенно брать на службу пролетарскому государству, только надо чистить верхушки, где можно столкнуться с небольшими трудностями». И третий слой: «Чтобы добиться соответствующей выработки на фабриках, совершенно необходимо взаимопонимание между рабочими и техническими работниками фабрик». Но при Советской республике это было недостаточно успешно: «Государственные служащие [...] теряли - кроме небольшой прослойки действительно убежденных - радость своего труда, когда они не только получали желанное руководящее положение в производстве, а в сфере политики они, конечно, видели, что их прежние привилегии подвергаются опасности».

отношение к трём членам социального организма. Так, у него всё начинается с работы со вторым членом, с политическим государством. Он очень тонко вычленяет это второе звено. Он замечательно перечисляет в нём отдельные категории, а дальше объясняет: все они упраздняются. - То есть, собственно, всё политическое государство упраздняется. А что же с духовной жизнью? Профессор Варга знает, собственно, только хозяйственную жизнь. Он говорит: Духовная жизнь, - это учителя. - В отношении них он утешает себя тем, что они включаются в общем порядке, а именно, исходя из экономических соображений, в то время как первая категория, категория юристов и чиновников, не включаются в новый режим, и потому должны заниматься пролетарской работой. Ну, и в движении трёхчленности мы также испытали, что учителя всегда спрашивают: Да, а кто же нам будет платить? - Варга находит, что большинство из них должны включаться в хозяйственную жизнь. Остальные изгоняются. Таким образом, у него речь идет вовсе не о духовной жизни, а о хозяйственной жизни учителей; остаётся только хозяйственная жизнь.

Теперь интересно, с какой-то железной энергией осуществлялось создание Советской республики. Предприятия были просто экспропрированы; при этом, правда, некоторым образом учитывалось зарубежье. То есть, предприятия были поглощены со всеми их активами и пассивами, и, благодаря этому, возникала возможность обходиться с иностранными владельцами предприятий иначе, чем к отечественным. Речь шла о том, чтобы определённые производства муниципализировать (*kommunalisieren*), а другие национализировать (*verstaatlichen*). И тут выступает нечто интересное. Имелись выборы в производственные советы (*Betriebsräten*). Как правило, было принято, чтобы из числа рабочего пролетариата избирался производственный совет. Эти производственные советы были таковы, что люди в них ни о чём не имели никакого понятия. И профессор Варга говорит: «Успех» состоял в том, что люди, которые отошли от ручного труда и вошли в производственные советы, просто сидели целыми днями и ничего не делали, а все невзгоды, вся нищета продолжали оставаться. Он полагает, что со временем было бы лучше. Он не думает, что нищета только увеличивалась бы; из его опыта совсем не исходит то, что она стала бы меньше. Таким образом, теперь на вершине предприятий стояли производственные советы, в которых уже с самого начала замечалась сильная коррупция. Тут Варга говорит: Эта коррупция была и раньше, - при буржуазии было точно так же, - просто теперь тех, кто мог украсть, стало больше, и, благодаря этому, цифры естественно увеличились. - Согласно профессору Варге, эта ситуация улучшилось бы, если бы можно было больше агитировать. Далее он говорит: Чтобы управлять централизованной хозяйственной жизнью, нужно было иметь производственных комиссаров. То есть, вначале на предприятиях избирались производственные советы, - не такие, что мы хотели иметь в Штутгарте и Бюртемберге, которые, благодаря усердной работе, должны были подготавливаться к хозяйственной жизни и таким образом объединяться в производственный совет. Но таким людям, как Варга, это не подходило. Они просто избирались путём голосования, - что ещё можно делать, когда хочешь что-то урегулировать, исходя из утопии? Из производственных советов выбирались производственные комиссары. Последние имели дело с общей организацией, с остановкой предприятий, с концентрацией производственных отраслей и так далее, но также и с дисциплиной рабочих. Эти производственные комиссары были, по сути, центральными чиновниками в хозяйственной жизни.

Далее, интересно то, что вся книга профессора Варги от начала до конца, - это марксистские дебри самого абстрактного толка. Он описывает реформы, которые затем должны будут стать реальностью, такими само собой разумеющимися, что возникает впечатление, будто их описывает человек, вроде Ленина. И Варга знает, как правдоподобно представить эти принципы для большинства современных умов. Кому знакомы эти вещи, тот знает, что сегодня самый ужасный утопический дух царит именно там, где хотят вывести вещи на сцену практически. Нельзя придумать ничего более утопического, чем то, что в

Венгрии должно было быть сделано практически. Везде, где Варга рассказывает о своём опыте, он рассказывает о чём-то плохом и недобром. В советской Венгрии процветала коррупция, происходили рабочие восстания и так далее, так что люди говорили, что это хорошо для народа, что пришли румыны, потому что иначе они опустились бы ещё глубже. Это было бы ужасным разрушением изнутри.

Вся книга в 140 страниц - это марксистская чепуха, которая должна была быть практической. С таким хламом хотели всю страну превратить в хозяйственное товарищество. Но на нескольких немногих страницах, примерно в середине, вдруг, натыкаешься на предложение, которое совершенно выпадает из прочего изложения, и возникает ощущение: это уже совсем не тот Варга, а нечто чуждое. Так, например, он говорит о большой роли производственных комиссаров и, между прочим, замечает: ... если эти роли играют соответствующие личности. - То же относится и к замечанию, что этими мероприятиями вообще ничего нельзя достигнуть до тех пор, пока не изменится «стяжательская, эгоистичная идеология этих людей». Марксистами всегда утверждалось, что идеология вытекает из экономических производственных отношений. Таким образом, если бы Варга мыслил здраво и последовательно, он должен был бы себе сказать: Мы, марксисты, уже больше семидесяти лет утверждали, что идеология должна возникать из производственных отношений, что идеология, в качестве надстройки, должна подниматься из них как дым. Так что, если мы тут, в Венгрии, строим наш большой хозяйственный дом, то из хозяйственной жизни должна выходить идеология, как из его трубы этого дома должен выходить дым. - Но Варга так не говорит; но повсюду, где он говорит об основаниях своих мероприятий, - хотя бы и только в мимолетных замечаниях, - видно: лучше будет только тогда, когда изменится алчная идеология людей. То есть, он ждёт момента, когда люди займут позицию, не настроенную на алчное, эгоистическое, он ждёт преобразования алчной идеологии в бескорыстную. Но, она не может прямо следовать из хозяйственного способа производства, поскольку он, ведь, признает, что тот всегда ведёт к противоположному. Поэтому он просто ждёт, когда это преобразование произойдёт само собой. Видно: там, где дело касается того, чтобы в основу нового строительства положить изменение духовного направления души, чтобы столкнуться с конкретным духовным, там У Варги нет ничего, кроме небольшого примечания, которое, однако, для всего развития в Советской Венгрии было бессмысленно. Это, как раз, печальное.

Сегодня мы в самом широком охвате сталкиваемся с мнением, что от абстрактного приходят к конкретному. Это вытекает из призыва, который только что зачитала фройляйн Врееде, и который, вероятно, исходит из Голландии. Там предлагается создание какого-то совета, но там не стоит никакого примечания, которое было бы необходимо: что из этого что-то выйдет только в том случае, если соответствующие посты в этих советах будут занимать соответствующие люди. Вот, что здесь важно: чтобы люди брались за дело с конкретного конца. Можно говорить сколько угодно, ничего не поможет; может помочь единственно и только то, что вносит в людей дух и душу. Мы дошли до того, что оказались полностью выжатыми, без всякого понимания, что всё зависит от того, что надо внести в людей силу, дух и душу. Это то, к чему стремится трёхчленность.

Я рассказал вам об этом человеке из Венгрии, чтобы вы могли видеть, из какого духа делаются те вещи, которые создаются сегодня, и по каким причинам они должны разрушиться. Всё, что появляется подобно этой книге, и что затем выливается в такую странную исповедь, показывает нам, что со старым духом больше ничего сделать нельзя. Это то, что сегодня можно видеть повсюду: В теории можно утверждать всё; но когда такой человек, как профессор Варга, который был в положении создать что-то новое, делает это в соответствии со своими идеями, - тогда можно видеть, что из этого получается.

Я говорю это для того, чтобы люди увидели, насколько абсурдны требования, подобные тем, что содержатся в этой корреспонденции, которую только что зачитала фройляйн Врееде.

ВТОРОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР Дорнах, 19 июля 1920 года

Каким образом возможна реализация идеи трёхчленности

Открывает собрание Эмиль Ляйнбас (Emil Leinbas), затем слово берут различные участники, в том числе и Эмиль Гросхайнтс (Emil Grosheintz). После чего Рудольф Штайнер отвечает на некоторые из поставленных вопросов.

Рудольф Штайнер: Итак, поступило некоторое количество вопросов. Ведь, дискуссию мы можем продолжить и позже. Я могу ответить на некоторые из заданных вопросов, и хотел бы начать с последнего, заданного Доктором Гросхайнтсом.

Можно понять, что, как раз, в последние несколько десятилетий, исходя из различных социальных идей, постоянно возникало желание выяснить, насколько велик должен быть, собственно, объем работы, выполняемой [всем] человечеством, чтобы его было достаточно для развития человечества. Конечно, работа была бы использована экономически наилучшим способом, если бы производилось столько работы, сколько необходимо для того, что человечество хочет потребить. И, ведь, вполне понятно, что об этом можно дать лишь приблизительные данные. Но в различных кругах, где пытаются ответить на этот вопросы, - а это не очень-то и просто, - всё же можно составить представление о том, сколько ручного труда, то есть, простого человеческого труда, в наше время растрачивается. Точно, конечно, этого знать нельзя, если заниматься этим вопросом не дилетантски, а соответствующим образом, но, по крайней мере, для части человеческой рабочей силы, для физического труда, мы можем сказать следующее. Если предположить, что каждый будет производить физическую работу в соответствии со своими физическими данными, то было бы необходимо, чтобы каждый человек цивилизованного мира - «дикари» при этом не учитываются - работал бы ежедневно приблизительно два с половиной, три часа. То есть, если каждый человек будет работать ежедневно приблизительно два с половиной, три часа, то это была бы необходимая для всего человечества работа. Разумеется, это данные, которые дают лишь ориентир, поскольку на практике, естественно, получается, что один человек выполняет больше физической работы, а другой меньше, что, например, один человек, который выполняет особую умственную работу, может быть, не отягощен физической работой; тогда эту физическую работу должен будет выполнить кто-то другой. Но если исходить из того, что делается сегодня в плане физического труда, то можно сказать, что большей части человечества приходится работать столько, что рабочей силы затрачивается гораздо больше, чем, собственно, должно затрачиваться; больше, вероятно, - это это опять-таки приблизительное значение, - в пять-шесть раз. Таким образом, вы видите, сколько человеческой рабочей силы растрачивается просто так, из-за неэкономичности. Растрачивается гораздо больше, чем думают. Это то, что сегодня всплыло бы наружу посредством осуществления трёхчленности социального организма, и что не хотят видеть те, у кого отсутствует чувство практического.

Насколько у людей сегодня мало чувства практического, - это проявляется на каждом шагу, особенно в суждениях об импульсе трёхчленности социального организма. А именно, что совсем не хочет быть понятным, так это то, что сегодня необходимо развивать новые духовные силы по отношению к тому, что умирает; и поэтому, - поскольку это не понято, - эти духовные силы должны сегодня, так сказать, пробиваться через щели социального порядка, если они вообще хотят проявиться. Поскольку из того, что государство может внести и организовать, не может выйти вообще никакой заботы о духе. Это полная иллюзия,

когда полагают, что с помощью государственного управления можно создать нечто духовное. Все государственные предписания в отношении духовной жизни являются отчасти способом удовлетворения тщеславия, отчасти деловой суетой, и то духовное, что действительно производится, производится вопреки этим предписаниям. То есть, грубо говоря, если сегодня ещё есть дети, которые чему-то учатся, то они учатся не потому, что есть государство, а не смотря на то, что оно есть, потому что в школе ещё многое можно сделать вопреки школьным законам. А то, что происходит согласно школьным законам, не развивает духовные силы, а препятствует духовному развитию. [Напротив, в свободной духовной жизни] силы человека раскрываются, прежде всего, благодаря тому, что люди, воспитываемые в такой свободной духовной жизни, и затем помещённые в правовую и экономическую жизнь, - что эти люди тогда действительно обладали бы обзором отдельных областей жизни, что они могли бы действовать экономически, и организовать то, что не может быть организовано сегодня. Сегодня действительно можно отчаяться, когда видишь, например, как ведутся дела. Тот, кто хоть немного может думать, и должен проследить за тем, как ведутся дела, тотчас же увидит, что в них растрачивается в десять раз больше сил, чем необходимо, поскольку нигде нет достаточно воли, чтобы экономно связать эти силы, экономно соединить, а не разбрасывать ими. Прежде всего, речь идёт о том, чтобы, посредством ассоциативной жизни, действительно узнать людей, которые действуют вместе, - сначала их нужно узнать, если мы хотим организовать экономическую жизнь. Именно, благодаря трёхчленности социального организма, эта экономия только и становится возможной, и растрата энергии постепенно прекратится.

Многие вопросы, - как раз, те, что мне здесь передали, - показывают, как людям всё же трудно полностью определиться в том соответствующем действительности образе мышления, который положен в основу импульса трёхчленности социального организма. Видите ли, люди сегодня не стоят своими ногами на земле, а будто парят над действительностью, задирая головы, чтобы ощущать как можно меньше от этой действительности. Индус, Рабиндранат Тагор⁴, использовал изящный образ для человека сегодняшней западно-европейской культуры, сравнивая его с жирафом, который выносит свою голову далеко над своим телом и отделяет её от прочей действительности человека. Поэтому получается так, что люди совершенно не в состоянии представить себе, что этот импульс трёхчленности социального организма берётся из действительной практики жизни, и что речь при этом идёт совсем не о том, чтобы делать в этой области какие-то теоретические глупости.

Я хочу это сказать вам перед прочтением следующего вопроса:

Можно ли внутри трёхчленного социального организма представить какую-то форму, которая подходила бы для того, чтобы принять содержание чувств той части людей, которые по своей природе предпочитают монархический принцип и доверяют ему?

Не должны ли мысли трёхчленного социального организма вначале предложены старому режиму?

Ну, мне пришлось бы прочесть целую лекцию для надлежащего ответа на этот вопрос. Я хочу подчеркнуть лишь некоторые аспекты: «Можно ли внутри трёхчленного социального

4 настоящее имя Тбакур, 1861–1941, индийский поэт, философ, борец за свободу. Происходил из богатой семьи касты браминов. В молодости учился в Англии. Вернувшись в Индию, он разработал педагогику, которая сознательно отличалась от английской образовательной системы того времени, и в 1901 году основал в Шантиникетане собственную школу, которую в 1921 году преобразовал в университет. На протяжении своей жизни Тагор совершал различные лекционные туры в Европу и Америку. Он принимал участие в борьбе Индии за независимость, но призывал к осторожности и отвергал насильственные действия. Благодаря своему великому лирическому творчеству Тагор считается основателем современного бенгальского языка; В 1913 году он получил за свою работу Нобелевскую премию.

организма представить какую-то форму, которая подходила бы для того, чтобы принять содержание чувств той части людей, которые по своей природе предпочитают монархический принцип и доверяют ему?». Я хотел бы знать, какая часть содержания этого предложения взята из истинного, соответствующего действительности мышления! Если придерживаться импульса трёхчленности социального организма, то нужно, как раз, мыслить практически, то есть, в соответствии с действительностью. Тут надо, конечно, взять что-то конкретное. Возьмем бывший Германский Рейх. Возьмем последние десятилетия этого бывшего Германского Рейха, этих людей, которые «по своей природе предпочитают монархический принцип и доверяют ему». Тут я хотел бы спросить: Откуда они взялись? Конечно, были те, кто в верхних отделах своего интеллекта предавался некоторым иллюзиям на этот счёт, - были и такие. Но возьмём теперь «монархический принцип» бывшего Германского Рейха: Кто там, собственно, правил⁵? Вильгельм II⁶? Он уж точно не мог править, а речь шла о том, что существовала определённая военная каста, которая поддерживала фикцию о том, что этот Вильгельм II что-то значил, - ведь, он был всего лишь театрално-комедийным персонажем, который комедийно представлял всяческие вещи. Это был, своего рода, спектакль, поддерживаемый военной кастой, которая действовала вовсе не «по своей природе» и «доверия», а из чего-то совсем другого, - из всяких старых привычек, из удобства, из воззрения, что так и должно быть, - воззрения, которое, однако, коренилось в груди человека не очень глубоко. Таково было положение на самом деле, и его больше поддерживали, нежели оно основывалось на чём-то правлении. Это, ведь, и проявилось в последнюю неделю июля 1914-го года. Я коснулся этого в своих «Основных пунктах», сказав: Все пришло к нулевому пункту⁷. Однако, всё это было глубоко укоренено в фактах. Затем это привело к тому, что то, что со стороны этой военной касты, а в последние десятилетия также и со стороны ещё более отвратительного индустриально-торгового блока, таким образом суммировалось, и из сугубо внутренних лживых импульсов поддерживало этот монархический принцип.

Теперь выделим один отдельный конкретный момент, из которого можно видеть, что, собственно, - помимо конвенциональной лжи, которая, исходя из человеческих предрассудков, поддерживает нечто подобное, - означает «монархический принцип». В один определённый день 1917-го года - вы все это знаете - Теобальд фон Бетманн Хольвег (Theobald von Bethmann Hollweg) покинул пост канцлера Германии⁸. Если вы в деталях

5 Германия до революции 1918 года была конституционной монархией, во главе которой стоял кайзер Вильгельм II. Даже если он и претендовал на «личное правление», в основном ограничивался пустыми разговорами, за которыми едва ли следовали дела. Фактическая политическая власть находилась не в руках императоров, а в руках консервативной элиты дворянства и высшего среднего класса, а также профессиональных военных и чиновников.

6 Вильгельм II, 1859-1941, из династии Гогенцоллернов. В июне 1888 года он сменил своего отца Фридриха III, правившего всего четыре месяца, на посту императора Германии и кайзера Пруссии. Внутри страны он стремился к усилению влияния монархической власти. По отношению к другим великим державам он отстаивал политику, основанную на расширении флота и стремлении к мировому признанию. Однако за его милитаристскими речами скрывалось больше обещаний, чем искренней готовности идти на войну.

7 В четвертой главе «Основных пунктов» (GA 23) Рудольф Штайнер писал о положении в немецкой политике того времени: «Тот, кто их знает, знает, что немецкая политика представляла из себя карточный домик, что, посредством прихода в нулевой пункт всей её деятельности, все решения о том, следует ли начинать войну и как это следует делать, должны были перейти к военной администрации. Тот, кто задавал тон в этой администрации, не мог в то время, исходя из военных точек зрения, действовать иначе, нежели это случилось, потому что с этих точек зрения ситуацию можно было видеть только такой, какой её видели. Поскольку за пределами военной области сложилась ситуация, которая уже не могла привести ни к каким переговорам. Всё это явилось бы фактом всемирной истории, если бы нашёлся кто-нибудь, кто вынес бы на свет то, что произошло в Берлине с конца июля по 1 августа, а именно всё то, что произошло 1-го августа и 31-го июля».

8 Свержение Теобальда фон Бетманна Хольвега (1856-1929), находившегося у власти с июля 1909 года, стало результатом интриг между членами рейхстага и Верховным командованием армии. Это были, прежде всего, центральный депутат Матиас Эрцбергер, национал-либерал Густав Штреземан и подполковник Макс Бауэр,

проследите за этим, то узнаете, кто сверг этого человека, - этого человека, который, конечно, долгое время до и ещё долго после этого играл в этой несчастной Германии почти монархическую роль. Кто же на самом деле сверг Теобальда фон Бетманна? Видите ли, это был толстяк Эрцбергер⁹, а не Вильгельм II, который тогда не играл в этом ни малейшей роли. То, что тогда происходило, что, собственно, делал этот толстяк Эрцбергер, как он на самом деле осуществлял в те дни монархическую власть, знает очень малое количество людей, поскольку очень мало кого волнует то, что происходит на самом деле, - все предпочитают дремать.

Поэтому, когда вы думаете о чём-то вроде «монархического принципа», вам надо сначала выйти на конкретные факты, затем вам нужно ясно понять, в чём состоит действительность, - монархизм это или нет. Думаете, сегодня в Англии правит та личность, которую нам показывают¹⁰, которая производит не слишком интеллигентное впечатление и которая в постановлениях правительства всегда именуется «Правительство Её Британского Величества»? - Нет. Взгляните, как вся Англия сегодня, бежит за Ллойд Джорджем¹¹, который действительно обладает монархической властью. Взгляните, как обстоят дела в так называемых республиках, и вы увидите, что в действительности положение дел сильно отличается от того, во что люди верят согласно словесным шаблонам, согласно понятийным карикатурам. Речь, однако, идёт о том, чтобы, если истина должна быть заменена ложью, вопросы ставились, исходя из реальности. Поэтому, когда говорится о трёхчленности социального организма, совершенно нельзя ставить вопрос: Можно ли помыслить какого-нибудь Ллойда Джорджа с монархическими замашками? Ведь, трёхчленность социального организма говорит о своих трёх членах - духовной жизни, правовой жизни и экономической жизни - нечто совершенно определённое. Тогда всё образуется; как другие люди внутри такого организма получают места в соответствии со своими способностями, так и «монархи».

Но, похоже, что основной акцент этого вопроса ставится на последних строчках: «Не должны ли мысли трёхчленного социального организма вначале предложены старому режиму»? Хорошо, - кому же они должны быть предложены? Они, ведь, должны быть предложены тем, кто что-то может сделать. Что бы из этого вышло, - это уже другой вопрос. Речь, ведь, идёт о том, чтобы повсюду искать людей, которые могли бы положить импульс трёхчленности в основу всего того, что они реально делают. Ну, какой был бы толк в том, что, например, когда предстояло заключение Брест-Литовского мира, прокричали бы тогда миру: абстрактный принцип! Что бы это принесло; этого даже не могло случиться. Речь шла бы о том, что в реальные действия по заключению Брест-Литовского мира влилась бы эта идея трёхчленности; речь шла бы о том, что этот мир был бы заключён под влиянием этого импульса.

Мои многоуважаемые присутствующие, вскоре после Брест-Литовского мира я приехал в Берлин и разговаривал с одним господином, который во многих отношениях был правой рукой Людендорфа. В то время, тем, кто мог знать такие вещи, уже было ясно, какие разрушения должен был принести весь этот Брест-Литовский мирный договор. Кроме того, было ясно, что весной начнётся крупное наступление.

И я поехал в Берлин через Карлсруэ. Это было в январе. В то время было хорошо известно, что если в бывшей Германии произошёл бы крах, то рейхсканцлером стал бы

представитель генерал-квартирмейстера Эриха Людендорфа, кто содействовал свержению канцлера, - и это по совершенно разным мотивам.

9 Matthias Erzberger (Эрцбергер, Маттиас) (1875-1921), - немецкий политик.

10 Речь идёт о короле Георге V из дома Виндзоров; он правил с мая 1920 по январь 1936 года.

11 David Lloyd George (1863-1945) - английский государственный деятель. Будучи человеком скромного происхождения, он прошел путь до юриста, и продемонстрировал большое мастерство в политическом ораторстве. В 1890 году он стал членом палаты общин, где принадлежал к партии либерального направления. Он исповедовал социальный либерализм и выступал за социальные реформы и самоуправление Доминиона.

принц Макс фон Баден. Уже в январе я говорил этой поездке с принцем Максом фон Баден о трёхчленности социального организма, поскольку речь шла о том, что сила импульса трёхчленного социального организма естественным образом воздействовала бы на непосредственно конкретные, реальные факты¹². Задолго до Брест-Литовского мирного договора, когда ещё было достаточно времени, я представил господину фон Кюльманн все идеи трёхчленности социального организма, указав: из Америки к нам идут бредовые идеи Лиги Наций, бредовые, абсолютно абстрактные Четырнадцать пунктов, которые сведут мир к нулю, и единственное, что действительно можно было бы сделать с европейской стороны, это противопоставить всему этому программу трёхчленности социального организма.

Я хотел бы видеть, мои многоуважаемые присутствующие, что бы это тогда значило, если бы у кого-то на авторитетном посту хватило мужества противопоставить нулевой программе Запада ту настоящую содержательную политическую программу, которая является импульсами трёхчленности социального организма! И даже если бы некоторые люди, которым я их представлял, сказали бы мне: Хорошо, напишите об этом брошюру или книгу! - [я должен был бы ответить:] Воистину, важна не публикация этих вещей, а важно то, как они вступают в мир фактов.

Разговор, который у меня был с господином фон Кюльманн, - ведь, его содержание можно доказать и сегодня, потому что, слава богу, тот джентльмен, который был со мной, жив и, надеюсь, будет жить еще долго¹³, - этот разговор закончился тем, что господин фон Кюльманн сказал мне в свойственной ему манере: я просто одна ограниченная душа. - Господин фон Кюльманн, разумеется, имел в виду, что вокруг него есть и другие государственные деятели, и что он ограничен в своих решениях; но я в своей душе думал о другом истолковании этого высказывания.

Так вот, весной я приехал в Берлин, говорил с одним господином, который, как я уже говорил, был очень близок к Людendorфу, и хотел объяснить, какая нелепость предпринимать то весеннее наступление, о котором он, естественно, говорил так, как это было в то время позволено. Я сказал: «Разумеется, нельзя и не позволительно вмешиваться в стратегию, не

12 Немецкую делегацию, руководившую Брест-Литовскими мирными переговорами, возглавлял министр иностранных дел Германии Рихард фон Кюльманн (Richard von Kühlmann) (1873-1948). Кюльманн, бывший дипломат, занимал пост государственного секретаря в министерстве иностранных дел с 7 августа 1917 года. В основном он был сторонником заключения мира путем переговоров, а также изучил меморандум трёхчленности Рудольфа Штайнера и взял его с собой, - Рудольф Штайнер дал ему его первую версию меморандумы в ходе личной беседы, которая должна была состояться в Берлине в августе 1917 года, - но он не мог заставить себя публично признать эти идеи и выступить за их реализацию. Так что он фактически сделал противоположное тому, в чём был убежден, и приложил руку к заключению продиктованного мира. Об этом Рудольф Штайнер говорил в Штуттгарте в лекции от 21 апреля 1919 года (в GA 192): «Было бы совсем по-другому, если бы эта трёхчленность была реализована либо в Германии, либо в Австрии, ещё в середине или даже осенью 1917-го года как проявление импульса Центральной Европы против так называемых Четырнадцати пунктов Вудро Вильсона, сформулированных с американской точки зрения. В то время это было бы исторической необходимостью. Я сказал Кюльманну в то время: у вас есть выбор, либо взяться за ум и прислушаться к тому, что в развитии человечества заявляет о себе как нечто, что должно произойти [...], или вы получите революции или катаклизмы. - Вместо проявления разумности мы получили Брест-Литовский мир, так называемый Брест-Литовский мир. Подумайте только, каково было бы [...], если бы вместо, так называемых, Четырнадцати пунктов в грохоте пушек прозвучал бы голос духа. Вся Восточная Европа поняла бы, - это знает всякий, кто знает силы Восточной Европы, - замену царизма трёхчленностью социального организма. Тогда случилось бы то, что должно было случиться». Кюльманн ушел в отставку 9 июля 1918 года после того, как в своей речи в Рейхстаге 24 июня 1918 года он выступил против аннексионистских военных целей Верховного командования армии.

13 В его переговорах с государственным секретарем Рихардом Кюльманном Рудольфа Штайнера сопровождал Отто Граф Лерхенфельд. Благодаря своему дворянскому титулу Лерхенфельд был членом Баварского рейхсрата, первой палаты баварского государственного парламента. А еще он был племянником Хьюго графа Лерхенфельда, баварского посланника и первого представителя Баварии в немецком Бундесрате, высшем федеральном органе в Германской империи. В письме Рудольфу Штайнеру от 5 мая 1921 года граф Лерхенфельд подтвердил, что такой разговор между Штайнером и Кюльманном имел место.

будучи военным, но я исхожу из тех предпосылок, которые никак не влияют на стратегию. Я предполагаю, что Людендорф достигнет всего, что он только может вообразить, или же, если он этого не достигнет, то, ведь, эффект злополучной войны тот же самый. - В то время можно было ясно показать, что эффект должен был бы быть точно таким же, как это впоследствии и оказалось; сейчас то же самое. Тогда этот господин сказал мне, и я постоянно боялся, что он угодит мимо стула, с которого он вскочил, так он нервничал: Чего вы хотите? Трёхчленность у Кюльманна в кармане, и с ней он отправился в Брест-Литовск. Наши политики - ничто, наши политики - ноль. У нас, военных, нет других обязательств, кроме как сражаться, *сражаться*. Мы, мы не знаем ничего другого!

Вы видите, эти вещи тогда действительно предлагались старому режиму, - ведь, речь идёт не о том, чтобы просто вбрасывать в мир идеи, а о том, чтобы действительно искать пути их реализации этих идей. Затем, мои многоуважаемые присутствующие, наступило время, когда в моём распоряжении были только те области мира, в которых постепенно стало совершенно непрактичным спрашивать, как следует вести себя по отношению к монархиям и что с ними можно было бы сделать в отношении трёхчленности, - другие области пока не стоят в моём распоряжении; у меня ещё нет допуска в псевдомонархическую Англию¹⁴, в гипермонархическую Америку¹⁵ и в насквозь республиканско-монархическую Францию¹⁶, и так далее. Тот, кто стоит на почве реальности, не будет далее обсуждать этот весьма непрактичный вопрос о том, как следует относиться к монархическому принципу, поскольку этот монархический принцип, ведь, никак не сможет доминировать, он будет сидеть в полностью не проглядываемом угле, и в ближайшее время совершенно точно не потребует никакой серьёзной дискуссии, - напротив, сегодня требуют дискуссии совсем другие вещи.

И я только прошу вас, мои многоуважаемые присутствующие, прочитать в газете для трёхчленности мою статью о «Schattenputsche¹⁷», где я пытался показать, насколько излишне более левым страницам приводить себя в возбуждение относительно всей этой комедии Каппа. Поскольку, в конце концов, так, как обстояли дела в то время, левые были ничем не лучше, чем правые, и было совершенно всё равно, с какой стороны производился абсурд. Теперь речь идёт о том, чтобы искать реальность только и единственно в том, чтобы эту

14 После революционных потрясений 17-го века и принятия Bill of Rights от 23 октября 1689 года Англия окончательно стала конституционной монархией, в которой королевская власть была ограничена правом соопределения английского парламента. В последующие века вес всё более и более смещался в ущерб королевской власти: Англия стала парламентской монархией, в которой вся законодательная и исполнительная власть перешла к партии большинства в парламенте, а монархия осталась лишь украшением для внешнего мира.

15 Форма правления в США - действующая и сегодня система президентской демократии, введенная конституцией от 4 марта 1789 года, - характеризуется сильной позицией президента, который косвенно избирается народом на четыре года и не зависит от парламента. Будучи абсолютным главой исполнительной власти и благодаря своему отлагательному вето в законодательстве, которое парламента может обеспечить только большинством в две трети голосов, президент представляет собой, так сказать, монархический элемент в американской конституции, несмотря на республиканские декорации.

16 Третья французская республика возникла в результате компромисса между республиканскими и монархическими силами во Франции. Французские конституционные законы от 24 и 25 февраля и 16 июля 1875 года предоставили президенту республики, избираемому парламентом на семь лет, положение, так сказать, конституционного монарха, который не только обладал абсолютным главой исполнительной власти, но также имел право участвовать в законодательстве. Монархисты считали его занимающим место для будущего французского монарха, республиканцы - как республиканскую замену бывшему монарху.

17 Очерк Рудольфа Штайнера под названием «Schattenputsche und Ideenpraxis» («Теневые путчи и практика идей») появился в еженедельнике «Трёхчленность социального организма», № 44 от 4 мая 1920 года. Намекая на правый путч Каппа-Лютвица против недавно созданной Веймарской республики, Рудольф Штайнер писал: «Некоторые люди приходят в возбуждение, когда говорят о «милитаристском путче». Они даже не замечают, как много туманного вливается в их представления. По сути, если бы путчисты пришли к власти, они бы так же мало знали, что делать сегодня, как и их оппоненты. Собственно, совсем нельзя бояться какой-либо определённой воли такой группы; можно только иметь неопределённый страх перед персонами, которые когда-то обладали определённой волей».

трёхчленность внедрить в как можно большее число голов, которые затем смогут нести идею трёхчленности. Это единственная реальность. Для этого, вероятно, понадобится очень много времени, если нужда это время не сократит. Но нужно будет приложить ещё больше старания для того, чтобы эту идею трёхчленности внедрить в способные умы. О том, что она ещё не вошла в руководящие умы, свидетельствует, например, тот факт, что с немецкой стороны, также и в Спа, всё ещё фигурируют те вожди, в которых свойства руководителей были заложены ещё раньше, и в чьи головы идея трёхчленности совершенно определённо не заходит. То есть, вы видите, что речь действительно идёт не о том, чтобы сейчас растрчивать свои мысли на постановку таких нереальных вопросов, а речь идёт о том, чтобы работать в смысле идеи трёхчленности, чтобы эта идея трёхчленности проникла в как можно большее количество голов. Речь идёт не о размышлении о том, каким образом люди добровольно могут подчиняться даже не монарху, а монархическому принципу, проявлять к нему доверие и так далее; будут об этом раздумывать или нет, мне кажется, совершенно всё равно. Ведь, совершенно нет никакой необходимости предаваться таким нереальным мыслям, если действительно имеешь дело с чем-то таким, что желает работать, полностью исходя из реальности.

Других вопросов я коснусь лишь очень кратко, так как с этим последним словом дело, несомненно, затянулось:

Возможно ли в ассоциациях обходиться без духовных исследований? Можно ли распознать, разработает ли кто-то в продолжении лет какое-либо изобретение, или он просто халтурщик?

Ну вот, видите, в основе этого вопроса не лежит никакого правильного взгляда на то, какими должны быть ассоциации. Конечно, трудности, заложенные в человеческой природе, будут всегда. Чистая вера в то, что можно построить земной рай, ошибочна. Определённые трудности будут всегда. Но, является ли какое-либо изобретение многообещающим или нет, - это сегодня, так же как и в будущем, должен решать отдельный человек. Только сегодня этот отдельный человек зависит от самого себя или от какой-то традиции. В то время как при наличии ассоциаций, он стоит в связи со всем, что ассоциировано, и в своё суждение включает то, что может исходить от связанных с ним в ассоциациях людей. То есть, суждение, которое должно быть вынесено о таких вещах, существенно поддерживается тем, что люди стоят внутри ассоциации.

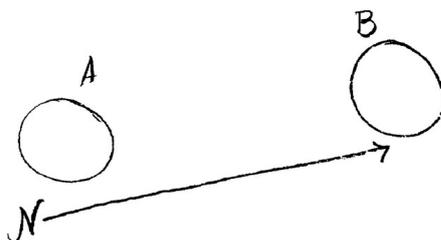
В последнее время я часто на одном примере показывал, как сегодня можно быть очень умным человеком, не приходя к суждению о несущей силе того или иного. Затем я приводил пример, что во всевозможных парламентах были люди, образованные на практике, которые с середины 19-го века выступали за золотой стандарт, утверждая и аргументируя это тем, что золотой стандарт приведёт к свободной торговле и, вместе с тем, к такой конфигурации торговли, которую они считали особенно благоприятной для интернациональных отношений людей. Получилось всё наоборот: золотой стандарт, как раз, повсюду привёл к системе протекционистских тарифов на границах (Schutzzollsystem). Я сказал, что не говорю, что все те, кто предсказал, что золотой стандарт приведет к свободной торговле, глупы, но тем не менее это привело к повсеместным протекционистским тарифам. По большей части это были, как раз, очень и очень умные люди. Прочтите парламентские речи, звучавшие в большом количестве в различных парламентах по поводу золотого стандарта, и вы увидите, что о золотом стандарте высказывались очень умные вещи. Но вся эта активность общественной экономической жизни была индивидуализирована, и отдельный человек был не в состоянии охватить более широкие взаимосвязи. Каким бы умным он ни был, он был не в состоянии набрать собственный опыт.

Этот опыт можно получить, только находясь внутри всего этого сплетения ассоциаций, зная, кто знает об одном, кто знает о другом, кто вообще что-либо знает как индивидуальность, - не просто потому, что соответствующее лицо было назначено кем-то, а потому что во множестве случаев с ним приходилось иметь дело в сети ассоциаций. Это соединяющее этой сети ассоциаций, - это нечто такое, что должно возникнуть на основе доверия. Таким образом можно сказать: Или-или - такого в жизни вообще нет. Но то, что сегодня делает человеку трудным узнать, будет ли что-то, что изобретено, плодотворным в человеческой жизни, - это в ассоциативной жизни по большей части будет исчезать. Надо мыслить о вещах в большом масштабе. Это действительно прискорбно, когда кто-то говорит вам нечто вроде: Ну, хорошо, я согласен; всё надо обновить, всё должно принять другие формы, и ты покажешь, какими должны стать эти другие формы. Но скажи мне теперь, как будет выглядеть моя лавка, когда появятся эти новые формы. Да, мои многоуважаемые присутствующие, ведь, может стать необходимым сказать ему, что его лавка тогда вообще не будет существовать в такой форме. Тогда он будет, конечно, очень недоволен таким ответом. При трёхчленности речь вообще идёт о том, что можно начать немедленно в любой день, и что будет продвигаться вперёд настолько быстро, насколько быстро появятся для этого способные люди. Это могло бы проходить очень быстро.

Теперь, если хочешь взяться за дело практически, нельзя спрашивать:

Когда какое-то устройство начинает становиться средством производства, - например, швейная машинка? Становится ли она средством производства только тогда, когда я использую её не только для собственных нужд, и тогда мне нельзя больше будет использовать её для собственных нужд?

Да, мои многоуважаемые присутствующие, когда дело доходит до таких больших вопросов, нельзя получить ответ из очень ограниченного круга; это невозможно. Я гарантирую вам, что когда будет осуществлена трёхчленность социального организма, у вас будут удовлетворительные отношения и со швейной машинкой. Ведь, обычно совсем не думают, что швейная машинка и, например, расчёска для волос и тому подобное, могут быть также средствами производства, поскольку средства производства - это всё, что позволяет мне осуществлять свою профессию. Поэтому нельзя ограничивать понятие средств производства таким образом. То, о чём идёт речь, - так это то, что вообще не следует мыслить так узко. Представьте себе, вот одна церковь, вот вторая церковь, - я беру пример, обычный для католицизма. Предположим, что здесь живет пастор Н (рисует на доске).

Этот пастор каждый день читает мессу, а по воскресеньям - вечерню, и так далее; там он надевает своё церковное облачение. Эти облачение принадлежат церкви. Если теперь пастора Н. переведут, например, в качестве повышения, из церкви А в церковь Б, то ничего из этого облачения он с собой не возьмёт; всё это остается в церкви А. А в церкви Б, он облачается в то, что принадлежит этой церкви, - если тут можно говорить о «принадлежности», но вы понимаете, что я имею в виду. С этим церковным облачением у вас сразу возникает совсем другое отношение к вещам, связанным с профессией, нежели со швейной машинкой или пишущей машинкой, которую вы берёте с собой, переходя из одного места в другое. Я не

хочу сказать, что для швейной машинки в будущем должен быть введён тот же порядок, что и для церковного облачения. Вы видите, существуют различные возможности прийти к тому, что необходимо для выполнения своей работы. Так что вам действительно не следует мыслить узко, когда речь сегодня идёт о большом мировом содержании. Не надо, из-за заботы о своей швейной машинке, приводить в беспорядок всё своё мышление о трёхчленности социального организма.

Ещё более курьёзный третий вопрос:

Что произойдёт, если кто-то не захочет уходить в отставку, когда он уже не может сам управлять средствами производства? Или, если он не захочет уходить в отставку, его заставят? Кто сможет это определить, и объяснить ему, что ему пора уходить?

Ну, не правда ли, такие вопросы настолько ужасно абстрактны, что они даже не возникают у того, кто просматривает ход событий в действительности трёхчленности социального организма. Прочтите мои «Основные пункты»; в действительности трёхчленности существует бесчисленное количество способов заставить такого человека уйти в отставку. А кроме того, надо только учесть, что при троичном становлении общественного организма — это существенное положение — меняется все отношение человека к обществу. И, кроме того, надо себе только представить, что, ведь, с трёхчленностью социального организма - и это существенно - изменяется всё отношение человека к обществу. Не правда ли, думают так: Каким образом это вообще будет происходить, что кто-то назовёт своего преемника? Такие вырванные из действительности вопросы вообще нельзя ставить подобным образом. Такие вопросы надо ставить совершенно конкретно из переживания фактов. Скажем, кто-то становится неспособным, неспособным по причине слабоумия, вести какое-то дело. Тогда, в большинстве случаев, тот, кто видит приближающееся слабоумие и больше не справляется со своими обязанностями, наймёт кого-то, кто ему поможет. Тогда, исходя из этих условий, появится и преемник. Если будет не так, как я только что описал, то в конкретной жизни будут складываться другие, но всегда совершенно определённые условия. То есть, если кто-то не хочет уходить, жизнь покажет ему, что он должен это сделать. Поскольку тот, кто не способен, уже не найдет никого, кто захотел бы с ним работать, и тогда он уже не сможет плодотворно управлять своим предприятием.

Так что в реальной жизни все выглядит совсем иначе, чем в теоретическом вопросе. И в этом-то всё дело, чтобы подходить к вещам с соответствующим действительности мышлением, которое ставит себя в действительную, практическую жизнь. Если вы сегодня на каком-либо социалистическом собрании слушаете, что говорят о каких-либо подобных вещах, то вы услышите всё возможное и невозможное, поскольку там нигде не касаются действительности. И как пролетариат, которому дали взрасти таким образом, что это никого не заботило, который был приставлен к машинам, и который не мог познакомиться с действительной жизнью, с действительными отношениями, - как этот пролетариат мог иметь понимание чего-то другого, кроме совершенно чуждых миру теорий? Но, как раз, в том-то и дело, что, благодаря таким чуждым миру теориям, мир идёт к своей гибели и не возникает ничего нового. Речь идёт о том, чтобы всеми возможными средствами приходить к тому, чтобы указывать на действительность и всё понимать, исходя из этой действительности. Вот, что важно.

ТРЕТИЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР

Дорнах, 9 августа 1920 года

Обоснование трёхчленности, исходя из социальных закономерностей

Ричард Эриксен (Richard Eriksen) читает лекцию «Философское обоснование трёхчленности социального организма». После этого происходит обмен мнениями, в конце которого снова по поводу различных вопросов высказывается Рудольф Штайнер.

Рудольф Штайнер: Мои многоуважаемые присутствующие, вопросы, которые были поставлены и на которые я хотел бы ответить, следующие. Вначале, первый вопрос:

Что следует отвечать, когда внешний мир ставит перед нами такой практический вопрос: Откуда должен получать свои деньги работник в трёхчленном социальном организме?

Что ж, я полагаю, что на этот вопрос, в его чисто внешнем виде, можно ясно ответить, исходя из «Основных пунктов». Речь идёт о том, что в смысле этих основных пунктов, - то есть, исходя из тех условий, которые там даны, - членение в социальном организме должно быть осуществлено таким образом, чтобы у того, кто в этом нуждается, имелся бы руководитель работ, под руководством которого он бы работал, и чтобы этот руководитель работ был бы также посредником для того, чтобы продукты, производимые вместе с этим работником, передавались бы в торговлю. Само собой разумеется, что, благодаря этому, будет другой настрой и в управлении тем, что в трёхчленном социальном организме фигурирует в качестве денег. Согласно тем договорным соглашениям, которые, ведь, охарактеризованы также и в «Основных пунктах», тот, кто является работником, получит свои деньги опосредовано через этого руководителя работ. Это чисто внешний процесс, который, ведь, - как внешний процесс, - едва ли будет сильно отличаться от того, что принято сейчас. Однако, мои многоуважаемые присутствующие, ведь, речь идёт не о таких внешних процессах, а речь идёт о том, какие функции будут играть деньги в трёхчленном социальном организме. Сегодня деньги, если это сами по себе бумажные деньги, - это товар, втиснутый между прочими товарами. В трёхчленном социальном организме деньги должны постепенно утратить этот характер. И тогда, разумеется, ценообразование может иметь место только в рамках экономического члена социального организма. Денежные знаки должны всё больше и больше становиться частью большой бухгалтерии, которая [происходит] между всеми людьми, вовлеченными в хозяйственную жизнь, - а это, ведь, все люди в какой-то замкнутой области. Если этот большой бухгалтерский учёт возникает сам по себе, то в денежной банкноте вы имеете просто то, что вы должны обозначить на стороне своих активов. Те, кто мыслит абстрактно, думают так же, как думают в буржуазных кругах, - они думают, что такой бухгалтерский учёт уже действительно есть. Это, конечно, бессмыслица, поскольку такой, какой он есть, он никому не нужен. Но такая бухгалтерия, которая будет нужна, - она образуется сама собой, она не будет какой-то абстрактной большой бухгалтерией, она тогда просто будет в реальности. Важно то, что образуется определенная связь между руководителем работ и тем, кто должен работать под его руководством. И для такой связи не имеет значения то, что работник получает деньги от руководителя работ, так же, как сейчас не имеет значения, скажем, то, что кто-то, будучи служащим, получает деньги из кассы. Эти вещи должны рассматриваться в связи со всем комплексом вопросов о капитале и человеческой работе; только тогда они получат, так сказать, верную окраску.

Второй вопрос:

Как представляется переход от сегодняшних социальных и экономических условий к практической реализации трёхчленности?

Собственно, это совершенно не соответствует смыслу основополагающих мыслей моей книги «Основные пункты социального вопроса», что здесь может прозвучать такой вопрос такой вопрос. Поскольку в том, что представлено в «Основных пунктах», речь идёт не о какой-то утопии, которая должна занять место того, что есть сейчас, и где должен быть сделан переход от сегодняшних состояний к последующим, а речь идёт о том, что эта трёхчленность возникает, если только однажды идея трёхчленности будет понята достаточно большим числом людей, и если затем, исходя из этого понимания, люди позаботятся о своих духовных, государственных и экономических состояниях. Эта трёхчленность социального организма возникает так же, как возникает, скажем, юбка, когда вы как портной научились шить юбку; тогда её можно осуществить. И, поскольку она задумана как нечто вполне практическое, осуществится и трёхчленность социального организма. Не нужен никакой переход. Поэтому я и говорил в основных пунктах: то, что там имеется в виду, можно начать в любой момент, и о каком-то переходе можно вообще не заботиться. Думать о переходе необходимо так же мало, как, скажем, необходимо думать над следующей проблемой: Я знаю одного человека, которому сейчас 17 лет, в следующем году он собирается стать восемнадцатилетним; каким же будет переход между 17-ым и 18-ым годом?

Нет необходимости ставить такие вопросы, когда имеешь дело с практической идеей, которая просто смотрит на то, что есть сейчас, и спрашивает: чего требуют нынешние условия? Если они продолжают развиваться естественно, а не противоестественно, они требуют, как раз, того, что даёт трёхчленность; и тут нет необходимости думать о каком-то специальном переходе. Нынешние социальные и экономические условия таковы, что можно либо продолжать обходиться с ними противоестественно, или воздвигать какие-либо утопии, вроде ленинизма и троцкизма, и пытаться заниматься формированием, исходя из них, либо же можно относиться к ним естественно, - тогда возникает трёхчленность. И это то, о чём, собственно, идёт речь. Поэтому совершенно нельзя ставить вопрос о том, как происходит переход к практической реализации, а всегда нужно рассматривать эти вещи в конкретном. Но, дело в том, что, как раз, в конкретном люди заниматься этими вещами не любят.

Так, во времена, когда с этой трёхчленностью социального организма мы находились ещё в небольшом публичном пространстве, этот вопрос ставился несколько иначе, чем сейчас, поскольку тогда был страшный страх, что всё может распасться. Тогда спрашивали: Хорошо, но что, собственно, должно делать правительство? Тогда нужно было просто сказать то, что для правительства [как путь] является практичным: а именно, как правительству, просто отпустить духовную жизнь и экономическую жизнь; эти области должны стать свободнее. Однажды, когда министр труда спросил меня¹⁸, что ему делать [я должен был ему ответить]: видите ли, [трудности] происходят от того, что эти три члена социального организма слиплись; Вы находитесь сейчас в таком положении, что, с одной стороны, Вы обладаете мандатами, присущими только правовому государству, а с другой стороны, вставлены только в экономическую жизнь. Поэтому хотелось бы пожелать, - что Вам лично я бы желать не хотел, - чтобы Вас, как того турка, разрубил надвое достойный шваб¹⁹. - То есть,

18 Рудольф Штайнер, вероятно, имеет в виду беседу с министром труда Вюртемберга Хуго Линдемманном (Hugo Lindemann); оно состоялось 30 апреля 1919 года и не дала никакого результата.

19 Рудольф Штайнер ссылается здесь на стихотворение Людвиг Уланда (Ludwig Uhland) (1787–1862) «Schwäbische Kunde», где соответствующий отрывок гласит:

Haut auch den Sattel noch zu Stücken
Und tief noch in des Pferdes Rücken;
Zur Rechten sieht man wie zur Linken,
Ein halben Türken heruntersinken.

Рассечено седло на части,
Достав до самого коня,
И правый вид похож на левый,
Пол турка приняла земля.

деление должно было начаться уже в самом этом министре труда. Теперь вы видите, что это вещи, на которые надо постоянно указывать, а именно, что трёхчленность необходимо мыслить как в высшей степени практическую вещь. Тогда вопросы о переходе от сегодняшних состояний к практическому осуществлению трёхчленности ставиться не будут.

Третий вопрос:

Один член группы для трёхчленности социального организма является главным управляющим (Prokurist) крупного корпоративного общества, деятельность которого, подобно паутине, покрывает весь север Англии; она насчитывает 10 миллионов членов. Он хотел бы знать, в какой степени такое корпоративное общество соответствует принципу трёхчленности, и в чём оно отклоняется от него.

Что ж, мои многоуважаемые присутствующие, тут, ведь, это заинтересованное лицо, сможет ответить на это, вероятно, только лично, поскольку он вскоре заметит, что это общество, в котором он является главным управляющим, не имеет абсолютно никакого отношения к трёхчленности; он может быть либо главным управляющим этого общества, либо работать для трёхчленности социального организма. Одновременно быть и тем и другим не получится. Но сможет ли он пропагандировать трёхчленность в рамках этого корпоративного общества, - это будет зависеть только от того, сможет ли он силой своего духа, посредством всего, что он может сказать относительно обоснования идеи трёхчленности, выиграть для этой идеи трёхчленности 10 миллионов членов. Если он их выиграет, то его деятельность в качестве главного управляющего этих 10 миллионов определенно оправдана, и тогда хотелось бы принести ему огромные поздравления как стойкому представителю трёхчленности. Однако, я считаю, что эти две деятельности едва ли совместимы, то есть, деятельность главного управляющего корпоративного общества и представителя трёхчленности. Но, не правда ли, иногда, ведь, они совместимы; в трёхчленности социального организма всё зависит только от людей. Мы видели и испытывали это в трёхчленности снова и снова.

И ещё несколько слов; сегодня уже слишком поздно говорить о многих из тех вещей, о которых поговорить хотелось бы. Видите ли, дело действительно обстоит так, что ко многим вещам сегодня подступают не с того конца.

Так, тут, например, требовали, чтобы с пролетариатом говорили общепонятным образом. Да, но видите ли, то, как говорили с пролетариатом в Штуттгарте с апреля 1919-го года, было настолько общепонятным, что очень скоро собрались тысячи и тысячи рабочих и нашли язык вовсе не непонятным. Затем появились люди, которые говорили старыми марксистскими фразами²⁰. Да, мои многоуважаемые присутствующие, если бы некая, я бы

Стихотворение цитируется из издания трудов Уланда «Сочинения Уланда в трёх томах», составленного Рудольфом Штайнером, с биографическим введением, написанным доктором Штайнером. Рудольф Штайнер, Берлин, 1902 года (в GA 33).

²⁰ Например, в дискуссии после публичной лекции о трёхчленности в Ульме от 26 мая 1919 года (в GA 333), в которой выступили преимущественно социалистические партийные и профсоюзные деятели, заявившие, что Рудольф Штайнер вообще не разработал ничего нового. Рудольф Штайнер в своем заключительном слове сказал: «Некоторые участники говорили, что в моих рассуждениях не было выдвинуто ничего нового. Ну, я очень хорошо знаю развитие социального движения. И тот, кто утверждает, что суть выдвинутого сегодня, исходя из опыта всего переустройства социальной ситуации в результате мировой катастрофы, не является чем-то новым, тот должен понимать, что говорит нечто совершенно неправильное. В действительности ситуация совсем иная: эти участники просто не услышали ничего нового. Они ограничились тем, что выслушали те немногие вещи, которые, разумеется, в силу их правильности были выдвинуты как критика обычного общественного строя. Они в течение многих лет привыкли слышать то или иное в виде лозунгов: они слышали это. Но всё, что было сказано в промежутке о трёхчленности социального организма, о том, что посредством этой трёхчленности может быть достигнута действительная социализация во всех направлениях, - об этом эти участники не услышали абсолютно ничего». И далее: «Например, мы слышали одного из участников, который, словно не пережив последние пять-шесть лет,

сказал, социально девственная публика, которая не была бы ещё набита марксистскими лозунгами, услышала те марксистские фразы, которые эти вожди иногда говорили своей пастве, то эти люди сказали бы: нам это совершенно непонятно. Они находили это понятным только потому, что вылавливали иногда из этой кучи слов какое-то слово, - вроде «добавочной стоимости»²¹ («Mehrwert») и тому подобное, - которое эти люди, бывшие вождями, поливали социалистическим соусом, который был вовсе не общепонятным; он был непонятным из-за своей бессмысленности. Да, но «общепонятность», - с такими вещами вершится много нехорошего. Надо сказать, что то, что в рабочих кругах часто называют общепонятным, тоже является, собственно, тем, - я, ведь, приводил фрагменты такого наследия в своих «Основных пунктах социального вопроса»²², - что пролетариат перенял от буржуазии. То, что там называется непонятным, - это то, что пролетариат перенял у буржуазии.

Это общепонятное надо, ведь, также практически пережить. Однажды, много лет назад меня пригласили в Берлин говорить о «Фаусте» Гёте. Там собрались люди, которые были воистину не рабочими, это были буржуа с набитыми кошельками, и ещё какие-то люди, но явно не рабочие. Тогда я пытался говорить о гётевском «Фаусте» так, как, собственно, и надо говорить. Там были также люди, которые потом говорили: Да, гётевский «Фауст», такого, собственно, невозможно представить в театре вечером; это не театральная пьеса, вроде той, что ставит Блюменталь; это, ведь, наука; разве захочешь иметь такую науку по вечерам. - И если вспомнить, исходя из каких точек зрения иногда осуществлялось народное воспитание, а именно, в последние несколько десятилетий, скажем, например, драматургами, которые творили общепонятным образом, - а на самом деле только для своего собственного кармана, - только тогда можно исторически получить понятие о том, что имеется в виду под общепонятным. Тогда видно, что в этом требовании общепонятности есть нечто такое, что рабочие должны ещё сбросить, как остаток того, что они унаследовали от буржуазии, от этой стремящейся к удобству, сонной буржуазии, которая не хочет думать. Поскольку общепонятность - это, собственно, требование услышать нечто такое, что не надо обдумывать. Но, благодаря этому, мы вошли, как раз, в то катастрофическое время, когда люди не хотят думать. И мы не выйдем из него до тех пор, пока люди не станут думать.

Но всё же предельной абстракции достигло сегодня, как раз, то, что называется социализмом,. Не правда ли, как часто приходится слышать ворчание по поводу "-истов" и "-измов". Теперь, кроме "идеализма", "спиритуализма", "реализма", "механистицизма", кроме "идеалистов", "спиритуалистов" и так далее, у нас в последнее время появились еще: "большевизм" и "большевики", «марксизм» и «марксисты». С механистицизмом, по крайней мере, можно связать понятие «механическое»; со «спиритуалистами» и «спиритуализмом» можно связать понятие «спиритуальное»; в «идеализме» ещё содержится, как понятие, слово

высказывался о старых теориях, которые уже столько раз обсуждались и до этой катастрофы. Он браво снова выдвинул все теории прибавочной стоимости и так далее, которые, ведь, безусловно, правильны, но которые выдвигались уже бесчисленное количество раз».

21 Учение о прибавочной стоимости является фундаментальной частью марксистского мировоззрения.

Прибавочная стоимость есть положительная разница между меновой стоимостью труда и меновой стоимостью товаров, произведенных рабочими; предприниматель может присвоить его как собственника средств производства. В этой возможности заключается эксплуатация наёмных рабочих капиталистами.

22 В основном в первой главе «Основных пунктов» (GA 23). Там Рудольф Штайнер ссылался на буржуазное наследие пролетарского мышления. Буржуазное мышление живо, как раз, в пролетарском взгляде на духовную жизнь как на идеологию. Это продолжение буржуазного мировоззрения приводит теперь к экзистенциальному противоречию в пролетариате: «Но действительно важным должно представляться то, что то, что у других классов закрепляется лишь в одном единственном члене их душевной жизни, - мыслительная основа жизненной установки, - в восприятии пролетариата становится решающим для всего человека. То, что в пролетарии таким образом является внутренней действительностью, - этого он не может признать сознательно. От этого осознания его удерживает то, что мыслительная жизнь преподносится ему в виде идеологии. В действительности он строит свою жизнь на мыслях, но воспринимает он эти мысли как недействительную идеологию». В этом состоит настоящая трагедия современного пролетария: «Он живёт пролетарски, а мыслит буржуазно».

«идеальное». Но «большевизм» и «большевики», «марксисты», «марксизм», - тут внутри нет уже никаких слов. Это «-изм» Маркса, марксисты - это те, кто хочет Маркса. Это самая горькая ирония, собственно [самая крайность], которую когда-либо удавалось достичь как абстрактность; это, ведь, нечто гротескное, если учесть то, как далеко зашла абстрактность в движении, которое хочет быть общепонятной.

И теперь, в заключение, нечто о том, что было выдвинуто относительно двух социальных законов, - как я их сформулировал, - закона индивидуализма и закона социализма²³. Один из этих законов я сформулировал на основе книги Людвиг Штайна²⁴ (Ludwig Stein). Тогда мне пришлось обсуждать одну из книг Людвиг Штайна²⁵, толстую книгу по социальным вопросам с философской точки зрения. Было довольно непросто продираться сквозь лабиринт мыслей Людвиг Штайна, этого типичного философа современности. Это тот самый Людвиг Штейн, который, - поскольку он много писал, - должен был писать так быстро, что однажды с ним случилось следующее. Когда в одной из своих книг он захотел доказать, что настоящую культуру могут развить только люди средней полосы Земли, тогда он сказал, что это вполне естественно, поскольку на Северном полюсе они должны замерзнуть, а на Южном полюсе должны сгореть. - Ну, это, ведь, высказывание философа, который много лет был ответственным за развитие философии на философском факультете в Берне. И этот философ пользовался определенным авторитетом.

Какой гротескной может стать такая абстракция, я понял однажды в Веймаре. Там, в архивах Гёте и Шиллера с нами работал другой профессор из Берна, и этот другой профессор рассказал следующую историю. Мы завели разговор о первых работах Роберта Зайчика²⁶ (Robert Saitschick). Зайчик действительно представил несколько дебютных работ, которые были по крайней мере чем-то респектабельным; только потом он стал таким «Kohler», как сейчас. В то время Роберт Зайчик был частным доцентом в Бернском университете, а Людвиг Штайн - профессором. Роберт Сайчик был бедняком; Людвиг же Штайн, кроме того, что он был профессором бернского университета, был ещё владельцем целого ряда домов на Köpenikerstraße в Берлине. Потому-то его и знали в Берлине, этого профессора Штайна. Я, например, не мог от него отвязаться; когда я время от времени бывал в Берлине, после того, как написал эту рецензию, он подходил ко мне и говорил: Мне хотелось бы снова поговорить с Вами как Ваш позитив с моим компаративом. - Это была всегда одна и та же шутка, которую он произносил. Так вот, Штейн был полным профессором в Берне, Зайчик был частным доцентом, и тот профессор, который это рассказал, - между прочим, очень достойный, добропорядочный господин, только глубоко погружённый в университетские воззрения, - сказал: "Этот Роберт Зайчик - совершенно неквалифицированный малый, о нём вообще нечего говорить. - Я сказал: Ну, он всё же написал довольно хорошие книги. - Да вы

23 «Закон индивидуализма» Рудольф Штайнер обозначил в своей статье «Свобода и общество» («Freiheit und Gesellschaft») (в GA 31), где он впервые сформулировал его как «основной социологический закон». «Закон социализма» Рудольф Штайнер впервые упомянул в статье «Теософия и социальный вопрос» (опубликованном сегодня под названием «Антропософия и социальный вопрос», в GA 34) и в этом контексте назвал его «основным социальным законом».

24 Людвиг Штайн (1859-1930), получил философское образование в Цюрихе в 1888 году. После непродолжительного времени работы в качестве профессора философии в Швейцарском федеральном политехническом институте в Цюрихе в 1891 году он был назначен профессором общей философии в Бернском университете. Выйдя на пенсию в 1910 году, он жил в Берлине в качестве свободного писателя. Людвиг Штайн рано занялся социальным вопросом. В 1897 году в Штутгарте вышла его книга «Социальный вопрос в свете философии. Лекции по социальной философии и ее истории», которой и занимался Рудольф Штайнер.

25 Рудольф Штайнер обсуждал книгу Людвиг Штайна в 67-ом номере «Журнала для литературы» под рубрикой «Социальный вопрос». Его рецензия была опубликована в трёх сериях, в номерах от 16-го, 23-го и 30-го июля 1898 года (№№ 29, 30, 31) (все в GA 31).

26 Роберт Зайчик (нем. Robert Saitschick, при рождении Рувим Маркович Зайчик; 24 апреля 1868, Мстиславль Могилёвской губернии, ныне Белоруссия — 29 января 1965, Хорген, Швейцария) — швейцарский историк литературы, философ, писатель и художественный критик (прим. пер.).

только подумайте, что он сделал, - сказал профессор. Он очень бедный мальчик, и он попросил займы у своего ординария (ординарного профессора). Ординарий дал ему денег, и через определённый срок попросил Зайчика вернуть деньги. И он сделал это в той форме, что сказал: Господин профессор, после того, как вы это сказали, я хотел бы, чтобы вы дали мне письменное свидетельство того, что вы плохой человек. И - ординарий написал это свидетельство! - Так мне сказал профессор; я просто повторяю то, что он мне сказал: ну, не думаете ли Вы, что приватный доцент, который заставляет своего профессора выдать ему такой документ, это очень подлый человек? - Это, как раз, университетское воззрение.

Так вот, я должен был рецензировать эту книгу Людвиг Штейна, и должен был при этом указать на то, что естественный ход человеческого развития в социальном отношении таков, что люди сначала живут в связанности, в объединениях (Verbänden), а затем отдельные люди из этих объединений дорастают до индивидуальности. Позже, со своей стороны, я попытался сформулировать другой закон, закон социальной жизни, и объяснил, что вся социальная конституция может быть сформирована только в том случае, если отдельный человек в экономическом плане живёт не за счёт того, что он сам зарабатывает, а если то, что он сам зарабатывает, он отдаёт обществу, и, в свою очередь, получает от общества то, что ему нужно, - каким образом это происходит, показывают, как раз, «Основные пункты», и я объяснял это однажды в Цюрихе²⁷. Тот, кто может сегодня просматривать социальные связи, знает, - даже если поначалу это выглядит иначе, - что тот, кто сегодня шьёт себе юбку, фактически её не производит. То, что он её производит, - это, в области, где мы имеем сегодня такое далеко идущее разделение труда, только иллюзия, поскольку то, что он производит, потребляется им самим. Но этот закон социальной жизни вполне действенный. Ведь, дела обстоят так, что этот закон могут сознательно реализовать только те, кто порвал со связанностью и стал индивидуальностью. Эти две вещи, возможно, абстрактно противоречат друг другу; в реальности же они развивают друг друга, определенно принадлежат друг другу. Индивидуальность должна сначала освободиться от объединений, чтобы затем могло быть реализовано социальное, исходя из индивидуальности. Вот и решение загадки в данном случае. И таким образом, разрешились бы и различные другие кажущиеся противоречия, если ими заняться.

Конечно, к сказанному сегодня можно было бы очень многое добавить; но время поджимает, и я думаю, что, поскольку эти вечера, посвящённые трёхчленности ещё не достигли своего завершения, о многих вещах можно будет поговорить в следующий раз.

27 В лекции от 12 февраля 1919 года в Цюрихе, озаглавленной «Развитие социального мышления и воли, и условия жизни современного человечества», Рудольф Штайнер пояснил этот «закон социальной жизни» следующими словами (в GA 328): «Этот закон состоит в том, что никто, насколько он принадлежит социальному телу, социальному организму, не работает для самого себя. Заметьте, - насколько человек принадлежит социальному организму, он не работает для себя самого. Всякая работа, которую выполняет человек, никогда не может замыкаться на нём самом, даже в виде собственного дохода, а она может выполняться только для других людей. И то, что производят другие люди, должно приносить пользу нам самим. В этих вещах живет не просто этически требуемый альтруизм, а это просто социальный закон». И далее: «Хотя, по сути, этот закон очень прост для понимания, вы можете возразить: Если я портной и наряду с одеждой, которую я шью для других, я однажды сошью костюм для себя, то я, ведь, применяю свою рабочую силу для самого себя! - Это только иллюзия, как всегда является иллюзией, когда я полагаю, что результат моего собственного труда замыкается на мне. Делая себе юбку, брюки или что-то в этом роде, я на самом деле работаю не на себя, а я ставлю себя в положение, позволяющее мне продолжать работать на других. Это то, чем обладает человеческий труд как функция внутри социального организма чисто посредством социального закона».

ЧЕТВЁРТЫЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР

Дорнах, 16 августа 1920 года

Формирование социального суждения

Роман Боос: Многоуважаемые присутствующие, вопрос, сегодня вечером должен обсуждаться вопрос о том, как формируется суждение в трёхчленном социальном организме. Господин Доктор Штайнер прочтёт вступительную лекцию. Затем я хотел бы попросить вас принять активное участие в дискуссии, и особенно тех, кому есть что сказать относительно проблем, которые будут сегодня подняты. А сейчас я прошу Доктора Штайнера начал свою лекцию.

Рудольф Штайнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Я хотел бы начать сегодняшнюю дискуссию с нескольких замечаний о том, каким образом может возникнуть социальное суждение, на котором всё же должен строиться новый социальный порядок. Замечу с самого начала, что, как раз, на эту тему говорить популярно будет непросто. Невозможность говорить об этом предмете популярно, можно, собственно, увидеть уже из фактов, в которых мы живём.

Видите ли, наше время, по сути, во многом совершенно против формирования человеком здорового социального суждения. Это, конечно, верно, что сегодня много говорится о человеке как социальной сущности, о социальных условиях и вообще о социальных требованиях. Однако, эти речи о социальных требованиях, как раз, не проникнуты глубоким пониманием того, чем, собственно, является социальная сущность. Это и неудивительно, так как, собственно, только настоящее время является началом того времени, когда человечество должно созреть для возможности формировать социальное суждение. Ведь, до сих пор человечеству не было необходимости формировать такое социальное суждение. Почему? - Конечно, человек всегда жил в каких-то социальных условиях, но эти социальные условия он, по сути, никогда не создавал, - и не создаёт до сих пор, - исходя из своего социального сознания, исходя из своего действительного понимания. Он, так сказать, получал их посредством, своего рода, инстинктивной деятельности. Люди организовывали государство до его сегодняшней формы, - которая, ведь, для Европы, по сути, не старше трёх-четырёх столетий, - скорее исходя из своих инстинктов, и до того, чтобы группировать людей, исходя из суждения, исходя из размышления, понимания, дело, собственно, ещё не дошло. Трёхчленность социального организма хочет заняться социальным вопросом, исходя из этого понимания, исходя из действительно ясного суждения. Этим она делает, по сути, нечто такое, к чему человек до сих пор совершенно не привык, и что для большинства людей даже в высшей степени неудобно.

К чему это, собственно, привело? Прежние социальные объединения и нынешнее государственное объединение сложились из народных инстинктов, и это объединение, ещё и слившееся со всякими национальными инстинктами, просто принимается современными людьми. Они вырастают в эти объединения. Они инстинктивно вырастают в эти объединения и избегают думать о них, - или, по крайней мере, в какой-то степени избегают думать о них. В лучшем случае человек думает о том, в какой степени он хочет участвовать в делах государства, иметь право голоса в государственных делах, но само устройство этого государства он принимает. Их принимает даже самое радикальное крыло социалистов; даже Ленин и Троцкий принимают государство, - государство, собранное воедино из всего возможного, но инстинктивным образом; и в последнюю очередь - старым царизмом. Вы принимаете его, и в лучшем случае спрашиваете себя, как вам сформировать в этом

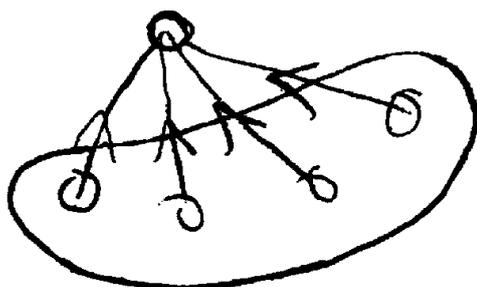
государстве то, что было бы для вас приемлемым. Спрашивать себя, следует ли сохранить это государство, как оно есть, или его следует организовать по-другому, - это вырвано из понимания, до этого дело не доходит. Но, видите ли, именно вопрос: Как можно преобразовать инстинктивное старой социальной жизни в социальную жизнь, рождённую из человеческой души? - именно это главный вопрос, который лежит в основании трёхчленности социального организма. Для решения этого вопроса нет иного пути, кроме как появления более глубокого знания о человеке, - более глубокого, чем то знание о человеке, которое было в продолжении последних нескольких столетий, и которое есть сейчас.

Можно сказать, что, как раз, из вопроса: «Как человек может прийти к пониманию того, как ему жить вместе с другими людьми?» - как раз, из этого вопроса возник импульс трёхчленности социального организма. Он возник, исходя из правильного наблюдения того, что человек должен требовать в наше время. Но большинство людей не хотело бы серьёзно углубляться в то, что требует время. Оно хотело бы продолжить то, что есть, и, в лучшем случае, там или здесь предпринять что-то для более или менее радикальных улучшений. Один пример: Скажем, с англичанином можно было бы, вероятно, о чём угодно говорить легче, чем о трёхчленности социального организма, если он, - что, ведь, чаще всего так и есть, - рассматривает как само собой разумеющееся то, что единое государство Англии является идеалом, который как таковой должен оставаться непоколебимым. Куда ни ткнёшься, повсюду натыкаешься именно на это предубеждение. Но это не что иное, как внесение старых человеческих инстинктов социальной жизни, а мы, как раз, должны выйти за их пределы. Мы должны прийти к сознательной совместной жизни. Современным людям это крайне неудобно, потому что они, собственно, не хотят приходить к суждению, исходя из внутренней активности, из внутренней деятельности. По сути, как я уже сказал, они хотели бы иметь право голоса в том, что уже есть, но не хотели бы по настоящему глубоко задумываться над тем, как справиться с тем, что есть, и что, ведь, посредством последней катастрофы привело к абсурду. Это абсолютно новое трёхчленности видеть, по сути, не хотят. То есть, человек, собственно, не хочет позволять себе формировать социальное суждение.

Видите ли, вопрос: как возникает социальное суждение? - если подойти к нему духовно-научно правильным образом, сразу распадается на три отдельных вопроса. И на этом, собственно, основаны истоки, из которых вытекает трёхчленность социального организма, что этот вопрос: как формируется социальное суждение? - сразу распадается на три отдельных вопроса. Невозможно прийти к суждению в общественной духовной жизни, тем же образом, что и в правовой, политической или в экономической жизни. Недавно в «Berliner Tageblatt» появилась статья: «Политическая схоластика». Там очень умный господин - журналисты, ведь, обычно умные, - насмехается, когда в наше время в публичной жизни делаются попытки отделить политическое от экономического. разумеется, он насмеялся бы также, и назвал бы это схоластическим расщеплением волоска, если бы захотели разделить на три члена общественную жизнь, - на духовный член, правовой или государственный, и хозяйственный, - поскольку у него есть совершенно особая причина, причина, которая так бесконечно очевидна для современного человека; он говорит: В реальной же жизни хозяйственная жизнь нигде не отделяется от политической и духовной жизни; они перетекают друг в друга повсюду, так что если их разделяют, то это схоластично. Ну, мои многоуважаемые присутствующие, я думаю, кто-то может также сказать, что голову, тело и конечности человека тоже нельзя воспринимать отдельно, поскольку в действительной жизни они неразделимы. Определённо, три члена социального организма тоже принадлежат друг другу, но если один из них спутать с другим, не выйдет ничего хорошего, - точно так же, как и в природе не вышло бы ничего хорошего, если бы из плечей [человека] выросли бы нога или кисть руки, вместо головы, то есть, если бы голова приобрела вид руки. Это уже даже стало особым знаком этих умных людей современности, что они с глупейшими вещами

имеют величайший успех, поскольку самое глупое сегодня кажется большинству самым умным.

Главным является то, что в тот момент, когда человечество вступает в общественную жизнь уже не инстинктивно, а более сознательно, чем прежде, изменяется всё в том, как человек стоит в духовно-культурной жизни, то, как он стоит в правовой и государственной жизни, как он стоит в экономической жизни. Всё это различается так же, как различно кровообращение в голове, в стопах или в ногах, и в сердце, - и всё же во всех этих трёх областях оно работает вместе правильным образом, если оно правильно организовано по отдельности.

И, как люди, мы тоже должны формировать свои социальные суждения по-разному в области духовной жизни, в области правовой или государственной жизни, и в области экономической жизни. Но тут нужно найти пути к тому, чтобы прийти в этих трёх областях к действительно здоровому суждению. Как правило, продвижению на этом пути, - по сути, это три пути, - очень сильно препятствуют предубеждения времени. Тут вначале нужно устранить множество препятствий.

Чтобы прийти к здоровому социальному суждению в духовной жизни, нужно ясно понимать, что современный человек совершенно не приспособлен даже для того, чтобы задать себе вопрос: Что, собственно, означает социальное в духовной жизни? Что означает совместная жизнь людей в духовном отношении? У нас ещё нет такой науки о человеке, которая, я бы даже не сказал, что даёт ответы на такие вопросы, но хотя бы стимулирует возникновение таких вопросов. Эта наука о человеке ещё только должна быть созданной духовной наукой, и стать популярной среди людей. Необходимо правильно и разумно поставить вопрос: Какова же разница в том, [стою ли я перед человеком], или я как одинокий наблюдатель природы имею перед собой только природу, то есть, познаю эту природу тем, что как человек ставлю себя как наблюдателя непосредственно перед природой? - Я вступаю в некоего рода взаимодействие с природой; когда я вступаю в это взаимодействие, я позволяю природе оказывать на меня впечатления; я перерабатываю эти впечатления, внутренне формирую представления об этих впечатлениях; я беру нечто извне, перерабатываю внутренне. Это, по сути, простой факт. Если рассматривать внешне, то это выглядит так же, будто я выслушиваю человека, то есть, вступаю с ним в духовную связь, обнаруживаю в его словах смысл, который он в них вложил. Тут на меня оказывают впечатление слова человека; я их также перерабатываю внутренне в представления. Я вступаю во взаимодействие с другим человеком. Можно подумать: Вступаю ли я во взаимодействие с природой, или с человеком, - по сути, это всё равно. Но это, как раз не всё равно. Тот, кто полагает, что это всё равно, тот даже не взглянул на это правильным образом. На эти вещи также надо обратить некоторое внимание.

Видите ли, я хотел бы привести один конкретный пример. В немецкой духовной жизни имеется один факт, без которого эта немецкая духовная жизнь совершенно невысказима. Когда

описывают духовную жизнь какой-то области, обычно описывают, - в зависимости от случая, - или экономические условия того времени, когда развивалась эта духовная жизнь, или отдельных крупных личностей, которые, благодаря своим гениальным усилиям, оплодотворили эту духовную жизнь. Но я сейчас имею в виду факт совершенно другой природы, без особенностей которого немецкая духовная жизнь 19-го столетия совершенно немыслима. Это, я бы сказал, некий пра-феномен социальной духовной жизни: это десятилетние, интимные отношения Гёте и Шиллера²⁸. Нельзя сказать, что Гёте что-то дал Шиллеру, или Шиллер что-то дал Гёте и они взаимно воздействовали друг на друга. Это не относится к тому факту, который я имею в виду, а это нечто другое. Шиллер, благодаря Гёте, стал кем-то таким, каким он сам по себе никогда не стал бы. Гёте, благодаря Шиллеру, тоже стал кем-то таким, каким он сам по себе никогда не стал бы. И если взять только Гёте и только Шиллера, и размышлять об их влиянии на немецкий народ, то не получится того, что произошло в действительности. Поскольку если взять только Гёте, и только Шиллера, и если подумать о влиянии, проистекающем от обоих, то не получится того, что стало, но из слияния обоих возникает третье, совершенно невидимое, но обладающее чрезвычайно сильным воздействием (рисует на доске). Видите ли, это пра-феномен социального взаимодействия в духовной области.

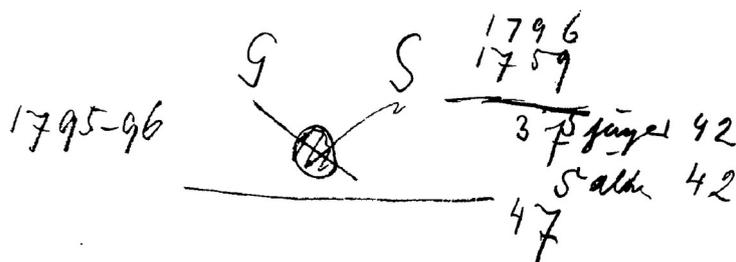
Что тут, собственно, лежит в основании? Такие вещи сегодняшняя, грубая наука не изучает, поскольку сегодняшняя наука вообще не доходит до человека. Духовная же наука изучает такие вещи, и только благодаря этому, проливается свет также на социальную совместную духовную жизнь людей. Те из вас, кто слышал что-то о духовной науке, знают то, чего я сейчас хочу лишь коснуться. Духовная наука показывает, что человеческое развитие есть действительный, реальный факт. Оно показывает, что по мере своего развития человек становится всё более и более зрелым, всегда извлекая из глубины своего существа нечто иное. И если социальная жизнь подавляет это извлечение чего-то нового изнутри, то такая социальная жизнь, как раз, неверна, и её надо вывести на другие пути.

Что ж, Гёте и Шиллер, оба были в высшем смысле социально счастливыми индивидуальностями, личностями. Когда же выступает то, о чём можно сказать, что Шиллер лучше всего понял Гёте, Гёте лучше всего понял Шиллера? Когда они могли наилучшим образом разговаривать друг с другом, наилучшим образом обмениваться друг с другом своими идеями и создавать нечто общее, это невидимое, что затем, в свою очередь, продолжало действовать и стало одним из самых важных фактов в немецкой духовной жизни. Я приложил много усилий, чтобы выделить год самой интимной жизни обоих, когда идеи одного, я бы сказал, наиболее основательно, проникали в идеи другого. Я думаю, что это был 1795 или 1796 год (записывает на доске). В 1796 году в этом взаимодействии Гёте и Шиллера было действительно нечто особенное.

Если исследовать, почему именно в этом году Шиллер лучше всего понимал Гёте, а Гёте лучше всего понимал Шиллера, можно прийти к следующему. Не правда ли, Шиллер родился в 1759-ом году; то есть, в 1796-ом году ему было тридцать семь. Гёте был на десять лет старше; то есть, ему было сорок семь лет. Теперь, духовная наука нам показывает, что в человеческой жизни есть различные узловые точки; сегодня их обычно не учитывают: смена

28 Шиллер (1759-1805) был знаком с Гёте (1749-1831) уже с 1788 года, но только разговор о пра-растении после одного из собраний Общества природных исследований в Йене в июле 1794 года положил начало дружбе между двумя поэтами, которая продолжалась до самой смерти Шиллера в 1805 году. Это было время чрезвычайно плодотворного творчества обоих поэтов, и в известном смысле этот период представлял собой высшую точку немецкого классицизма. Этой особой связи Шиллера и Гёте Рудольф Штайнер посвятил лекцию от 4 февраля 1905 года в Берлине (в GA 51): «Их дружба позволяла им казаться одной персоной. На примере Шиллера и Гёте мы можем увидеть, как величие умеет защищаться от обыденности и как дружба, покоящаяся на духовном, воистину поддерживает себя и возвышает. И оба они искали истину: Шиллер прежде всего в сердцах людей, Гёте во всей природе». Относительно различного образа их мышления Рудольф Штайнер высказывается различным образом, так, например, в своей работе «Мировоззрение Гёте» (GA 6), или в своей книге «Загадки философии» (GA 18).

зубов - человек становится несколько другим после смены зубов, также и в духовно-душевном отношении, - половое созревание, более поздние переходы, - они менее заметны, но они всё же происходят в возрасте 28 лет, а затем в 35 и 42. Если вы действительно можете наблюдать эту внутреннюю человеческую жизнь, вы знаете, что это начало сороковых годов, я хотел бы сказать в среднем 42, когда человек внутренне развивается, когда он внутренне проживает дух, - эти 42 года являются чем-то совершенно особенным. Между 35-ым и 42-ым годами в человеке становится зрелым то, что можно назвать душой сознательной. И она стала вполне зрелой, эта выносящая суждения душа сознательная, эта душа сознательная, которая вступает в отношения с миром исключительно из Я, - эта душа сознательная тогда созрела: Шиллер в 37 лет был на пять лет моложе 42, Гёте в 47 - на пять лет старше 42 лет. Гёте был старше 42 на столько же, на сколько Шиллер был младше 42.

Шиллер находился в стадии развития души сознательной, Гёте уже прошёл её; они были одинаково отдалены от границы [завершения созревания души сознательной]. Что это означает? Это означает, в отношении душевного, такое подобное противопоставление, - я знаю, что такие сравнения рискованны, но, ведь, и язык у нас тоже груб, и поэтому когда приходится приводить важные, фундаментальные факты, можно пользоваться только смелыми сравнениями, - для душевно-духовного это означает такое же похожее противопоставление, как мужское и женское для физически-полового. В отношении физического развития, развитие сексуальности неодинаково. Из вежливости по отношению к дамам и для того, чтобы не сделать господ высокомерными, я не хочу сейчас говорить, какая сексуальность является более поздним развитием, а какая сексуальностью более ранним развитием, но они являются результатами различного временного развития. Ведь, это не весь человек целиком, голова не принимает в этом участия, то есть, те, чья сексуальность мыслится относящейся к более ранней стадии развития, не должны чувствовать себя каким-либо образом ущемлёнными. Но в отношении душевного это не так; тут более раннее может встретиться с более поздним, тогда возникает совершенно особое оплодотворение. Тогда возникает нечто такое, что может возникнуть только таким особым образом в соответствующее время. Это, конечно, особый случай; тут в социальном взаимодействии образуется общение души с душой особого рода. Всегда, когда люди действуют один на другого, возникает нечто, что никогда не может возникнуть посредством взаимодействия человека и наблюдаемой им природы. Вы видите, возникает определённое понятие, что, собственно, значит, позволить действовать на себя тому, что исходит не от природы, а от другого человека.

Это стало для меня особой проблемой, когда я, например, углубился в Ницше²⁹. У Ницше было нечто такое, что сейчас уже есть у многих людей, имеющих подобное Ницше образование; только он имел его в особенно радикальном смысле. Например, он изучал

29 В главе XVIII автобиографии «Моя жизнь» (GA 28) Рудольф Штайнер подробно описывает своё отношение к немецкому философу Фридриху Ницше (1844–1900). О своём занятии с ним он пишет: «Я впервые познакомился с произведениями Ницше в 1889 году. До этого я не читал из него ни строчки. На содержание моих идей, как они были выражены в «Философии свободы», он не оказал никакого влияния».

философов, древнегреческих философов³⁰, он изучал Шопенгауэра, он изучал Эдуарда фон Хартманна (Eduard von Hartmann) и так далее. Можно сказать, что Ницше, собственно, никогда не интересовался содержанием какой-то философии. К этому содержанию философии, к этому содержанию мировоззрения он относился в высшей степени равнодушно; но его интересовал человек. То, что Фалес думал о содержании своего мировоззрения, ему было всё равно, но то, как этот человек, Фалес, подходит к своим понятиям, это его интересовало. Это интересовало его и у Гераклита, - не содержание философии Гераклита. Именно то, что приходит от человека, это действовало на него, и, благодаря этому, Ницше проявился как особый современный характер. Но это станет общей конституцией человеческой душевной жизни. Сегодня люди ещё часто спорят о мнениях. Им придёт когда-нибудь перестать спорить о мнениях по той простой причине, что у каждого должно быть своё мнение. Точно так же, как когда вы фотографируете дерево с разных ракурсов, оно остаётся тем же деревом, но фотографии выглядят по-разному; так что у каждого может быть своё мнение, в зависимости от того, какую точку зрения он занимает. Если он разумен в сегодняшнем смысле, то он вообще больше не спорит о мнениях, а в крайнем случае находит одни мнения здоровыми, а другие болезненными. Он больше не спорит о мнениях. Это было бы так же, как если бы он смотрел на различные фотографии и говорил: да, они совершенно различны, эти верны, а эти нет. - В крайнем случае может интересоваться только то, каким образом кто-то приходит к своему мнению: остроумно ли это, или глупо, низко ли это и бесплодно, или высоко и полезно для человечества, - это может интересоваться.

Сегодня речь идёт о том, чтобы действительно прояснить свой взгляд относительно того, как человек стоит перед человеком в духовном социальном сосуществовании, как человек может что-то дать другому человеку. Это особенно бросается в глаза, когда видишь, как один человек, будучи ребёнком, должен получить что-то от другого человека, который является его учителем. Тут действуют ещё и совсем другие силы, нежели силы, действовавшие между Гёте и Шиллером, - хотя они и не подняты до такой высокой ступени, но при этом действуют более сложные силы. То, что я сейчас здесь развиваю, даёт возможность отыскать путь к тому, чтобы быть в состоянии прийти в области духовной жизни к действительному социальному суждению.

Видите ли, я уже говорил, что я могу сегодня, - как раз, сегодня, - говорить особо популярно, поскольку, ведь, когда я хочу осветить этот вопрос, я должен исходить из точки зрения сегодня ещё неизвестной науки о человеке, по меньшей мере, неизвестной в широких кругах. В своей книге «О загадках души» я обращал внимание на то, что человек является трёхчленным существом: он является головным или нервно-чувственным человеком, ритмическим человеком и человеком обмена веществ. Нервно-чувственный человек охватывает всё то, что является чувствами и органами головы. Ритмический человек, или можно также сказать человек тела, охватывает всё, что в человеке имеет ритм, движения сердца, лёгких и так далее. Третий, человек обмена веществ, охватывает всё остальное.

Эти три члена существуют в природе человека; они в определённом смысле в корне отличны друг от друга, но их фактические различия уловить трудно. Так, в ритмическом человеке можно выделить следующее. - О ритмическом в человеке вы ещё услышите различные вещи сегодня вечером, когда Доктор Боос будет говорить о формировании социального суждения в правовой или государственной жизни³¹, что составит вторую часть этого введения. Доктор Боос будет говорить о том, что особенно близко его сердцу, о

30 Греческими досократиками — например, с Фалесом Милетским (около 625—545 до н. э.) и Гераклитом из Эфеса (около 540—480 до н. э.) - Ницше занимался прежде всего в своем оставшемся фрагментарном шрифте «Философия в трагическую эпоху греков» «Die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen». Он написал её в 1873 году, но опубликована она была только после его смерти в Лейпциге в 1903 году.

31 Учебный вечер был посвящен теме «Формирование социального суждения». Рудольф Штайнер взял на себя часть о формировании социального суждения в интеллектуальной и экономической жизни, а Роман Боос - о правовой сфере.

формировании социального суждения во втором члене социального организма, в правовой и государственной жизни. - Но сейчас я хотел бы подчеркнуть следующее: То, что является ритмической деятельностью в человеке, особенно сильно проявляется в том, как человек вдыхает внешний воздух, перерабатывает его в себе, как он вдыхает кислород и выдыхает углекислоту. Вдох-выдох, вдох-выдох: это один из ритмов, действующих в человеке. Это относительно легко понимаемый процесс: вдох - выдох = ритмическая деятельность.

К обоим другим деятельности наверное можно прийти, только исходя из этой ритмической деятельности. В определённом смысле, собственно, весь человек предрасположен к ритмической деятельности. Но нервно-чувственную деятельность, собственно деятельность головы, с помощью обычной науки познать совершенно невозможно. Её нельзя сравнить с деятельностью легких и сердца, с ритмической деятельностью. Я могу привести только нечто такое, что может показаться парадоксальным тем, кто не так хорошо знаком с духовной наукой, с антропософией, но что будет подтверждено действительной наукой. В будущем то, что я сейчас говорю, будет стоять в мире как совершенно точный научный факт, когда будут увидены необходимые связи. В процессе вдоха-выдоха, прежде всего существует определенный баланс. Этот баланс можно представить графически как маятник, который качается назад и вперед. С одной стороны он поднимается так же высоко, как и с другой. Он качается назад и вперед. Таким образом, существует баланс между вдохом и выдохом, вдохом и выдохом и так далее.

Если бы теперь человек душевно-духовно не жил бы вместе с другими людьми, если бы человек был бы одиноким и мог бы наблюдать только природу, то есть, мог бы вступать во взаимодействие только с природой, смотреть на природу и внутренне перерабатывать своё восприятие в представления, то с человеком произошло бы нечто совершенно особенное. Как и было сказано, это кажется людям в высшей степени парадоксальным, но это так: а именно, его голова стала бы слишком лёгкой. Наблюдая за природой, мы осуществляем некоторую деятельность. Наблюдая за природой, мы не бездеятельны; тут всё в нас в процессе определённой деятельности. Эта деятельность является некой всасывающей человеческой головой деятельностью, - всасывающей деятельностью не во всём организме, а только в голове. И эта всасывающая деятельность должна быть уравновешена, иначе голова стала бы слишком лёгкой; мы бы теряли сознание. Она уравновешивается, благодаря тому, что становящаяся слишком лёгкой голова, в свою очередь, проделывает некий обмен веществ, кровь-питание, и всё это стреляет в голову. И, таким образом, когда мы наблюдаем за природой, наша голова постоянно становится легче, и она снова становится тяжелее, благодаря тому, что в голову поднимается деятельность обмена веществ. Это уравновешивание должно иметь место. Это более высокая ритмическая деятельность. Но эта деятельность была бы в высшей степени односторонней, если бы человеку противостояла только природа. Голова человека действительно стала бы слишком лёгкой, если бы вокруг него была только природа; изнутри в голову не посылалось бы достаточного количества уравновешивающей деятельности обмена веществ. Это происходит в достаточной степени, когда человек вступает в отношения со своими близкими.

Поэтому получается так, что вы испытываете определенное удовольствие, когда вступаете в отношения с вашими ближними, обмениваетесь с ними мыслями или идеями, когда они вас учат и тому подобное. Идти сквозь холодную природу, это нечто другое, нежели находиться перед другим человеком, который высказывает свои идеи. Когда вы стоите перед человеком, высказывающим свои идеи, - надо только раз убедиться в этом в тщательном самонаблюдении, - вы испытываете определенное приятное чувство. И тот, кто сможет проанализировать это приятное чувство, тот обнаружит сходство между этим чувством и чувством, которое возникает у него, когда он переваривает пищу. В них обнаруживается большое сходство, только одно направлено на желудок, а другое - вверх, к голове. Видите ли, в этом, как раз, состоит особенность материализма: Эти тонкие материальные процессы в человеческом теле, для материализма закрыты. То, что скрытая пищеварительная деятельность, направленная к голове, осуществляется, как раз, посредством того, что перед тобой сидит человек, с которым ты разговариваешь, с которым ты обмениваешься идеями, - этого люди с помощью сегодняшней грубой науки не замечают. Поэтому они не могут ответить и на социальные вопросы, вопросы, связанные с взаимодействием людей, даже если они совсем тривиальные.

Духовному исследователю, антропософу, совершенно ясно, почему сестры по кофе так ужасно любят устраивать совместные посиделки. Эти посиделки происходят не только потому, что им нравится кофе, но и по той причине, что они тогда переваривают сами себя. Пищеварение направляется к голове, и они ощущают это как приятное чувство. И когда одна сестра по кофе сидит рядом с другой сестрой по кофе, или - я не могу сказать «братья по кофе», а скажем, братья по игре в скат за вечерней кружкой пива, - братья по скату, поскольку это, естественно, относится и к мужчинам. Я не хочу никого обидеть, но когда они таким образом собираются, они чувствуют это поднимающуюся к голове пищеварительную деятельность, и она вызывает у них определённое чувство удовольствия. То, что тут происходит, действительно необходимо для человеческой жизни. Это действительно необходимо, только это можно использовать для более высокой деятельности, нежели посиделки за кофе или игра в скат за кружкой пива. Как не должна останавливаться в человеке кровь, точно так же не должно застаиваться и то, что разыгрывается в голове. В нервной системе возник бы недоразвитый ритм, если бы мы духовным образом правильно не общались с другими. Наша настоящая человечность, то, что мы являемся настоящими людьми, зависит от того, что мы входим в разумный контакт с другими людьми.

И поэтому вынести социальное суждение можно только тогда, когда замечаешь, что необходимо человеку, - это необходимо точно так же, как и то, чтобы он родился. Только заметив, что человек должны вступить в духовно-душевную связь с другими людьми, можно составить правильное социальное суждение о том, каким образом должен формироваться духовный член социального организма. Поскольку тогда становится понятным, что эта социальная совместная жизнь основывается на том, что один человек должен войти в правильную индивидуальную связь с другим человеком, что тут не позволительно вмешиваться какой-то абстрактной государственной жизни, что тут ничего не должно быть организовано сверху, что тут всё зависит от того, что изначальное (Ursprüngliche) в одном

человеке может приблизиться к изначальному в другом человеке, то есть, чтобы присутствовала действительная, настоящая свобода, непосредственная свобода индивидуума к индивидууму, будь то социальное сосуществование учителя со своими учениками, или социальное сосуществование вообще. Люди усыхают, школьный порядок или порядок духовной совместной жизни делает невозможным то, что то, что есть в одном человеке, оплодотворяюще воздействует на то, что есть в другом человеке. Настоящее социальное суждение в области духовной жизни может формироваться только тогда, когда то, что поднимает человека над самим собой, что в человеке присутствует в большей степени, чем в другом человеке, может действовать на этого другого человека, и, в свою очередь, то, что присутствует в другом человеке в большей степени, чем в нём самом, может действовать на него самого. Необходимость свободы духовной жизни становится понятной только тогда, когда становится видно, что эта совместная человеческая жизнь в духовно-душевном смысле формируется, только если то, что с рождением входит с нами в бытие и что развивается согласно нашим предрасположенностям, свободным образом может воздействовать на другого человека. Поэтому духовный член социального организма также должен управляться только в пределах самого себя. Тот, кто задействован в духовной жизни, должен одновременно и управлять этой духовной жизнью. Видите ли, в этом и состоит особенность этой духовной жизни, которая является результатом настоящей науки о человеке.

О правовой жизни с той же точки зрения вы услышите подробнее от Доктора Бооса. Правовая жизнь протекает так: В ситуации, когда человечество, в силу требований современности, всё больше и больше направляется к демократическому государству, так что один, достигший совершеннолетия человек, сталкивается с другим человеком, достигшим совершеннолетия, мы имеем дело ещё не с тем, что переходит от одного человека к другому таким образом, как я описал для духовной жизни, где в голову стреляет пищеварительная деятельность. В правовой жизни, где полноценный человек стоит против другого полноценного человека, не происходит таких изменений в людях, как в духовной жизни, а происходит только взаимодействия между людьми; в духовной же жизни происходит такое воздействие, что в другом человеке возникает нечто новое. В правовой жизни дело обстоит так, что действие направлено, как раз, на среднюю часть человека, на то, что стоит внутри непосредственно ритмического. Вы поймёте это из последующих объяснений.

Сейчас же, пропуская это среднее, я хочу перейти к экономической жизни, к третьему члену социального организма. Эта экономическая жизнь тоже понимается сегодня не так, что на основании этого понимания можно составить действительное социальное суждение. Что же, собственно, можно назвать только экономической жизнью? Видите ли, экономическую жизнь можно точно разграничить, если мыслить её внутри социального организма. Возьмём, например, какой-нибудь род животных. Нельзя сказать, что он живёт в какой-то социальной человеческой общности, поскольку тот, кому это надо, найдёт этот род животных в самой природе. Всё, что ему надо для жизни, он берёт у внешней природы; то, что вначале есть в природе, переходит в животное, животное перерабатывает это и отдаёт обратно, - снова, своего рода, взаимодействие. Вы видите: тут мы имеем нечто такое, что, я бы сказал, включено в природную организацию. Такой род животных, как бы, продолжает в самом себе жизнь природы. Тут в природе ничего не изменяется. Животное ест то, что есть в природе, - как оно есть в природе. Мы можем найти этому полную противоположность в животных из зоопарка, которые получают всю пищу от людей, где, таким образом, снабжает животное пищей человеческий разум, где вначале человеческая организация определяет то, что получают животные. Благодаря этому такие животные полностью вырваны из природы. Домашние животные, ведь, тоже полностью вырваны из природы; они в какой-то степени изменены так, что внутрь себя они принимают не только просто природные питательные вещества, а пищу, приготовленную посредством человеческого разума. Домашние животные становятся средством выражения того, что, как бы, переработано духовно, но сами они для

этого ничего не делают. Таким образом, животные таковы, что они либо включают в свою деятельность то, что есть в природе, в не изменённом виде, либо, если им что-то дают люди, они не могут внести в это никакого собственного вклада; они не участвуют в приготовлении того, что им скармливают.

Между двумя этими экстремумами стоит человеческая экономическая деятельность, насколько она живёт в социальном организме; её нет лишь в том случае, если человек стоит на низкой ступени народа-охотника, когда он принимает то, что есть в природе, в неизменном виде, ест сырую пищу, - что он сегодня, собственно, уже больше не делает. Но в тот момент, когда в этом смысле начинается человеческая культура, человек добавляет в природу нечто, что он уже сам приготовил, что изменяет природу. Животное это не делает, и если это домашнее животное, то ему вводят нечто чуждое. Это, собственно, и есть экономическая деятельность: то, что человек осуществляет совместно с природой, когда он снабжает себя изменённой природой. Можно сказать, что вся хозяйственная деятельность человека находится, собственно, между двумя этими экстремумами: между тем, что в не изменённом виде берёт у природы животное как ещё не социальное существо, и тем, что принимает домашнее животное, которое кормится исключительно в хлеву только тем, что ему готовит человек. И когда человек работает, он находится со своей хозяйственной деятельностью между своим внутренним существом и природой. И эта хозяйственная жизнь, которую мы знаем в социальном организме: это, собственно, лишь одно из систематических обобщений того, что делает отдельный человек в охарактеризованном мною направлении.

Сравним теперь, в социальном отношении, экономическую жизнь с духовной жизнью, которую мы только-что охарактеризовали. Духовная жизнь основывается на том, что у отдельного человека, как бы, с избытком. То, чем люди обладают духовно, они, в большинстве своём, с удовольствием отдают; тут люди щедры, и с удовольствием отдают это другим. В противоположность этому, что касается материальной собственности, то тут люди не так щедры; материальную собственность они предпочитают оставлять для себя. Но то, чем они владеют духовно, они с удовольствием отдают, тут они щедрые. Но это опирается на один хороший мировой закон. А именно, в духовном отношении человек может выйти за пределы самого себя; и, как я только что описал, вам выгодно, когда вы даёте что-то другому человеку, даже если вы сами от него ничего не получаете. То есть, когда человек вступает в социальную жизнь в духовном отношении, то у него внутри, так сказать, излишек суждений, излишек представлений; это побуждает его к отдаче, он должен поделиться с другими.

В экономической жизни полностью наоборот. Тут только важно исходить из опыта, а не из какой-либо теоретизирующей науки. А именно, в экономической жизни нельзя прийти к суждению таким же образом, как в духовной жизни, - то есть, от человека к человеку, - а можно прийти к суждению, только если вы как отдельный человек или как лицо, входящее в какую-либо ассоциацию, имеете дело с другой ассоциацией. Поэтому импульс для трёхчленности социального организма требует ассоциативного: люди должны ассоциироваться по профессиональным отраслям или как производители, потребители и так далее. В хозяйственной жизни ассоциация сталкивается с ассоциацией. Сравним это с отдельным человеком, который, так сказать, имеет у себя в голове много духа; этим духом он может поделиться со многими людьми. Один принимает его лучше, другой - хуже, но этим духом он может поделиться со многими людьми. Таким образом, здесь имеется возможность того, что человек, обладающий духом, отдаст его многим людям. В хозяйственной жизни дело обстоит полностью наоборот.

От хозяйственной жизни мы, прежде всего, вообще не имеем ничего в голове. То, что я уже сказал некоторым из вас вчера, вполне верно³²: Если вы хотите вынести суждение о том,

32 Накануне вечером, в лекции для членов Общества от 15 августа 1920 года (в GA 199), Рудольф Штайнер сказал: «Формирование экономического суждения, исходя исключительно из индивидуальности, покажется людям будущего, если они будут правильно развиваться, подобным действиям известного сони Жана Поля, который просыпается посреди ночи в темной комнате, ничего не видит, ничего не слышит и размышляет о

что в хозяйственной жизни верно или неверно, здорово или нездорово, и если вы хотите это извлечь только из своего внутреннего, то вы подобны тому человечку Жана Поля³³ (Jean Paul), который просыпается посреди ночи в тёмной комнате и размышляет о том, который сейчас час, то есть, который в тёмной комнате, где он ничего не слышит и ничего не видит, хочет посредством размышления узнать, который час. Путём размышлений нельзя разузнать, который час. Так же мало, посредством размышления и посредством внутреннего развития, можно прийти к экономическому суждению. К экономическому суждению нельзя прийти, даже имея дело с другим человеком. Гёте и Шиллер прекрасно могли обмениваться духовно-душевым. Но два человека не могут прийти к экономическому суждению. К экономическому суждению можно прийти, только сталкиваясь с группой людей, имеющих опыт, каждый в своей области, и принимая затем в качестве суждения то, к чему они пришли как ассоциация, как группа. Точно так же, как надо посмотреть на часы, чтобы узнать, который сейчас час, - чтобы прийти к экономическому суждению, надо использовать опыт, собранный опыт, ассоциации. И можно слушать прекрасные вещи о том, что является долгом одного человека по отношению к другому человеку, о правах одного человека по отношению к другому человеку; но нельзя прийти к экономическому суждению, когда просто один человек стоит перед другим, а к экономическому суждению можно прийти, только если понять то, что как экономический опыт собрано (niedergelegt) в ассоциациях, в группах людей в результате взаимных экономических отношений. Тут должна быть полная противоположность тому, как люди живут вместе социально духовно-душевно. В духовно-душевом отдельный человек должен отдавать другим то, что он развивает в себе. В экономической сфере отдельный человек должен усвоить опыт ассоциации. Если я хочу составить экономическое суждение, я могу составить его только в том случае, если я спрошу у ассоциаций, какой опыт они приобрели относительно того или иного артикла в производстве, во взаимном обращении и так далее. И для формирования социального суждения в области экономики важно, чтобы такие ассоциации представляли собой экономическое тело трёхчленного социального организма и чтобы каждый отдельный человек принадлежал к таким ассоциациям. Чтобы прийти к экономическому суждению, исходя из которого, в свою очередь, затем можно действовать, должен быть в наличии экономический опыт ассоциаций. То, что мы должны узнать в области научного, познавательного, мы должны получить в свободной духовной жизни посредством отдельного индивидуального опыта. То же, что должно стимулировать нашу экономическую волю, - это каждый отдельный человек должен испытать, получая передаваемый ему опыт ассоциаций. Только через объединение людей, занятых в экономической деятельности, мы сами можем достичь экономической воли.

Формирование суждения в духовно-душевной области и в экономической области радикально отличаются друг от друга. И экономическая жизнь не может плодотворно развиваться рядом с духовной жизнью, если обе эти области получают предписания из одной и той же инстанции; это может происходить, только если духовная жизнь организована так, что отдельный индивидуум в ней может совершенно свободно передавать то, что у него есть, другому. А экономическая жизнь может процветать, только если эти ассоциации, через производство или потребление родственных хозяйственных отраслей, ассоциативно

том, который сейчас час, и хочет узнать это, только посредством размышления. Надо быть в гармонии со своим окружением, если посреди ночи хочешь сформировать какое-то суждение о том, который сейчас час. И в будущем, если вы захотите вынести экономическое суждение, скажем, оценку цены или суждение о том, сколько рабочих должно работать в той или иной отрасли, вам надо будет иметь вокруг себя ассоциации, такие ассоциации, которые производят в этой отрасли, и таких ассоциаций, которые потребляют в этой отрасли. И из слияния того, что исходит из этих ассоциаций, складывается суждение.

33 Жан Поль (фр. Jean Paul, настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, нем. Johann Paul Friedrich Richter; 21 марта 1763, Вунзидель, Бавария — 14 ноября 1825, Байреит) — немецкий писатель, сентименталист и преромантик, автор сатирических сочинений, эстетик и публицист. Псевдоним (офранцузенную версию собственных имён) взял из поклонения перед Жаном Жаком Руссо (прим. пер.).

соединены друг с другом, и, благодаря этому, возникает экономическое суждение, которое, в свою очередь, лежит в основании экономической воли. Иначе из этого получится кудель-мудель, и тогда появится то, чем являются реакционные или либеральные, а также социальные идеи нового времени, из которых совершенно нельзя увидеть, насколько радикально различна деятельность человека в духовной, экономической и, в середине, в правовой или государственной областях.

По сути, человеку сегодня так трудно прийти к здравому суждению в этой области, потому что он уже однажды, посредством традиционных вероучений, был отлучён от видения действительного членения человека на тело, душу и дух. Человек должна быть только двойственностью, только телом и душой. Благодаря этому всё смешалось. Только если человек подразделяется на дух, душу и тело, только если мы знаем, что дух - это то, что мы приносим в бытие посредством рождения, что дух - это то, что даёт нам задатки для развития, которые мы должны, как раз, внести в социальное, только тогда мы получим какое-то понятие о том, что эта духовная часть социального организма должна иметь обособленное бытие. Если мы знаем, как из души, тесно связанной с нашей ритмической жизнью, рождается всё то, что является совместной жизнью людей в кругах по обязанностям, в кругах по работе, в кругах по интересам, тогда мы видим, чем должна быть в демократическом государстве правовая организация трёхчленного организма. И если мы видим, что человек действительно не может прийти к экономическому суждению и, соответственно, не может прийти также к экономическому действию, без своей интеграции в ткань ассоциаций в трёхчленном социальном организме, - если мы увидим это, то мы действительно сможем понять, что только такой особый род формирования суждения в экономической области может помочь в будущем.

Это уже задача настоящего, прийти к действительному знанию о человеке и затем, исходя из этого знания, понять то, что сегодня стремится к действительному пониманию. Ведь, это совершенно различные вещи, - то, как человек судит в социальной жизни в духовной области, в правовой области и в экономической области. Поэтому, если эти три совершенно по разному образованные социальные формы должны здоровым образом развиваться в будущем, они должны также и управляться отдельно, и затем взаимодействовать. Как в индивидуальном организме, там, где должна возникнуть голова, не может образоваться никакая другая форма, кроме формы головы, - не рука или нога, сердце или печень, - так и духовный организм нельзя систематизировать так, как, например, экономический организм или правовой организм. Но, как раз, если они организованы правильно на правильном месте, они действуют вместе как целое, подобно тому, как действуют как целое руки, ноги, корпус и голова человека. Правильное единство возникает, как раз, благодаря тому, что каждая часть правильно организована по своему.

Из этого вы видите, мои многоуважаемые присутствующие, что это воистину не легкомысленная идея, которая поставлена перед человечеством с трёхчленностью социального организма, а эта идея взята из действительной науки. Правда, эта наука должна вначале ещё сама пробиться через весь научный хаос, который царит сегодня. Но пробиться надо, так сказать, не только через стену, толстую стену из предубеждений, но, прежде всего, надо пробиться с тем, что должно лежать в основе как наука о человеке, а затем уже пробиться с тем, что исходит из этой настоящей науки о человеке как импульс к действительному новому социальному строительству. Можно сказать: Сердце истекает кровью, когда смотришь сегодня на этот хаос ошибочных социальных суждений и на социальную сонливость. И надо сказать себе: Ведь, это невозможно, чтобы каждый, из того, что это европейское человечество уже три-четыре столетия приняло в себя в качестве предубеждения из заблуждающейся науки, мог теперь произвести социальную реорганизацию. Это нечто ужасное, когда говорят о социальном порядке со стороны науки, которая никогда не сможет вынести социальное суждение, поскольку не знает человека. Эта

наука, мои многоуважаемые присутствующие, рассматривает человека не как человека, а только как высшего члена ряда животных. Она не спрашивает: что такое человек? -, но: Что такое животное? - Она говорит только: Когда животное достигает своей высшей точки развития, оно становится человеком. - Тут не спрашивается, что такое человек, тут есть только животные, и к этому ряду животных, в качестве последнего члена цепи, прикрепляется человек, о котором, самом по себе, нельзя сказать ничего сверх того, что можно сказать о животном. Такая наука никогда не сможет осуществить новое социальное строительство.

Это то, что наполняет нас такой болью, что люди являются сегодня недостаточно радикальными, чтобы сказать себе: Сначала мы должны требовать настоящего знания, настоящей науки, - а сегодня они более верующие по отношению к внешнему научному авторитету, чем когда-либо были верующими католики по отношению к папскому авторитету. В то время некоторые люди, по крайней мере, ещё восставали против этого папского авторитета. Сегодня научному авторитету подвластно всё, даже такие радикальные социалисты, как Луначарский; в тот момент, когда важно защитить старую науку от обновления науки, он преклоняется перед научным авторитетом, поскольку не может даже представить себе, что сама наука нуждается в преобразовании, если мы хотим добиться какого-либо прогресса. К этим вещам нужно относиться совершенно серьезно, и о них нужно говорить. И сколько бы ни образовывалось социальных клубов и либеральных сообществ, сколько бы ни возникало обществ развития и женских собраний, женских клубов, - ничего никогда не выйдет, если не браться за дело радикально, если не исходить из того, что позволяет прийти к действительному социальному суждению: а это только социальное знание человека, которое может дать то, чего не может дать современная наука. И обновление этой науке может дать только настоящая духовная наука.

Это то, что я хотел сказать в качестве введения к сегодняшнему вечеру. А теперь я прошу Доктора Бооса рассказать о второй части социального организма, о правовой жизни.

Роман Боос говорит о «Формировании суждения в правовом члене социального организма». В заключении имеет место дискуссия.

Роман Боос: Может быть, у кого-то есть ещё вопросы, может быть, кто-то хочет что-то добавить? - Похоже, нет. Я не знаю, можно ли попросить Доктора Штайнера сказать заключительное слово. Уже очень поздно, и я не знаю, есть ли ещё какие-то вопросы, на которые Доктор Штайнер сможет ответить.

Рудольф Штайнер: Учитывая позднее время, я хотел бы добавить всего несколько слов, поскольку заключительное слово теперь принято в дискуссии. Эти две вещи сегодняшнего вечера, требование общественного переустройства, с одной стороны, и необходимость проникновения в истоки духовной науки, ибо только там можно черпать силы для того, чтобы справиться с требованиями дня, с другой стороны, - эти две вещи должны, ведь, именно сегодня подчеркиваться во всей их серьезности. Об этом часто говорится, но не может говориться слишком часто.

Я начал сегодня с того, что люди инстинктивно вросли в нынешние социальные организации, и материалисты инстинктивно хотели бы в них остаться. Они не хотят учитывать, что сегодня пришло время перейти к активности суждения, то есть, к осознанности, и, исходя из этой осознанности, создавать новый социальный мир. Но мы должны пробиться к этой осознанности, если не хотим просто продолжать катастрофичную политику последних лет, которая утвердилась таким ужасным образом, и которая теперь продолжается в рамках цивилизованной европейской жизни и в жизни её последователей. Я уже также и здесь обращал ваше внимание на то, как такой, с одной стороны гениальный, а с

другой больной дух, как Освальд Шпенглер, доходит до того, чтобы серьёзно научно доказывать, что Европа в начале третьего тысячелетия должна прийти к варварству, к полному упадку. Испытываешь боль, о которой я говорил сегодня в конце вступительного слова, когда видишь, насколько необычайно трудно передать современным душам ощущение серьёзности времени, и ещё труднее передать ощущение необходимости осуществить действительное преобразование современного знания.

Мои многоуважаемые присутствующие, не говорите, что это современное знание живёт лишь в паре учёных или в каких-либо современных взглядах людей. Нет, это знание повсюду, люди просто не признают это. Речь, ведь, идёт не о том, представляет ли кто-то ту или иную гипотезу, ту или иную научную теорию, а о том, движется ли он всей своей жизнью воображения и чувства в определенном направлении, которое в конце концов всё же приводит к этой обедняющей и опустошающей научной жизни настоящего. Конечно, кого-то может не волновать тот факт, что, как следствие, из этой науки вытекает то, что Земля возникла из космического тумана и войдёт в, своего рода, конечное тепловое состояние, в котором вся жизнь будет уничтожена. Возможно, есть даже такие, которые скажут: Может быть и так, но это меня не волнует. - Но, мои многоуважаемые присутствующие, важно не это. Откройте сегодня любую химию, физиологию, зоологию или антропологию, и прочтите пять строк, - там говорится что-то в этом направлении. Всё равно, что именно вы читаете, вы стоите на пути, который ведёт к этим воззрениям. Конечно, в наше время удобно, если хочешь узнать что-то о том или ином, брать привычные вещи и не думать о том, что даже это требует основательного преобразования. Сегодня удобно, если хочешь что-то узнать о малахите, взять томик лексикона с буквой «М», найти слово «Малахит» и прочитать, что там стоит. Если вы принимаете то, что там стоит без проверки, независимо от того, что вы при этом думаете, и не осознаёте, что живёте сегодня в трудное время перемен, тогда вы спите, тогда вы не думаете о том, что необходимо сегодняшнему времени. Сегодня речь идёт не просто о том, чтобы осознавать серьёзность положения в определенное время, когда размышляешь о последних мировоззренческих проблемах, а о том, чтобы каждую минуту дня осознавать, что это обязанность, участвовать в работе над преобразованием, поскольку мы живём в очень и очень серьёзные времена. И как раз в эти дни мы вновь переживаем трагическое³⁴ в том, что разыгрываются важнейшие проблемы, быть может, даже более важные, чем в годы непосредственной войны, а люди стараются как можно больше спать, и даже в своём сознании не участвовать в том, что происходит на самом деле.

Исповедовать антропософию не значит представлять то или иное просто теоретически, говоря об эфирном и астральном телах, о реинкарнации и карме. Принять антропософию, - значит всеми своими чувствами, всем своим существом быть связанным с тем, что в виде импульса к значительному преобразованию происходит сегодня каждый день и во всей эпохе. И когда смотришь сегодня на сон людей, сердце обливается кровью. Поскольку сегодня важно бодрствование. Я говорю это постоянно, и хотел бы снова сказать это в заключении: Пытайтесь проникнуть к источнику духовного знания; поскольку омываясь водой, исходящей из этого источника, человек омывается из действительного источника сознания. Это знание касается собственной личности так, что человек принимает его внутрь себя, как бы, из

34 14 августа 1920 года был подписан договор о политическом и военном союзе между Чехословакией и Южной Славией (позже Югославией) — оба государства образовались на территории бывшей австро-венгерской двойной монархии. Этот договор был направлен против возможных ревизионистских усилий, особенно со стороны Австрии и Венгрии. В апреле 1921 года к этому союзу присоединилась Румыния, с которой замыкался круг членов, так называемой, «Малой Антанты». В Мариенбадских соглашениях от 31 августа 1922 года три государства обязались поддерживать политическое положение в Центральной и Восточной Европе. Этим усилением союза намеревались предотвратить союз немецкой Австрии с Германией и возродить старую Дунайскую монархию путём образования Дунайской конфедерации. В 1926 году союзный договор, первоначально поддержанный Францией, был вновь продлён на три года, но из-за различных интересов вовлеченных государств быстро утратил свое значение.

глубин земного существа: Пробудись и исполни свои задачи по отношению к великим требованиям времени.

Роман Боос: Ещё будет объявлено, о чём будет говориться здесь через восемь дней. На этом сегодняшнее мероприятие завершается.

ПЯТЫЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР Дорнах, 23 августа 1920 года

Завещание Петра Великого

Людвиг Польцер-Ходиц (Ludwig Polzer-Hoditz) читает лекцию «Завещание Петра Великого». После обсуждения Рудольф Штайнер произносит заключительное слово.

Рудольф Штайнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Конечно, можно было бы очень многое сказать в дополнение к весьма живому выступлению графа Польцера, вызвавшее те или иные вопросы для дискуссии. Однако из-за того, что время уже позднее, нам, вероятно, придется ограничиться лишь несколькими вещами.

Прежде всего, я хотел бы обратить внимание на то, что, ведь, очевидно, граф Польцер хотел подчеркнуть скорее значение того импульса, который лежал в завещании Петра Великого³⁵ для европейской политики, нежели подробности, касающиеся действительности

³⁵ Политическое завещание, якобы написанное царем Петром I, является польской подделкой времён Французской революции. Первоначальный текст Сокольницкого был следующим (перевод с французского редакции): «Краткое изложение плана расширения России и покорения Европы, разработанного Петром» I.

1. Ничем не пренебрегать, чтобы придать русскому народу европейские формы и нравы; в этом смысле заручаться поддержкой различных дворов и особенно учёных людей Европы; Существуют различные способы достижения этой цели, будь то спекуляции на их интересах, или спекуляции на филантропических принципах из философии, или через другие мотивы.
 2. Держать государство в системе постоянного состояния войны, чтобы солдаты привыкали к войне, и держать нацию в постоянной готовности к выступлению при первых же признаках необходимости.
 3. Всеми возможными средствами стремиться к расширению на Север, вдоль Балтийского моря и на Юг.
 4. Возбудить ревность Англии, Дании и Бранденбурга к Швеции, посредством чего эти державы будут закрывать глаза на наши посягательства, которым будет подвергаться эта страна, пока она не будет окончательно покорена.
 5. Заинтересовать Австрийский двор в изгнании турок из Европы. Под этим предлогом сохранить постоянную армию и создать базы на побережье Черного моря, а в конечном итоге, все более наступая, расширяться до Константинополя.
 6. Поддерживать и сохранять анархию в Польше. Оказывать влияние на её сеймы и парламент, и, прежде всего, на выборы её королей. При каждом удобном случае расчленять её и, в конце концов, подчинить себе целиком.
 7. Вступить в тесный союз с Англией и поддерживать с ней прямые отношения посредством торгового договора. Позволить ей даже осуществлять, своего рода, внутреннюю монополию, что незаметно приведёт к общению собственных граждан с английскими купцами и матросами. Последние предоставят все средства для совершенствования и увеличения русского флота, посредством которых следует сразу же предусмотреть господство на Балтийском и Черном морях, - главный пункт, от которого зависит успех и ускорение этого плана.
 8. Во что бы то ни стало, силой или хитростью ввязываться в европейские конфликты, и особенно в конфликты в Германии.
 9. Всегда проявлять себя как союзник Австрии. Использовать каждую, даже малейшую возможность влияния, чтобы втягивать её в истощающие войны и постепенно ослаблять. Иногда даже поддерживать её, но при этом не прекращать создавать ей тайных врагов внутри собственной империи, возбуждая против неё ревность [германских] князей.
- Примечание: Эту статью будет исполнить тем легче, поскольку Австрийский двор до сих пор не перестал соблазняться планом завоевания всемирной монархии или, по крайней мере, восстановления европейской империи, и для этой цели он должен прежде всего начать покорять Германию.
10. Жён русским князьям всегда следует искать среди германских княгинь, чтобы таким образом умножать связи родственными отношениями и общностью интересов, и повсюду приобрести влияние в этом королевстве.
 11. Используя влияние религии среди неунитатских или раскольнических греко-православных, рассеянных в Венгрии, Турции и южных частях Польши, связывать их с собой любыми коварными средствами, называть себя их покровителями и завоёвывать право на священническое главенство. И после того, как Турция будет покорена,

этого завещания. И, как раз, в отношении этого я хотел бы сказать: вынести суждение о таких вещах, как это завещание Петра Великого, можно, собственно, только исходя из всей совокупности событий, в которых они каким-то образом проявились. Дело обстоит так, что, как раз, в те года, на которые указывал граф Польцер, в семидесятые годы, которые следовали за прусско-австрийской войной 1866-го года³⁶, а затем в годы правления графа Тааффе в Австрии, многое в Австрия происходило в том направлении, в котором действовало завещание Петра Великого. Из изобилия этих событий можно было бы выделить разные вещи, из которых, наверное, одна могло бы проиллюстрировать то, что хочется сказать, так же хорошо, как и другая. Я хочу выделить лишь несколько событий, которые, на первый взгляд, не имеют ничего общего с завещанием Петра Великого, но в которых действие этого завещания определенно проявлено.

Возьмём, например, конец того времени, на который особенно ссылался граф Польцер, - времени, когда по Берлинскому договору Австрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины. Ведь, относительно оккупации Боснии и Герцеговины в австрийской политике развернулся очень значительный спор. Как уже указывал граф Польцер, были яростные противники этого смещения центра тяжести, толкавшего Австрию на Восток, и были в Австрии сторонники этой оккупации, сторонники этого смещения центра тяжести на Восток. Сторонниками, собственно, в основном были те, кто каким-то образом имел особые причины служить во имя внутренней политики Габсбургов. Надо только принять во внимание, что эта внутренняя политика Габсбургов уже докатилась до такого упадка, что стала в основном просто политикой престижа. То, что готовилось целое столетие, завершилось прусско-австрийской войной, и Габсбургам нужна была, своего рода, компенсация за это. Поэтому они укрылись в том, что теперь было брошено Австрии. Но теперь можно обдуманно рассмотреть всё, что лежало, по сути, в том пункте завещания Петра Великого, который указывал на то, что надо вносить в Австрию как можно больше раздоров, путём кажущегося

а Польша побеждена под этим предлогом и с помощью этих средств, завоевание Венгрии будет лишь игрой; Австрии будут обещаны репарации в Германии, а остальная часть Польши, которая не сможет прокормить себя ни своей силой, ни своими политическими связями, сама согнётся под ярмом.

12. С этого момента будет драгоценно каждое мгновение: нужно тайно привести в готовность все орудия, чтобы нанести большой удар; надо позволить им действовать в чётком порядке, в сочетании с предусмотрительностью и стремительностью, которые не дадут Европе времени на раздумья. Нужно начать - очень тайно и с величайшим благоразумием - с того, что отдельно предложить сначала двору в Версале, а потом двору в Вене, чтобы один из них разделил мировое господство. Надо будет обратить их внимание на то, что Россия уже господствует на всем Востоке и ей нужно только получить на это юридическое право, - это предположение никоим образом не может показаться им подозрительным. Наоборот, нет сомнения, что это предложение не преминет им польстить и развяжет между ними войну не на жизнь, а на смерть. Эта война скоро станет всеобщей, ввиду связей и широких отношений этих двух соперничающих дворов и естественных противников, а также ввиду интереса, который побудил бы все другие державы Европы принять участие в этих спорах.

13. Среди этого всеобщего раздражения Россия будет принимать просьбы о помощи то от одной, то от другой воюющих держав. После долгого балансирования между воюющими сторонами, чтобы дать им время как следует исчерпать себя, а себе, чтобы собраться с силами, она, наконец, выберет дом Австрии. И в то время как он выдвинет свои линейные войска к Рейну, она немедленно пошлёт туда огромный рой своих азиатских орд. По мере своего продвижения в Германии отправятся в поход два значительных военно-морских соединения, одно из Азовского моря, другое из порта Архангельска, наполненных такими же азиатскими ордами и сопровождаемые флотами Черного и Балтийского морей. Они неожиданно устремятся в Средиземное море и океан, чтобы выплюнуть эти дикие и хищные кочевые народы и затопить Италию, Испанию и Францию; они уничтожат часть населения, другую утащат в рабство, чтобы ими заселить пустынные части Сибири, а остальных сделать неспособными сбросить иго.

36 Этот военный конфликт между Пруссией и Австрией был связан с превосходством в Германии. Вскоре он закончился поражением Австрии и ее немецких союзников; Австрия была исключена из участия в формировании германского национального государства и политически отнесена к Балканам. Однако она оставалась великой державой, хотя и в конституционно преобразованной форме двойной монархии (Австро-Венгрии). В результате своей победы Пруссия основала под своим руководством в 1867 году Северо-германскую конфедерацию — основу Германской империи, возникшей в 1871 году.

предоставления ей чего-то, давая ей что-то. Ведь, эта оккупация Боснии и Герцеговины была настоящим яблоком раздора, и ситуация была спасена, по сути, только благодаря тому, что в австрийском рейхсрате, так называемые, боснийские левые откололись от ещё игравших какую-то роль, так называемых, немецких левых³⁷.

Дело в том, что лидером немецкой левой партии в австрийском рейхсрате был депутат Хербст (Herbst). Политика Хербста развилась из политики после 1866-го года; это была политика, спаянная определённым стремлением оставить Австрии, своего рода, немецкий характер, и в то же время придать ей, своего рода, абстрактно-либеральный характер. Эта политика сопротивлялась оккупации Боснии, особенно в лице Хербста, потому что люди Хербста говорили себе: если Австрия получит ещё больше славян, - ведь, это был прирост славян, который получался с присоединением Боснии и Герцеговины, за исключением турецкого элемента, который был там тоже, - если Австрия получит ещё больше славян, то будет менее вероятным, что в будущем в Австрии немецкий элемент сможет стать каким-то образом преобладающим. Этому Хербсту даже нашлась эпиграмма, высказанная Бисмарком. Бисмарк делал всё, чтобы Австрия была ввергнута в, своего рода, беспорядок, чтобы Австрия сместила свой центр тяжести на Восток, чтобы со стороны Габсбургов не могло больше прийти никаких аспираций против устремлений Гогенцоллернов³⁸. Поскольку большую часть центрально-европейской политики в 19-ом столетии, особенно в середине 19-го столетия и во второй половине, собственно, составлял спор между двумя внутренними силами, между Габсбургами и Гогенцоллернами. Бисмарк, который хотел, чтобы преобладало могущество Гогенцоллернов, хотел сдвинуть Австрию к славянам, на Восток, и поэтому его совсем не устраивало, что эти люди Хербста в Австрии противостоят этому. Тогда Бисмарк, по своему обыкновению, придумал остроумную эпиграмму, одну из тех эпиграмм политической жизни, которые убивали того, на кого они были направлены. Он назвал людей Хербста «осенними безвременниками», указав, что время просто требовало, чтобы центр тяжести Австрии был смещён на Восток за пределы Австрии, и всякий, кто не знает, как приспособиться к этому требованию времени, является «осенним безвременником». потому что лидером этой австрийской немецко-либеральной партии был Хербст³⁹. Затем, всё это было спасено, благодаря тому, что в это время младший Пленер (Plener), который до этого полностью стоял внутри партии людей Хербста, объявился с некоторым дополнением, благодаря которому могло быть сформировано большинство в австрийском рейхсрате, голосующее за оккупацию Боснии и Герцеговины; тогда Пленер сформировал боснийских левых.

Эрнст фон Пленер - личность, характерная для того, что граф Польцер хотел представить сегодня. Пленер был в австрийском парламенте оратором где-то по образу либерального оратора средней руки, человека, который выступал в австрийском рейхсрате так, что то, что он говорил, было бы правильнее говорить в Англии. Ведь, Пленер много лет был также атташе австрийского посольства в Лондоне, и, так сказать, вжился в то, что называется английским парламентаризмом. Этот английский парламентаризм, очень хорошо выросший из английского элемента и хорошо подходящий ему, был теперь более или менее успешно перенесён на всю Европу, и он является одним из тех факторов, которые доказывают, насколько сильно влияние западных импульсов проникло в Европу. Я бы сказал, что когда Пленер говорил в австрийском парламенте, то это говорил, собственно, насквозь пропитанный английскими политическими шаблонами политик. Для Австрии, которой это

37 В австрийской Палате представителей, вновь избранной в 1873 года, сторонники либерализма называли себя «немецкими левыми», поскольку либеральное движение в значительной степени поддерживали люди немецкой национальности.

38 Члены прусской королевской семьи (с 1871 г. также немецкой императорской семьи) принадлежали к франконской линии немецкого княжеского рода Гогенцоллернов. В 1415 году Гогенцоллерны получили избирательное достоинство Бранденбурга и тем самым заложили основы прусского государства.

39 Хербст, нем. Herbst переводится как «осень». Поэтому «Herbstzeitlose», буквально, - Безвременники Хербста (прим. пер.)

вовсе не подходило, это представляло собой нечто в высшей степени абстрактное. Нужно только подумать о том, сколько в этой Австрии было намешано самых разных национальностей, которые скреплялись клерикализмом власти Габсбургов. В ней шаблон английских мнений с его маятниковой системой левого и правого оказывался, собственно, совершенно абстрактным элементом. И для такого абстракциониста, как Пленер, никогда не было важно мыслить, исходя из конкретных действующих сил, но он всегда мог сделать что-то другое. И Хербст, упёртый, в определенном смысле упрямый, оставался при своей немецко-либеральной точке зрения. Напротив, Пленер, который был своего рода человеком мира, - я вижу его перед собой и сегодня: он никогда не приходил в парламент иначе, как в светлых брюках, всегда подвёрнутых внизу, и со своего рода бородкой, которая была чем-то средним между бородкой щёголя и дипломатической бородкой, - Пленер всегда мог сделать что-то по-другому. Он сформировал боснийских левых, чтобы оказать императору Францу Иосифу⁴⁰ и власти Габсбургов услугу, которая впоследствии могла быть вознаграждена. Должен сказать, что мне всегда представлялась определенная связь между двумя событиями, между образованием в австрийском парламенте Эрнстом фон Пленером боснийских левых по случаю оккупации Боснии и Герцеговины и более поздним событием, которое кажется незначительным, но которое следует учитывать как симптоматическое. Когда коалиционное министерство Виндишгреца (Windischgrätz) заняло место министерства Тааффе, Пленер на короткое время стал министром финансов; он всегда к этому стремился. Но счастье длилось недолго. Затем произошло то, что, собственно, всегда указывало на то, что тут в игру вступили подземные силы. Пленер стал президентом Высшей расчётной палаты, а затем, как ни странно, когда стал президентом, ушел из политики, несмотря на то, что всегда играл заметную роль в своей партии. И когда однажды у него брали интервью и спросили, почему он ушёл, он ответил: «Это касается только меня и моего императора, это секрет, о котором я говорить не хочу».

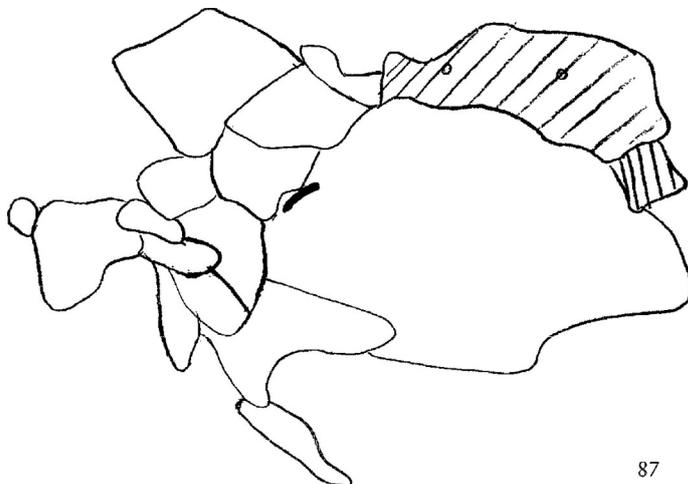
Мне всегда приходилось признавать определенную связь между событиями, имевшими место при формировании боснийских левых в семидесятых годах, и этим событием, которое произошло только в девяностых. Давайте посмотрим, что произошло после этой боснийской оккупации. Как было сказано, в Австрии образовалось второе министерство графа Тааффе после того, как разыгрались последние фазы той концессионной системы правления, которая возникла именно потому, что после прусско-австрийской войны люди пытались понять, смогут ли они как-то обойтись с немецким элементом в Австрии или нет. Была попытка что-то сделать с, так называемым, бюргерским министерством с 1867-го по 1870-ый год, сначала с принцем Карлосом Ауэрспергом (Carlos Auersperg), затем произошел эпизод при Потоцком (Potocki) и Хоенварте (Hohenwart), когда утвердился славянский элемент. Но затем, с 1871-го года до конца семидесятых, появилось министерство под руководством Адольфа Фюрст фон Ауэрсперга (Adolf Fürst Auersperg), опять же, своего рода, бюргерское министерство, которое, как я уже сказал, было последней фазой того, что тогда предпринималось. Затем пришло это министерство графа Тааффе. На это министерство Тааффе мы сейчас и посмотрим. Оно занималось государственными делами в Австрии более десяти лет, можно сказать, в восьмидесятых годах, и тогда, я бы сказал, как на таблице, разыгрывалось всё то, что

40 Франц Иосиф, 1830–1916, из дома Габсбургов-Лотарингии, стал императором Австрии и королем Венгрии в молодости в декабре 1848 года после насильственного отречения своего дяди. Хотя он был в основе своей консервативен и автократичен и чувствовал себя преданным династическим интересам Дома Габсбургов, он рассматривал свою должность правителя как задачу на службе своему народу. В течение длительного периода своего правления, который длился до ноября 1916 года, он позволил ввести конституционную систему правления, которая закрепила в конституции право голоса парламента. В конце концов он даже предоставил всеобщее избирательное право австрийской части империи. Но ему не удалось организовать сосуществование разных народов таким образом, чтобы на будущее было обеспечено дальнейшее существование многонационального государства Габсбургов. Через два года после его смерти австро-венгерская двойная монархия распалась в результате революционных потрясений, вспыхнувших после поражения в Первой мировой войне.

является компедиумом европейской политики. Тааффе - премьер-министр; он держится на вершине министерства, хотя и с совершенно неспособной головой. Основная причина, по которой он держится в министерстве, заключается в том, что по вечерам во время разговоров при дворе он при помощи платка и пальцев очень хорошо умеет проецировать на стену зайчиков. Придворным дамам так нравилось, когда граф Тааффе делал этих зайчиков и демонстрировал другие подобные искусства, что это позволяло ему оставаться в австрийском правительстве. Можно сказать, что эти восьмидесятые годы немецкость вытеснялась из Австрии. Земли по эту сторону Лейты⁴¹ - ну, эта область, собственно, не имела названия, эту область, которая находилась по эту сторону Лейты, называли «Королевства и земли, представленные в рейхсрате», а земли напротив, по ту сторону Лейты, имели по крайней мере одно собирательное имя, их называли «земли с Святой Короны Святого Стефана», - землями по эту сторону Лейты, то есть, «Королевствами и землями, представленные в рейхсрате», управляло в то время министерство, во главе которого стоял Тааффе. В некоторых юмористических листках Тааффе писали очень странно: Та - affe⁴² (пишет на доске).

Та. — affe

Ну и найти общее название для этих земель тоже было сложно, ведь что включала в себя эта область «королевств и земель, представленных в рейхсрате»? Это, прежде всего, была Буковина, за ней следовало королевство Галиции с Рутенией (Русения) со столицей Лемберг; тут примерно Краков (рисует на доске). Эта Галиция была населена главным образом польским элементом (заштриховано слева), а здесь населена русинским элементом (заштриховано справа), - русины являются разновидностью славян, поляки тоже являются разновидностью славян.

87

Далее, Силезская область, Моравская и Богемская области, - везде славяне и немцы смешаны. Затем идут Нижняя и Верхняя Австрия, Зальцбург, Форарльберг, Тироль, Штирия вплоть до Брунна - в основном немцы; затем южные славяне, словенцы в Каринтии и Крайне; здесь ниже, Истрия и Далматия. Напротив, по ту сторону Лейты, - земли Святой Короны

41 Лейта или Литáва (нем. Leitha, венг. Lajta) — река в Австрии и Венгрии, правый приток Дуная. Река Лейта дала название Цислейтании и Транслейтании, двум составным частям Австро-Венгрии, образованным по Австро-венгерскому соглашению 1867 года. Слова Цислейтания и Транслейтания буквально означают «по эту» и «по ту сторону Лейты» (прим. пер.)

42 Affe, нем. - обезьяна (прим. пер.)

Святого Стефана: здесь Венгрия с Семиградьем (Трансильванией), затем - Хорватия со Славонией. Здесь где-то придется искать Лейту; всё, что по ту сторону, все эти смешанные народности, - они образовывали «Королевства и земли, представленные в Рейхсрате».

Ну, и каково же было представительство «Королевств и земель, представленных в Рейхсрате» в Вене? Оно было, собственно, достаточно примечательным. Тут, если вы взглянете на скамейку министров: посередине, обременённый покатым лбом, сидел производитель зайчиков, Тааффе, справа от него Дунаевский⁴³, министр финансов, коренной поляк, затем там была заметная личность, министр Празэк (Pražák), чех, далее - Смолка⁴⁴, коренной поляк, один из тех поляков, чучела которых когда-то были в Австрии обезглавлены за государственную измену, но которые затем [политически] взлетели вверх. Можно сказать: Когда говорилось об этих личностях, в определённом смысле скучно не было.

На первой скамье левых, - если бы, это, например, были дебаты по бюджету, - сидел хороший немец Карнери⁴⁵ (Carneri); Вы знаете фигуру Карнери из моей книги «О загадках человека». Он начинал дебаты в центрально-европейском смысле; как правило, он бросал самые страшные обвинения в адрес этого министерства в Тааффе. Одна из его самых действенных речей заканчивалась словами - это было, где-то, в 1883-ем году —: «Бедная Австрия!». - Затем несколько поодаль от него сидел Хербст, Пленер и так далее. Но всё, что говорилось в Австрии, говорилось, собственно, так, как говорят люди исчезнувшего движения. То, что, например, говорил Карнери было красиво, остроумно, великолепно, но это было чем-то таким, что не могло жить. Но: в Австрии в то время жило нечто другое; что-то действительно жило в Австрии, когда выступал, например, польский депутат Отто Хауснер (Otto Hausner). В Австрии не имело особого значения то, что член парламента не немецкое имя; ведь, если кого-то звали Грегг и он был, например, депутатом от младочехов-либералов, то есть, имел фамилию с крючком, то до того, как он стал чехом, его звали Грёггер; бывают такие метаморфозы. Когда Отто Хауснер говорил, он при этом подчеркивал, что говорит полностью, исходя из польского элемента, хотя и подчеркивал, что по его жилам бегут рэтинско-алеманнские кровяные тельца, - хотя я не знаю, что это такое, рэтинско-алеманнские кровяные тельца. Он не был человеком, который мне нравился. Я ещё живо вспоминаю: когда я шёл по Herrengasse в Вене и мимо проходил старый Хауснер, этот старый пижон с моноклем, который ещё петушился, но выглядел, собственно, вовсе не милым

43 Юлиан Риттер фон Дунаевский (1822—1907) — австро-польский политик и экономист. Находясь в Галиции, после учебы в университете он работал с 1852 года профессором политологии и статистики, сначала в Пресбурге (сегодня Братислава), с 1860 года в Лемберге и, наконец, с 1861 года, в Кракове. С 1873 года работал в австрийском рейхсрате, где принадлежал к польской партии как убежденный противник немцев. Во втором кабинете графа Тааффе, который состоял из коалиции католических консерваторов с поляками и чехами и находился у власти с августа 1879 по октябрь 1893 года, он занимал должность министра финансов с 1880 по 1891 год.

44 Францишек (Франц) Смолка, 1810–1899, австро-польский политик из Галиции, по профессии юрист. Как лидер молодого польского тайного общества, планировавшего восстановление старой Польской империи, он был арестован в 1841 году, приговорен к смертной казни в 1845 году, но в конце концов помилован. В революционном 1848 году он возглавил польское национальное движение в Галиции и представлял их интересы с 1848 по 1849 год в учредительном собрании славянской и немецкой частей Австрии в Рейхстаге. Некоторое время он был даже председателем Рейхстага. В 1849 году, после его роспуска, Смолка вернулся в Галицию. В 1861 году он был избран в Палату представителей Австрии, где оставался до 1893 года, если не считать перерыва между 1863 и 1867 гг.; с 1881 по 1893 год он даже занимал пост председателя Палаты представителей. После отставки он до самой смерти принадлежал к австрийскому властвующему дому. В политическом плане Смолка представляла цели польской фракции; наряду с Грохольским он был одной из ведущих фигур в этом направлении. Он выступал за преобразование австро-венгерского двойного государства в федерацию пяти государств путем предоставления дополнительной автономии польской, чешской и южнославянской частям империи.

45 Bartholomäus Ritter von Carneri (1821–1909), немецко-австрийский писатель, на творчество которого повлияли идеи Дарвина. Карнери был активен также политически: с 1870 по 1890 год, приверженный либеральным идеям, он был видным членом либеральной фракции в Палате представителей австрийского рейхсрата.

стариком; он не был симпатичной личностью. Хотя, надо сказать: когда в те годы, о которых, как раз, идёт речь, говорил Хауснер, он говорил так, что через него прокатывалась мировая история. И я бы сказал, что когда говорил Отто Хауснер, можно было услышать рокот слов завещания Петра Великого. Было слышно, как они прокатывались, когда он говорил, что люди в Австрии не должны позволять себя одурачить Берлину, Бисмарку, что они не должны принимать Берлинский договор. Это говорило время, это был рокот времени, когда Отто Хауснер говорил об Арльбергской железной дороге, считая ее стратегической железной дорогой, позволяющей сделать возможным союз между Австрией и Францией против политики Германии. И хочется сказать, что в речах Отто Хауснера того времени было что-то такое, что пророчески предсказывало всё, что произошло потом. Но особенно эффектной была речь Хауснера о «Германизме и германском рейхе («Deutschtum und Deutsches Reich»), в которой он риторически прекрасно описал все тёмные стороны, - особенно тёмные стороны немецкости и немецкой природы, - но не светлые стороны. Всё, что в Центральной Европе, собственно, вело к падению, было именно тем, что польский представитель Отто Хауснер в то время смог чудесным образом замаскировать в своей речи. Кроме него часто говорила ещё одна странная фигура, - её звали Дзедушицкий (Dzieduszycki). Это было необыкновенно странно, поскольку, когда он говорил, казалось, что у него во рту даже не одна пельмень, а две пельмени, поочерёдно менявшиеся местами. Но всё же, когда он говорил, через то, что он говорил, прокатывалась история. Это была мировая история, которая тут говорила, - и так же было со многими другими, кто там сидел. И, напротив, когда эти люди говорили, только исходя из своей личности, то это была вовсе не мировая история.

В то время, когда школьное право в Австрии, уже разрушенное либералами, вот-вот должно было разрушиться окончательно, - как тогда формировалось большинство? Я хочу открыть вам великую тайну: несмотря на австрийскую политику, в Австрии действительно были лучшие гимназии, вплоть до семидесятых годов; и только с большим трудом более позднему министру образования Гаучу (Gautsch), удалось разрушить эти, с определенной точки зрения, хорошие гимназии. И знаете ли вы, по чьей вине были основаны эти хорошие, - хорошие для того времени - гимназии в Австрии? Это был пра-клерикал Лео Граф Тун⁴⁶ (Leo Graf Thun), кто ввёл эти гимназии в Австрии. То есть, в Австрии дело обстояло так, что временами, странным образом, практическое действовало вместе с совершенно бычьей политикой. Этот во многих направлениях совершенно чёрный клерикал, Лео Граф Тун,

46 Leo Graf von Thun und Hohenstein (1811-1888), австрийский государственный деятель. Происходя из немецко-чешской аристократии, он поступил на государственную службу после получения юридического образования, но также некоторое время работал писателем. В 1849 году он был назначен министром культуры и просвещения в кабинете князя Феликса в Шварценберге. Он также занимал эту должность в двух последующих министерствах при Карле Фердинанде Графе фон Буоль-Шауэнштейне и Иоганне Бернхарде Графе фон Рехберге, пока не был освобожден от должности в 1860 году. После увольнения в 1861 году он стал членом господствующего дома, где работал до самой смерти главным представителем духовенства и феодалов. С одной стороны, граф Тун работал над заключением конкордата со Святым Престолом — это произошло в 1855 году и привело к усилению влияния католической церкви в общественной жизни — но прежде всего он внес ценный вклад в коренную реорганизацию преподавания в средней школе путём введения реального училища в классическую гимназию — гимназию с особым упором на современные языки, математику и естественные науки. Кроме того, он также вмешался в реформу высшего образования, где ему удалось защитить академическую свободу и назначить независимых ученых, в основном из Германии. Университетские профессора Франц Экснер и Герман Бониц поддерживали его в качестве советника в его реформаторских усилиях. Рудольф Штайнер очень симпатизировал реформам того времени, - так в молодости он писал о деятельности графа Туна в своем эссе «Das deutsche Lehrwesen (в с) und Herr von Gautsch» (в GA 31): «Все еще в одном из воспоминаний о том духе, который проник в нашу среднюю школу в то время, и о том, как Тун, даже не считаясь со своими личными мнениями и своей клерикальной точкой зрения, взял на себя задачу поднять высшее образование, опираясь на индивидуальность везде, где он мог ее найти». Напротив, он отрицательно оценивал школьную политику либералов: «Но это неопровержимая истина, что Тун поставил личность на первый план, в то время как либеральное школьное законодательство последних нескольких десятилетий выдвинуло на первый план параграф».

привёл к прорыву блестящую школьную систему в Австрии, которая затем, однако, благодаря либералам, снова пришла в упадок, а то, что после них осталось, позднее было разрушено ещё больше. Так, как же с этими вещами в рейхсрате формировалось большинство? Да, он формировался странным образом. Там были русины, и там были поляки. Когда кто-то хотел пробить определённые вещи, которые легче можно было пробить с поляками, тогда формировали министерство, состоящее из немцев и поляков. А когда хотели пробить что-нибудь другого рода, тогда поляков исключали и формировали большинство из немцев и русинов. Русинов и поляков, которые тогда ужасно боролись друг с другом, использовали как груз для весов. И в зависимости от того, что было брошено на чашу весов, в конце, выходило обратное. В то время, когда должен был быть полностью уничтожен школьный закон, грузом на весах оказались, как раз, поляки; поэтому надо что-то решать клерикалам и полякам. Говорили, что если клерикалы будут работать вместе с поляками, то школьный закон можно уничтожить. Но поляки были всё же достаточно умны, чтобы прямо возразить, что нельзя так поступать с Галицией с введением в их земле такого [нового] школьного закона. И тогда они нашли выход и сказали: Хорошо, мы будем за вас, мы устраним этот [старый] школьный закон, но только не в Галиции. - Произошло странное: славянский элемент служил камуфляжем, но этот славянский элемент исключил себя из того, что совершенно ясно признавал, желая исключить из этого свою собственную землю. Таковы были в то время особые условия в Австрии.

Там сидела и характерная фигура старого чеха, Ригера (Rieger). Пока немцы правили либерально, формально, абстрактно, чехи не шли в венский парламент; они отсутствовали. На первый взгляд это была большая заслуга Графа Тааффе в том, что он вернул чешский клуб. Так что теперь среди этих венских парламентариев был и Ригер: необыкновенно характерная фигура, полная внутреннего огня, с несколько вибрирующим, маленьким телом, но с мощной головой, с глазами, из которых, казалось, выйдет даже не один черт, изрыгающий огонь, а несколько. В нём действительно было что-то необыкновенно живое.

Видите ли, была такая ситуация. Можно было бы сказать, что было ясно, что тут есть некий элемент, который нельзя было ухватить, но можно было видеть: через эту своеобразную конфигурацию в Австрии действительно действовало это завещание Петра Великого. Имея перед собой эти конкретные условия, было ясно, что нечто подобное существует. Фактически, было точно известно, почему, например, политика графа Андраши (Andrássy), - который, несмотря на то, что был венгром, некоторое время был министром иностранных дел Австрии, - пробивалась с таким трудом: потому что люди не могли себе представить, что Австрия смещает свой центр тяжести на Восток, в сторону славянских земель. Можно было видеть, что утверждается славянский элемент, но нельзя было сказать ничего другого, кроме как: ну, хорошо, но что, собственно, из всего этого выйдет? Что тут хочет осуществиться? - И, собственно, как раз, в этом Тааффе, неспособном Тааффе, - среди его министров у него было несколько очень способных славянских голов, таких, например, как Дунаевский, польский министр финансов, или тот же Празек, - можно было видеть действующим славянский элемент. Но через этот славянский элемент вносились неразбериха; способные головы, отчасти даже превосходные головы, но всё целое пронизывала неразбериха. И эта неразбериха действовала вместе с немецким элементом.

Теперь сопоставьте это с другим, сопоставьте это с тем, что Петр Великий является личностью, которая в молодости оказывается на Западе, в Гааге, возвращается в Петербург, что это личность, которая стремится придать России западный характер, вопреки усилиям многих, считающих себя настоящими русскими, православными русскими людьми. Попробуйте понять, каковы исторические отношения между тем, что является русским, и тем, что принёс в Россию Петр Великий. То, что он внёс, Петр Великий, было, ведь, не тем, что имело бы действие только на завтра или послезавтра, а это было чем-то таким, что дало импульс на века. Можно было бы сказать, что ясно, что хочет укоренившееся в России

славянство, ясно, как оно взаимодействует с дифференцированными славянами, но внутри этого есть всё же ещё и то, что принес с Запада Петр Великий. Ну, Петр Великий, конечно, ничего не записал, но он проводил свои правительственные действия в определенном направлении; то, что он делал, делалось в определенном направлении, в определенном стиле. И так то, что идёт от одного только славянства, прокатывается параллельно и переплетается с тем другим, что было привнесено с Запада ставшим там духовно сильным Петром Великим. А теперь перенеситесь в какое-нибудь время после Петра Великого и посмотрите на европейскую политику, - разве вы не сможете сказать: Да, в том, что тут продолжает действовать со времен Петра Великого, есть конкретные факторы, которые работают? - Всякий, кто видел эти вещи, как я вам сейчас их описал, знает: они тут присутствуют. Затем появляется некий Сокольницкий и медитирует на обстоятельства, в которых он жил. Тогда в его душе восходит то, что называется «Завещанием Петра Великого». Он спрашивает себя: какие силы содержатся в том, что исходит от Петра Великого? Что произойдет, когда они реализуются? Как насчёт того, чтобы написать неписаное завещание Петра Великого, если написать его отчасти из того, что даёт вдохновение, отчасти из того, что содержится в государственных бумагах? - Нужно ли после этого спрашивать, как человек обмакивал перо в чернила, или какие чернила он использовал, или как он вёл перо, если спрашивается о происхождении какого-то документа? В мировой истории это не так.

Я часто рассказывал здесь маленькую историю, которая случилась со мной однажды. Я попытался доказать, как возникло сочинение Гёте о природе, Гимн природе. Я доказал, что Гёте гулял со швейцарцем Тоблером⁴⁷ (Tobler) вдоль реки Ильм⁴⁸ и произносил для себя вслух эти мысли. У Тоблера была такая превосходная память, что он пошел домой и записал всё, что услышал от Гёте, и опубликовал это в «Tiefurter Journal», который, как раз, был найден в то время, когда я был в Веймаре. В седьмом томе ежегодников Гёте я пытался доказать⁴⁹, - исходя из внутренних и духовных причин, - что это эссе в «Tiefurter Journal» было написано Гёте, хотя это эссе «Die Natur» («Природа») и было издано, буквально слово в слово, по рукописи Тоблера.

Речь идёт о том, что исторически ничего не выйдет, если спрашивать о происхождении, как раз, важнейших вещей, я бы сказал, прозаико-филистерским, буквальным, филологическим образом. Конечно, относительно письма, это завещание является подделкой, - но это истинная реальность. И мы получим действительное происхождение завещания, как раз, то происхождение, которое пытался доказать граф Польцер, когда скажем себе: В некоем размышлении и внутреннем погружении Сокольницкий написал эту вещь, в связи с тем, что тогда было. Но он не просто высосал её из пальца, или узнал о ней как-то внутренне-мистически, а увидел её во всей своей связи с мировыми событиями. И можно было бы сказать: он хотел зафиксировать именно то, что было инаугурировано Петром Великим, что он принёс с Запада, но что ещё не произошло.

А теперь вернёмся к этой Вавилонской башне австрийского рейхсрата под министерством Тааффе, как я его описал. Посмотрим, как сидит там славянский элемент, - как там сидит, как раз, одаренный славянский элемент, который, однако может принести только неразбериху. И если докопаться до сути, то там находится то, что выражается там, как некое продолжение действия этого завещания Петра Великого. Таким образом, можно сказать: Да, это завещание Петра Великого действует, как некая историческая сила, но в то же время, если смотреть на конкретные факты, действует так, что вносит неразбериху. Добавьте к этому, - как я уже много раз говорил по другому поводу, - ещё то, как была инаугурирована Западом более поздняя политика, которая, как я уже сказал, хорошо можно проследить

47 Георг Кристоф Тоблер (1757-1812), переводчик и теолог из кантона Цюрих. Он был другом Гёте и был в Веймаре в 1781 году; он был фактическим издателем Очерка о природе.

48 Ильм (нем. Ilm) — река в Германии, протекает по земле Тюрингия. Левый приток Зале (прим. пер.)

49 Эссе Рудольфа Штайнера первоначально появилось в 7-ом томе «Трудов Общества Гёте» (Ежегодник Гёте, Веймар, 1892 года) под заголовком «К <фрагменту> о природе» (в GA 30).

вплоть до шестидесятых годов. Эта политика состоит в стремлении вызвать на Востоке то, что, ведь, затем было также в достаточной степени исполнено до мельчайших деталей, что, по сути, и привело к катастрофе мировой войны. Тогда, ведь, можно себе сказать, если теперь можно мыслить по-настоящему исторически, внутренне-исторически: да, не является ли тогда вся эта история с Петром Великим некой чудесной прелюдией, некой грандиозной прелюдией к тому, что пришло позднее? - Я хотел бы сказать, что если бы какой-либо дух захотел бы создать то, что пришло позднее, в 20-ом столетии, то он не мог бы вызвать неразберихи, исходящей с Востока, лучше, чем, позволив Петру Великому прийти в Гаагу, где всегда заваривалось всё возможное, касающееся отношений в европейской политике, поскольку оттуда ведёт короткий путь к англо-американизму. Но затем Пётр Великий вернулся в Петербург и инаугурировал там то, что продолжало действовать как «Завещание Петра Великого», что чудесным образом создало условия, необходимые для реализации позднейшего.

Когда говорится нечто подобное, мои многоуважаемые присутствующие, это, конечно, всегда звучит так, будто эти вещи нарочно доводят до парадоксального; но если нужно представить что-то в кратко, то нельзя никак иначе, как представить это в более резкой манере. Но я просто хотел показать — если бы вы хотели описать это очень точно, то должны были бы сказать некоторые вещи по-другому, — насколько на самом деле воля Петра Великого является реальной исторической силой, хотя бы и подлогом в том смысле, что Граф Польцер сказал, а Петр Великий никогда не писал ничего подобного этому завещанию или что-то в этом роде. Но я хотел показать - при более точном представлении нужно было бы сказать некоторые вещи по-другому, - что завещание Петра Великого является реальной исторической силой, несмотря на то, что в том смысле, как это сказал Граф Польцер, оно поддельное, и Петр Великий никогда не писал ничего подобного. Я показал вам, как расходились круги, как это видно на примере представленных в австрийском рейхсрате королевств и земель. Я показал вам, как всё, можно сказать, трепещет, когда берёшь речи Хауснера о цивилизации и читаешь речи Празэка и других, - ощущается, я бы сказал, ветер, приходящий от этого Петра Великого. Во всех речах, которые звучали против оккупации и за оккупацию Боснии и Герцеговины, в этих разыгрывающихся в то время боях, ощущается, что что-то должно было случиться. Были предприняты попытки привнести смысл в австрийскую политику: но нельзя было привнести никакого смысла, потому что действовало то, что убирало смысл, что сеяло неразбериху, чтобы могло прийти то, что пришло затем в 19-ом столетии и позже.

К сожалению, не хватило времени, чтобы вникнуть в эти вещи так точно, как это нужно было бы сделать для представления их в качестве доказательства. Но дело обстоит так, что вполне можно видеть, как действовала воля Петра Великого, и как, собственно, важно понять действенность этого завещания. Поскольку это завещание, - я говорю это не с нравоучительным оттенком, а чисто как факт, без эмоций, - это завещание Петра Великого фактически уничтожило Австрию, конечно, наряду с неспособностью немцев в Австрии понять это завещание.

И потому можно сказать: кто действительно хочет получить полный обзор, тот должен поставить на место завещания Петра Великого другой документ. И тогда уже надо отыскать те силы, которые сейчас были представлены теми тезисами, на которые ссылался граф Польцер. В эти вещи я сейчас не хочу вдаваться. Я просто хотел дать несколько штрихов относительно представления себе того, что завещание Петра Великого является реальностью, которая дала круги, и что эти круги также являются политико-историческими реальностями.

ШЕСТОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР Дорнах, 30 августа 1920 года

Человек искусства в трёхчленном социальном организме

Эрнст Юли (Ernst Uehli) делает введение к теме «Человек искусства в трёхчленном социальном организме». По окончании проходит дискуссия, в ходе которой Пауль Бауманн (Paul Baumann) задаёт вопросы Рудольфу Штайнеру.

Пауль Бауманн: Какова связь между человеком искусства, или результатом его труда, и первичной социальной ячейкой? Не должен ли он тоже что-то создавать во время подготовки?

Рудольф Штайнер: Когда речь идёт об искусстве и социальной жизни, я, собственно, всегда испытываю некое неудовлетворительное чувство при обсуждении, касающегося этих двух вещей, по той простой причине, что весь тип мысленной установки, душевной установки, который входит в рассмотрение, когда говорят о социальной организации, о социальной структуре, должен быть иным, нежели тот, который надо иметь, когда надо говорить перед людьми об искусстве, о его правильном истечении из человеческой природы и становлении его действенным в жизни.

В определённом отношении эти две области очень трудно сравнимы. И, поскольку они именно такие, мне кажется, что, как раз, с точки зрения трёхчленности социального организма можно пролить свет на всё положение искусства по отношению к художнику и к человечеству. Правда, говоря об искусстве в социальном организме, нельзя ни на минуту забывать, что искусство принадлежит к высшему расцвету человеческой жизни, и что для искусства вредно всё то, что в нём нельзя отнести к этому высшему расцвету организации человеческой жизни. Поэтому надо сказать: Если трёхчленному социальному организму удастся в общем организовать жизнь так, что из неё сможет выйти человек искусства и само искусство, то это будет определённой пробой на правильность, а также на внутреннюю правомерность трёхчленности социального организма. Но было бы неправильным ставить вопрос: Что нужно сделать в трёхчленном социальном организме, чтобы прийти к правильной организации искусства, или к правильному проявлению художника? Ведь, прежде всего, ставится вопрос: Как будут жить люди в трёхчленном социальном организме? Можно сказать: Если бы идея трёхчленности социального организма была утопией, то, естественно, можно было бы сказать то, что говорят об утопиях: Люди будут жить счастливо, - так счастливо, как это только возможно. - Но, ведь, идея трёхчленности социального организма исходит совсем не из таких утопических условий, а она просто спрашивает: Какова естественная структура, само собой разумеющаяся структура социального организма? Ведь, можно хорошо представить себе, что у какого-то человека возникнет идея, что человек, как таковой, мог бы быть гораздо лучше, чем он есть, и природа, собственно, сделала не всё, чтобы сделать человека достаточно хорошим. Да, но какой мир есть в целом, такой должен быть и человек, какой он есть. Конечно, может быть, что какой-нибудь Ленин или Троцкий скажет: Социальный организм должен быть такой-то и такой-то. - Но это совершенно не важно. Так же мало важно, как то, что кто-то представляет себе иную сущность человека, нежели та, которая может возникнуть из всей природы. Речь идёт о том, какие внутренние закономерности должен иметь социальный организм. И, если понять трёхчленный социальный организм с этой совершенно практической точки зрения, тогда можно будет также представить себе и то, что может быть в этом трёхчленном социальном

организме. Прежде всего, в трёхчленном социальном организме будет возможным экономичное использование времени, без необходимости в принуждении трудиться или подобных вещей, которые совершенно уничтожили бы всякую свободу. Благодаря тому, как обстоят дела в трёхчленном социальном организме, будет просто невозможно, чтобы столько людей бесполезно слонялись без дела, как сейчас. Я знаю, что слова «бесполезно слоняться без дела» вызывают недоразумения; потому что люди скажут: да, но настоящих слоняющихся без толку, настоящих бездельников, очень мало. - Но дело не в этом, а в том, делают ли те люди, которые, как раз, много делают, что-то совершенно необходимое для жизни, делают ли они то, что рационально и продуктивно вписывается в жизнь.

Если вы возьмете сегодня какую-либо отрасль жизни, - я хочу сразу же выделить ту, что наиболее хрупка в сегодняшней жизни, - если вы возьмете, например, журналистику и увидите, сколько здесь требуется человеческого труда, от подмастерьев-наборщиков до всех остальных, кто занят в изготовлении газет. Суммируйте всю работу, которая при этом производится, - большую часть этой работы делают бездельники, поскольку большая часть этой работы, - это, собственно, не необходимая работа. Можно сделать всё это намного рациональнее, без вовлечения такого количества людей. Речь идёт не о том, чтобы занять чем-то подобным как можно больше людей, чтобы они могли жить, а о том, чтобы осуществлялись те виды деятельности, которые, в смысле действительного социального жизненного кругооборота, необходимы для благотворного развития этой жизни, этого социального кругооборота. Ведь, всё хаотическое, что возникает сегодня в отношении использования человеческой рабочей силы, связано с тем, что у нас, собственно, нет никакого социального организма, а есть социальный хаос, вызванный обожествлением единого государства. Я уже часто приводил примеры этого социального хаоса. Только представьте, сколько сегодня печатается книг, из которых не продаётся и пятидесяти экземпляров. Теперь возьмите одну из таких книг, - сколько людей над ней работало! Они получали свой заработок, но делали не необходимую работу. Было бы целесообразнее, если бы они делали что-то другое, и, благодаря этому, определенным образом было бы разгружено бесчисленное множество других людей. Иначе же работает бесчисленное количество наборщиков, переплетчиков, они производят кучу книг, - в основном это лирические стихи, но также и другие, - изготавливается стапеля книг; почти все они идут на макулатуру. Но таких ненужных вещей сегодня в жизни много; бесчисленное количество вещей абсолютно не необходимо.

Что же это значит? Представьте себе, что наш человеческий организм не был бы правильно подразделён на нервно-чувственную систему, локализованную в голове, на ритмическую систему и на систему конечностей, которые взаимодействовали бы правильным образом, и, благодаря этому действовали бы экономно. Представьте, что мы были бы таким единым существом, где всё смешано, где повсюду производилось бы не необходимое, где всё должно быстро повторяться: было бы совершенно недостаточно выводящих органов для ненужных вещей. Мы должны для себя уяснить, что важно, чтобы этот социальный организм был подразделён, что он должен быть организован согласно внутренним закономерностям; тогда он будет и экономичным. Тогда человеческая работа будет везде осуществляться на своём месте, и, прежде всего, не будет бесполезной работы.

Что из этого следует? Тогда у людей будет время. И тогда, мои многоуважаемые присутствующие, только тогда возникает основа для такой свободной деятельности, как искусство и подобные вещи. Для этого нужно время. И из времени выйдет то, что должно быть для искусства, и тогда искусство будет действовать вместе с чем-то другим, оно будет действовать вместе со свободной духовной жизнью. Эта свободная духовная жизнь, вместе с имеющимся в трёхчленном социальном организме временем, выливается тогда в развитие талантов, - не таким извращенным образом, как это имеет место сегодня, а естественным образом. Если свободный духовный организм будет действительно обособлен от прочего организма, то число непризнанных гениев существенно уменьшится, тогда развитие станет

намного более естественным. Будет гораздо меньше мечтаний об артистизме и тому подобного. Таким образом, раскрытие талантов, посредством разворачивания свободной духовной жизни, просто ставится на более естественную почву. И для развития искусства необходимо ещё кое-что: необходимо художественное чувство, художественная потребность, естественное желание и стремление человека к искусству. Всё это должно вытекать из трёхчленного социального организма как то, что возникает при наличии организованной общественной жизни, а не хаотической, как сегодня. Ведь, прежде всего, в новое время мы попали в хаос художественного чувства. Первичное художественное чувство, с элементарной силой исходящее из человеческого познания, в результате современного образования совершенно исчезло. Оно бы вернулось снова, если бы мы развивались в смысле трёхчленности социального организма. И так необходимо думать обо всём, что при этом возникает.

Ведь, когда говорят с точки зрения трёхчленности социального организма, надо говорить только как практик, а не как теоретик, надо ставить вопросы не о принципах, а о фактах, и тогда надо сказать, то, что я сейчас описал, может прийти гораздо быстрее, чем предполагается. И что тогда возникает? Тогда для самых различных вещей возникают - частично из духовной жизни, частично из экономической жизни, - ассоциации. И то, что должны будут делать эти ассоциации, надо представлять себе, собственно, не как нечто, упакованное в параграфы и принципы. В этих ассоциациях, опять же, будут люди, которые смогут выносить суждения, исходя из всей теплоты человеческого чувствования и переживания. Из этих ассоциаций будут выходить люди, которые благодаря тому, что они помимо этого делают в жизни, приобретут определенную значимость в жизни, которое не гарантируется им государством, или государственным титулом. Будут ли они состоять в тайных советах, производственных советах, врачебными советами и тому подобных: люди, из трёхчленного социального организма будут обретать значимость не через эти абстрактные вещи, а через то, что они делают, что постоянно живёт. Эти вещи будут жить через ассоциации; будут жить не параграфы, а то, что получается в результате договорённостей людей, получивших права выносить решения в этих ассоциациях; а получится то, что сейчас имеется в виде карикатуры как, так называемое, общественное мнение. Нужно только совершенно конкретно представить себе, что может получиться при живом взаимодействии ассоциаций.

К ассоциациям принадлежат, ведь, также и те, кто приходит из свободной духовной жизни. Тут к жизненному опыту человека, который может установить справедливое суждение, в свою очередь, действительно нечто прибавляется. И, если вы только возьмёте это в полном конкретном значении, то получится следующее: человек искусства, исходя из этого публичного суждения, сможет также и материально добиться для своего произведения того, что будет реализовано посредством ассоциации. Из этих отношений действительно сможет развиваться то, что даст художнику возможность, даже если ему потребуется для работы над своим произведением 30 лет, всё же получить за это произведение столько, сколько будет достаточным для удовлетворения его потребностей в течении этих тридцати лет, - что в противном случае, когда ему будет уже 60 или 70 лет, может уже больше не входить в рассмотрение. Это получится. Это действительно получится, - если не воспринимать это обывательски, - что художник может получить вознаграждение за своё произведение, от такого трёхчленного социального организма в смысле экономической первичной ячейки. Сегодня он, по сути, не может получить такое вознаграждение из-за неестественного состояния цен. Люди сегодня совершенно не могут платить художнику то, что он, собственно, должен был бы требовать. Сегодня, однако, он думает: Я нарисовал картину, и, ну, да, если я получу столько, что мне хватит на следующие три месяца, то я возьму, - конечно, за эти три месяца мне не удастся создать ничего толкового, но люди этого не понимают, - в общем через три месяца я снова что-нибудь сварганю.

Ну, что же, эти вещи получатся только, я бы сказал, как высший экстракт; поэтому, собственно, трудно обсуждать эти вещи заранее. Мне всегда неловко обсуждать такие вещи, - не правда ли, по теореме Пифагора квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов при любых обстоятельствах, но это невозможно, чтобы эта теорема заранее говорила о всех возможных степенях своего применения, хотя применима она будет везде. Так же обстоит дело и с трёхчленным социальным организмом. Невозможно определить, что должно явиться высшим расцветом социальной жизни. Поэтому, собственно, дискуссия об этих вещах так затруднительна, поскольку это слишком разрозненные области, - социальная жизнь и жизнь искусства. Но, если мы теперь возьмём отдельные конкретные вещи, мы должны будем сказать: нечто, вроде этого здания в Дорнахе, должно было возникнуть, оно должно было возникнуть, исходя из определенной культурной и цивилизационной задачи настоящего, из признания этой задачи. И я хотел бы сказать: Если бы даже было ещё меньше людей, которые возлагали бы надежды на то, что здесь, собственно, строилось, вырезалось и расписывалось, это, каким-то образом, всё равно должно было произойти. Конечно, это здание могло возникнуть только потому, что были в наличии материальные средств, но строительство его могло быть завершено только при наличии других материальных средств. Об этих вопросах нельзя говорить в том виде, что: Да, что-то должно произойти, - поскольку, когда говорят об этих вещах, слово «должно», по сути, имеет совсем другое значение. Я имею в виду следующее: Прежде всего, необходимо себе уяснить, что свобода человеческого движения, которое необходимо для обеспечения искусства правильной основой, вызывается трёхчленным социальным организмом. И только при наличии естественных основ социальной жизни, каждый человек сможет правильно укорениться в этой социальной жизни. В конце концов, тут речь идёт действительно скорее о предмете, чем о словах.

Видите ли, я вспоминаю, например, восьмидесятые годы прошлого века. У нас в то время было, как раз, то время, когда в театре господствовали комедии Поля Линдау (Paul Lindau), Блюменталя (Blumenthal), то есть, всех тех, кто вываливал на сцену в основном комедийно-драматический суррогат; не правда ли, это была последняя фаза конвенциональной живописи и тому подобного. В то время была издана книга бесконечно узколобого человека, - человека, о котором, уже исходя из его внешнего вида, действительно нельзя было сказать ничего, кроме как: он может быть только тупым. - И чего же он требовал в этой книге? Для него не было ничего более срочного, чем требования того самого искусства, которое у нас уже было, того театрального искусства, пластического искусства, музыкального искусства и так далее. - Для всего этого отсутствовала социальная почва, оно осталось без корней, и должно было снова выстроено из социального. Там были ужасно красивые фразы, но это была, собственно, ужасно безнадежная вещь, поскольку она никак не была укоренена в жизни. И поэтому я хотел бы сказать: Сегодня важно не то, чтобы правильно говорили о таких вещах, а чтобы, исходя из действительной жизненной необходимости, правильно чувствовали, что означает: Необходимо чувствовать потребность в изменениях, в новом формировании жизни. Как раз, в этой области необходимо обращать внимание на то, чтобы, прежде всего, покончить с фразой. Поэтому речь идёт о том, чтобы, когда говорят о трёхчленности социального организма, прежде всего, самому понимать эту трёхчленность социального организма; другие вещи придут потом.

Я полагаю, что, по сути, говорить много об искусстве вообще неверно. В искусстве надо рисовать, в искусстве надо ваять, в искусстве надо строить, но как можно меньше об искусстве говорить. Конечно, есть определённые способы говорить об искусстве, но это, в свою очередь, само должно быть искусством. Ведь, есть также искусство мышления. Произведения этого искусства мышления формируются так же закономерно, как и произведения других видов искусств, - живописи и так далее. Но то, что произведено художественно, является тогда, - если смотреть на творческое, - чем-то таким, о чём нельзя сказать, что оно должно быть произведено так-то или так-то, или воспринято так-то или так-

то, а здесь, вся необходимость жизни должна быть преобразована в, своего рода, само собой разумеющееся. Необходимо, например, уже привыкнуть к мысли: если нет гения, не может быть и настоящего искусства. - Тогда не будет смысла обсуждать, как должен быть организован социальный организм, чтобы художник мог проявить себя правильным образом. Тогда, в лучшем случае, можно сказать: в каком-то в прочих смыслах упорядоченном социальном организме будет существовать соответствующее искусство, если в нём будет как можно больше гениев; тогда там будет и искусство. - Но вначале там должны быть эти гении. А как они должны проявиться, - ну, определённо, жизнь многих гениальных людей необычайно трагична, но то, что гении действительно могли бы воздействовать на мир, что гении могли бы проявить данные им с рождением задатки, - это может осуществиться только в свободной духовной жизни, поскольку только тогда будет действительная духовная жизнь.

Тогда можно выйти за пределы того, что сегодня в самом прямом смысле является не художественным. Не правда ли, такие явления как ренессанс и готика были категориями, которые, по сути, понимались из вполне живой действительности. Это была жизнь, а жизнь — это всегда нечто универсальное. И поэтому господин Ули был абсолютно прав, когда говорил о том, что готика и ренессанс родились из всего социального контекста того времени. Разногласия, которые у нас были недавно в области искусства, возникли, по сути, я бы сказал, всё более и более, чисто искусственно, и они возникли потому, что принцип буржуазной жизни распространился в духовной жизни. Не правда ли, буржуазная жизнь породила рантье, то есть, бездельников, живущих на ренту от своего имущества. Я имею в виду то, что если бы у них было достаточно амбиций, они стали бы художниками. Но при этом речь идёт не о том, чтобы создавать что-то представляющее собой некую человеческую необходимость, а речь идёт о том, чтобы создавать нечто, исходя из человеческого честолюбия, которое, хотя обычно и отрицается, но всё же существует. И тогда, - как верно сказал господин Ули, - собственно стремления к искусству лишается своих корней.

Внутреннее стремление к искусству, которое является совершенно честным и настоящим, по сути, никак не может лишиться своих корней, но жизнь искусства, конечно, может лишиться своих корней во всём абстрактном, если лишается корней жизнь вообще. И в такой лишённой корней жизни искусства, появляются тогда вещи, имеющими своё основание в извилинах жизни, а не в самой жизни, и тогда появляются словечки «импрессионизм», «экспрессионизм» и тому подобные. Это вещи, относительно которых всегда существует необходимость, - поскольку они так разрознены, - их вначале снова соединить. Если говорить об импрессионизме и экспрессионизме, - то всё это, ведь, только шаблоны, слова. Но, если мы говорим о нашей эвритмии, то мы должны, - поскольку эти вещи уже существуют, - в эвритмии преобразовывать экспрессии снова в импрессию, а импрессию - снова в экспрессию. Необычайно важно понимать, что такие словечки, такие поучительные абстракции, как «импрессионизм» и «экспрессионизм», появляются всегда тогда, когда настоящая жизнь, собственно, уже отсутствует. Поскольку такие слова можно применить ко всему. Что такое отсутствие экспрессии? Когда кто-то пишет плохое стихотворение, то это тоже экспрессия, когда кто-то чихает, то это тоже экспрессия. И так, в конце концов, можно всё, включая здание в Дорнахе, обозначить, как экспрессию. Но это не важно, а важно то, чтобы вещи характеризовались, исходя из конкретного жизненного основания. Тогда не будут искать словечки, а тогда появятся вещи, которые можно будет принимать всерьёз.

Я хочу провести сравнение: в Теософском обществе говорят о «равенстве религий». Если приходят к таким абстракциям, как равенство или единство религий, то к таким страшным абстракциям приходят и в других областях, так, что можно, например, сказать: Все, что есть на столе, - это «пищевой ингредиент». - Как в индуизме, персизме, теософизме, иудаизме, везде, можно выявить нечто одинаковое, так можно выявить нечто общее и у перца, соли, паприки и у прочих вещей, и обозначить их как «пищевой ингредиент». Но скоро становится ясно, что тут важно конкретное, иначе может произойти так, что кто-то будет солить кофе и

добавлять сахар в суп. Речь идёт о том, чтобы иметь волю обратиться к конкретному. Но тут, в свою очередь, дело также обстоит так, что, как раз, в искусстве, категории, выступающие в новейшее время, ощущаются, по сути, как нечто особенно удалённое от жизни. Я вовсе не придерживаюсь той точки зрения, что теперь всё, что создают отдельные люди, называющие себя экспрессионистами, - раз уж надо было дать такое имя, - нужно предать проклятию. Напротив, я даже думаю, что могу вполне симпатизировать, симпатизировать даже таким экспрессионистским работам, которые другие люди воспринимают как нечто склеенное вместе. Но теоретизирование, связанное с такими вещами, кажется мне действительно чем-то уводящим людей от здорового жизненного основания. И действительно, сегодня многие люди знают жизнь, собственно, только из производных источников. Есть люди, не знающие жизни, но знающие Ибсена, или знающие Толстого, или знающие Рабиндраната Тагора, который теперь начинает входить в моду в кругах, неспособных вынести собственного суждения. И когда смотришь на все эти вещи сегодня, когда смотришь, как люди копошатся на задворках жизни, тогда чувствуешь необходимость ещё раз подчеркнуть, что в здоровом социальном организме, - а он должен быть трёхчленным, - это лишение корней должно прекратиться. С этой точки зрения некоторые замечания господина Ули показались мне очень важными.

К сожалению, хотя я и говорил достаточно долго, я смог привести мало конкретного, потому что тот, кто говорит об этих вещах в смысле искусства, - это прозвучало и в речи господина Бауманна, - должен говорить с учётом того, что речи обо всех витающих сегодня вопросах о положении художника, - например, нужно ли выставляться, или терпят ли гении неудачу, - по сути, довольно бессмысленны. Я имею в виду, что нужно рассматривать это гораздо чаще; тогда это приведёт к чему-то верному. Когда кто-то является художником, тогда он тоже может голодать, тогда у него тоже может быть работа, занимающая его время с утра до вечера; тогда он сможет раскрыть свою художественную гениальность ночью. Это нельзя подавить. Когда человек является художником, он проживет свою художественную жизнь, даже если ему придется рубить дрова или чистить сапоги, - он проживёт свою художественную жизнь, даже если он проживёт её только для своего жилья, для своего шкафа. Это вещи, которые совершенно нельзя рассматривать рационально, которые, я бы сказал, самих нужно рассматривать немного художественно. А художественное рассмотрение, по сути, исключает обывательство, его нельзя превратить в филистерство. И теперь, ведь, дело обстоит так, что если надо социально организовать общее человечество, то то, что связано только с личной гениальностью, нельзя включить в эту организацию согласно параграфам и принципам. Когда говорят о месте искусства в жизни, нужно, собственно, всегда обладать каким-то художественным чувством, и тогда эти вещи действительно всегда будут переходить в свободу слова, в свободное творчество; тогда это нельзя обложить циркулярами. Нельзя обложить циркулярами то, что так необходимо для жизни.

Я хотел бы сказать, что надо говорить об искусстве, исходя из художественного ощущения, и иметь в крови немножко филистерства, - ведь, нет необходимости сразу всё портить, - если говорится о том, что является общечеловеческим. Поскольку, мои многоуважаемые присутствующие, было бы плохо в жизни, если бы были только те люди, которые являются людьми искусства, или, если бы всех тех, кто считает, что их надо признать художниками, были бы действительно таковыми признаны. Что тогда стало бы с жизнью. Для жизни нужна гениальность, но необходимо и филистерство. И если бы не было филистерства, то, вероятно, скоро больше не было бы и гениальности. К жизни нельзя применять категории «хорошо» и «плохо», жизнь многогранна. Говорить можно много, но говорить надо, собственно, только то, что взято из самой жизни.

СЕДЬМОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР Дорнах, 6 сентября 1920 года

Социальная болезнь и социализм

Пауль Бауманн открывает дискуссионный вечер лекцией на тему «Социальная болезнь и социализм». После этой лекции берёт слово Рудольф Штайнер:

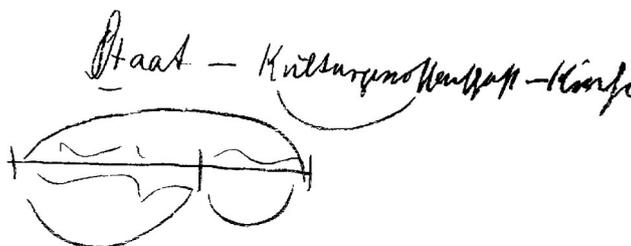
Рудольф Штайнер: Это должен быть лишь образ настроения, но в то же время нечто такое, из чего вы могли бы увидеть, как далеко заходит бесстыдство относительно всего того, что от меня исходит, и как это бесстыдство уже переходит в такие газетёнки как Lorcher Nachrichten (Лорские новости). Это, листок «Der Leuchtturm» («Маяк»), издаваемый в Лорхе, в Вюртемберге, в которой появилась статья, озаглавленная «Украденная трёхчленность». Если бы такой листок обнаружил свое бесстыдство ни чем иным, как такой статьёй, то уже из-за неё он был бы охарактеризован как бесстыдство. Я упоминаю об этом для прояснения некоторых вещей из того, что часто говорилось, особенно в связи с нашими последователями, потому что этот «Маяк», который, среди прочего, «ведёт борьбу с доктором Штайнером и Теософией», абонируется многими нашими антропософами. Издателя этого листка, которого в действительности зовут Rohm (Ром) на одной из публичных лекций в Штутгарте, как своего рода сравнение, мне пришлось охарактеризовать как «свинья»⁵⁰. Я хотел бы это здесь особо подчеркнуть, потому что сегодня нам противостоит то, что лжёт, исходя из самых злых побуждений, не имея кроме этого никаких других аргументов.

И этот Ром в «Маяке» от 1 июня 1920-го года под заглавием «Украденная трёхчленность» пишет:

Фрау Элизабет Матильда Метцдорф-Тешнер в Судене-ан-дер-Верра выступает перед общественностью с небольшой брошюрой (Брошюра имеет название: «3:5, 5:8 = 21:34. Секрет способности погасить долги в обозримом будущем»), которая была опубликована в её собственном издательстве. Этой фрау есть что сказать. В буклете идеально рассматривается божественная пропорция золотого сечения и из неё выводится морфологическая трёхчленность, практическим следствием которой должна стать возможность выплаты военных долгов немецкого народа в обозримом будущем. На нескольких страницах этой публикации размещено удивительное множество идей; складывается впечатление, что женщина извлекла лучшее из своих знаний и представила их в виде экстракта, чтобы быть услышанной, чтобы доказать, что она имеет право быть услышанной.

50 После публичной лекции 8 июня 1920-го года под названием «Путь к здоровому мышлению и положение жизни современных людей» (запланированной на GA 335), которую Рудольф Штайнер провел перед более чем тысячей людей в доме Густава Зигле, он высказался относительно различных личных оскорблений, включая лживые нападки Карла Рома. Он сказал: «Видите ли, в такое болото вливается любая ложь, которая, не имея возможности вникать в факты, в состоянии только пытаться оклеветать кого-то лично. Простите, что приходится беспокоить вас этими вещами после того, как я выступил с докладом, но что бы вы сказали, если бы об этом просто умолчали? Есть также люди, которые говорят: Почему ты не жалуешься? - Да, мои многоуважаемые присутствующие, есть вещи, которыми занимаешься только для того, чтобы потом помыть руки. Жаловаться? Простите меня, я хотел бы теперь перейти от действительно конкретных вещей, к одному сравнению: Я был ещё очень молод, и однажды оказался на одном крестьянском дворе. Первое, с чем мне пришлось столкнуться, - помимо этого факта, в остальном меня приняли очень хорошо, - была дикая свинья. На меня налетела дикая свинья и - простите, в Англии этого слова не говорят, а в Германии можно, - <испачкала> мои штаны, и даже порвала их. Мои многоуважаемые присутствующие, я не обвинил эту свинью (аплодисменты)». - Эрнст Ули опубликовал ответ Рудольфа Штайнера на нападки Рома в «Dreigliederungszeitung» (газете для трёхчленности) от 29 июня 1920 года (Jg. 1, № 52) в статье, озаглавленной «Почерк Лорха». Уже 18 мая 1920 года (1-ый выпуск, № 46) Ули пришлось защищать Рудольфа Штайнера от нападок Карла Рома в статье с тем же названием.

Статья, которую господин Ули вручил мне восемь дней назад, производит впечатление абсолютной чепухи, - абсолютной чепухи! И если «трёхчленность» можно украсть, украв число «три», то трёхчленность, конечно, можно украсть многократно. Своего рода трёхчленность есть и в этой книжонке, и она называется: государство, царство культуры, церковь. Так там называется трёхчленность, и вещь с золотым сечением сводится к тому, - вы знаете, золотое сечение состоит в том, что целое относится к большому, как большое к малому, - что государство как целое относится к большому, к царству культуры, как царство культуры относится к церкви. Таким образом, в этой совершенно дурацкой «трёхчленности» мы опять имеем единое государство (см рис.).

Далее в этой статье в «Маяке» стоит:

Мы узнаем следующее: существует интернациональный орден этики и культуры, который основал Альфред Кнапп (Alfred Knapp), сын немецкого пастора, и который сейчас возглавляет профессор Август Форель⁵¹.

- тот Кнапп, индивидуум, который принадлежит к худшей партийной окрашенности современности, и который, я полагаю, засел в Цюрихе. И далее:

Фрау Метцдорф-Тешнер работала в мюнхенском доме этого ордена над раскрытием «морфологической трёхчленности» по закону золотого сечения. С результатами своих исследований она обратилась в различные места, которые ей показались подходящими для того, чтобы использовать своё открытие на благо немецкого народа; среди прочих, - в пресс-службу военного министерства в Мюнхене, к автору «Принцев без короны» Фрейбунду Ниенкампу (Freibund Nienkamp), и к - "Филантропическому Обществу", головной офис которого находится в Штутгарте и которое позже оказалось Обществом Штайнера. Это известное «Филантропическое Общество» получило рукопись фрау Метцдорф-Тешнер взаймы на восемь дней; затем оно попросило продлить этот срок минимум на две недели, «поскольку глава Общества был там не всегда»; «требовании этого главы общества было отклонено за недостатком доверия»; вместо предоставленных четырнадцати дней рукопись хранилась четыре недели. А вскоре после этого глава упомянутого «Филантропического Общества», имя которого содержалось в тайне, а именно Доктор Рудольф Штайнер из «Антропософского общества» представил публике совершенно новую идею трёхчленности социального организма.

51 Огюст (Август) Форель, 1848–1931, швейцарский психиатр и реформатор жизни. После медицинского обучения, он с 1879 года работал профессором психиатрии и директором психиатрической клиники Бургхольцли в Цюрихе. Будучи убежденным последователем Дарвина, Форель ожидал, что понимание жизни мозга обеспечит более глубокое знание психических явлений и, таким образом, возможность привести людей и человечество к счастью. Как новый метод лечения психических заболеваний он представил гипноз. Убежденный, что ничто так не мешает высшему развитию человечества, как алкоголь, он сам стал трезвенником и в 1892 году учредил в Швейцарии Орден Добрых Тамплиеров. Поскольку Форель чувствовал себя обязанным служить благополучию человечества в качестве «апостола истины», в 1897 году он покинул все общественные посты. Во время Первой мировой войны он выступал за мир и основание «Соединенных Штатов Земли»; во время послевоенных потрясений он возлагал надежды на интернациональную социалистическую революцию, а затем на Bahai-Reüigion, к которой присоединился в 1920 году.

Короче: всё это фальшивка и ложь, в этом нет ни слова правды.

Это всё абсолютная ерунда. Поскольку возможно, что какому-то экзальтированному человеку, который, может быть, сам является членом нашего Общества, в то время в Штутгарте показали эту дурацкую рукопись; во всяком случае, я никогда её не видел. А потом эту дурацкую рукопись, говорят, какой-то фанатик перевез в Гамбург, — так пишет фрау Мецдорф-Тешнер. Что ж, в Гамбурге всяческая экзальтация не совсем чужда и Антропософскому Обществу. Но всё это меня не касается, и мне совершенно безразлично.

Итак, до сих пор вы слышали, что трёхчленность, как она здесь понимается, якобы пришла от фрау Мецдорф-Тешнер. В последнем абзаце этой статьи в «Маяке» говорится ещё следующее:

Поэтому фрау Мецдорф-Тешнер обвиняет доктора Штайнера о краже идеи трёхчленности; её небольшая книжка представляет собой полемику о приоритете идеи трёхчленности, и самое примечательное в ней то, что фрау Мецдорф-Тешнер при этом говорит: «Мало того, что Доктор Штайнер украл мою идею трёхчленности, он даже её толком не понял и испортил, он превратил полезную идею в бесполезную, которая не годится для того, чтобы помочь нашему народу в его нищете, а годится только для того, чтобы наполнить свой кошелек и кошелек своего Общества».

То есть, вы видите, здесь обновляется грандиозная, гениальная идея: Он украл мои часы, - но у него оказались совсем другие. Таким образом, вы видите, как сегодня идёт борьба. Нашим друзьям в самых широких кругах, конечно, необходимо знать, какими средствами борются сегодня в мире. Даже не так интересно, что это направлено против нас, но интересно то, в каком болоте лжи мы сегодня находимся. И вы видите, насколько это необходимо, серьёзно бороться с этим болотом лжи. На данный момент я могу только констатировать, что есть немало членов Антропософского Общества в Штутгарте, которые всякий раз, когда подобные листки обливаю меня грязью, браво их абонируют.

Теперь я хотел бы перейти к ответам на вопросы, которые были поставлены. Прежде всего, на вопрос:

Со стороны социалистов постоянно можно слышать: Только насилие может спасти человечество, - Не кажется ли это почти правильным?

Мои многоуважаемые присутствующие, о вопросе насилия, простого проявления силы, я хотел бы сказать следующее. Возможно, именно сегодня немаловажно задуматься о том, что же, исходя из различных человеческих инстинктов, взывает к этому средству насилия для создания достойных человека условий. Поскольку, ведь, особенно интересно проследить за этим стремлением решать важные вопросы насилем с социально-психологической точки зрения. В частности, плодотворной мыслью, которая, к сожалению, слишком мало исследуется, является вопрос: Откуда, собственно, берутся эти наихудшие явления и тенденции, как раз, непосредственного настоящего? - Эти явления жили вплоть до наших катастрофических времен, но под поверхностью, они были скрытыми страстями, они были сдерживаемыми стремлениями к насилию. Их удерживали под поверхностью, и состояние общества, социальное состояние, было чем-то вроде большой лжи. Эта ложь, пронизывающая весь цивилизованный мир, удерживаемая под поверхностью, уже не могла удерживаться в 1914-ом году. Тогда вся эта система лжи, существовавшая под тонким слоем, прорвалась наружу. Спящие люди, я имею в виду душевно спящих людей, цеплялись за этот верхний слой; они принимали его за мир, за человеческую жизнь, и не верили тем, кто говорил о том, что, собственно, было скрыто под этим слоем. Сегодня, ведь, опять то же самое. Когда сегодня говорят о чём-либо, требующем обсуждения, приходят лжецы и разгружают свою худшую, свою самую грязную ткань лжи на то, что хочет утвердиться в мире как истина. Но это бесполезно, - человечество, которое всерьёз хочет принять участие в

том, что должно быть создано для оздоровления состояния общества, должно открытыми глазами смотреть на то, что сегодня выходит на поверхность. И тут я хотел бы привести вам небольшой пример из совсем недавнего прошлого, из которого вы можете видеть, что происходит сейчас, когда духи, так сказать, высвобождены, где эти духи появляются повсюду, где получается апеллировать к силе, - что тогда происходит.

Рудольф Штайнер зачитывает газетную статью, из которой видно, как генерал Люттвиц (Lüttwitz) применял порки и другие насильственные меры против граждан Германии. В ней рассказывается о человеке, который был вызван из-за нарушения недавно введённого правила, бросили на землю и, в конце концов, арестовали и избили. Когда для наказания такой чистой дедовщины обратились в высшие инстанции, истец получил ответ, что солдаты имеют право действовать таким образом против лиц, выступающих против них. Этот ответ был подписан самим командиром.

Рудольф Штайнер: Видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, так далеко это зашло в современной цивилизации. Вы знаете, что порка была введена в Венгрии и что порка была введена в Польше. То есть, вы видите, введение такого наказания переходит с Востока на Запад. И если человечество будет продолжать спать и будет вести себя так, как ведёт себя в настоящее время, то уже не будет сюрпризом то, что мы ещё сможем пережить.

Однако, мои многоуважаемые присутствующие, мы живём также в то время, когда проводятся очень странные дискуссии. Я хочу представить вам небольшую пробу из таких дискуссий. Речь идёт о том, как один публицист критикует своё правительство. Из тех дней, когда сон был особенно глубоким, вы, возможно, знаете, какие использовались резкие выражения, когда оппозиционер нападал на правительство. Ведь, не всякая оппозиция так вежливо нападала на правительство, как, например, в известные времена австрийская радикальная оппозиция, которая, бросая жестокие обвинения против правительства, подписывала их в конце: «Самая верная Вашему величеству оппозиция». Но за последние несколько десятилетий эти вещи стали другими, и сегодня, когда столько людей жаждет насилия, власти, дискуссии в общественном поле ведутся так, что людей, сидящих в правительстве обозначают красивыми именами: убийца, мошенник, правонарушитель.

Рудольф Штайнер зачитывает вырезку из газеты о Густаве Носке (Gustav Noske), обер-президенте Ганновера.

Это оппозиционные слова, которыми сегодня характеризуется правительство в государственных газетах, и никто не пошевелится для того, чтобы те, кто находится в правительстве, могли с этим что-то сделать. Таким образом, познакомимся с тем тоном, который сегодня в ходу, когда людей в правительстве называют убийцами, жуликами, спекулянтами, правонарушителями всех мастей.

Я имею в виду, что появляющиеся то тут, то там факты, не противоречат тому, что здесь уже часто говорилось, а именно: что мы довольно быстро приближаемся к гибели, и что, по сути, времени для душевного сна душ не остаётся. То, чего достигают стремящиеся к власти инстинкты, выражается в этих вещах, и например, в далеко не единичном случае Хестерберга (Hesterberg), упоминавшегося ранее. И это также выражается во многом другом, в вещах, о которых сегодня сообщается со всех концов «образованного» - я беру «образованный» в кавычки — мира. И я спрашиваю: кто ещё здесь смеет верить, что всё, что говорит сегодня о гибели не только нашей экономической жизни, но прежде всего нашей нравственной жизни, может быть окрашено слишком в тёмных тонах. - Но эти вещи ясно показывают, как господство таких сил приводит к тем нездоровым состояниям, которые так точно описал вам сегодня господин Бауманн. Потому что эти нездоровые состояния выражаются, например, в

результатах опроса, проведённого в начальной школе в Берлине, которую посещают 650 детей. При этом выяснилось, что у 161 из этих 650 детей нет ни обуви, ни сандалий; 142 ребенка не имеют теплых вещей; у 305 детей вообще нет белья или только тряпье, 379 проживают в квартирах, где не отапливается ни одна комната; 106 происходят из семей, у которых нет денег даже на продукты по карточкам. 341 из 650 детей никогда не получали ни капли молока; 118 туберкулезные; 48 отстают из-за недоедания. Из 650 детей 85 умерли в течение года в результате лишений и недоедания. Тут налицо вливание того, что является сегодня настроем, верой в физическое состояние здоровья, то есть, в физическое состояние болезни. Тут, вероятно, время прислушаться, когда кто-то говорит, что необходимо чувство здорового, того, что имеет в себе здоровое дыхание жизни в физическом, душевном и духовном отношении. И важно, чтобы мы действительно приобщились к этому ощущению здоровья и не гнались за какими-то вещами, вроде тоски по власти, которая сейчас там, где люди, носящие в себе сегодня нездоровые инстинкты, действительно вырвалась на волю, - безразлично, вырывается она на волю как воры и грабители, или же как государственные служащие и министры, которые также, исходя из этих инстинктов, жаждут власти. И из этих инстинктов власти возникли нездоровые состояния. То есть, надо знать, каково сегодня состояние людей, и призывать не к власти и тому подобным вещам, а только к тем предпосылкам, в которых есть действительно чувство оздоровления, - к духу.

После этого, среди прочих, высказываются Роман Боос и Пауль Бауманн.

Рудольф Штайнер: Есть ещё один вопрос:

Какова миссия мелких промежуточных народов, вроде ливонцев⁵², эстонцев, литовцев и так далее⁵³?

Если сегодня говорить о задачах, касающихся, прежде всего, человечества, то надо говорить, собственно, о задачах, касающихся всего человечества. Поскольку мы стоим непосредственно в той точке времени, когда необходимо смотреть поверх узких национальных рамок, поверх национальных рамок, на великие задачи человечества. И когда я говорил о различных дифференциациях людей по всей цивилизованной земле и сказал, что на Востоке, под которым я порой имею в виду территории вплоть до Азии, где находится, прежде всего, дом духовной жизни, - той духовной жизни, которая, правда, проявилась в своей чистоте в древние времена человеческого развития, а затем пришла в упадок и находится в упадке сейчас, но наследие которой продолжает жить в Центральной Европе и в западных регионах, - когда я сказал, что в центрально-европейских областях, начиная с времён Древней Греции, присутствуют преимущественно юридические и государственные способности, - когда я сказал, что в западных областях, с начала нового времени, присутствуют преимущественно таланты экономического мышления, - тогда я имел в виду то, что в природе этих распространившихся на соответствующие территории народов, лежит особая предрасположенность к тому или другому.

52 Ливония (от лат. *Liuōnia*, латыш. *Livonija*, лив. *Līvõdṁõ*, эст. *Líivimaa* — «земля ливов»), Лифляндия (от нем. *Lívlant*), Ливская земля — историческая область (со 2-й четверти XIII века по 1561 год Ливонская конфедерация) на территории современных Латвии и Эстонии. Земля названа германскими рыцарями-крестоносцами по имени одного из проживавших в то время на этой территории финно-угорских племён — ливов. В русском языке долгое время преобладало название «Лифляндия», которое происходит от *Livland* (прим. пер.).

53 В ходе войн 1918-1920 годов против большевистских войск трём прибалтийским государствам Эстонии, Латвии и Литвы - отчасти с помощью добровольческих корпусов немецких войск, но и в борьбе с ними, - удалось отколоться от владычества России и сохранить государственную независимость, достигнутую мирными договорами 1920 года. При этом исторический ландшафт Ливонии не образовывал отдельного государства; северная часть досталась Эстонии, южная - Латвии.

Сегодня, однако, у нас есть задача апеллировать к духовной науке, которая тогда, ведь, пробуждает в человеке более универсальные способности, тройственные способности, - апеллировать к духовной науке, чтобы не продолжать заботиться о вещах в такой односторонности. Нам нужно вспомнить сегодня, что происходит, когда односторонним остается восточный человек, нам нужно помнить, что происходит, когда остается односторонним центрально-европейский, и нам нужно помнить, что происходит, когда остается односторонним западный человек. Развитие невозможно, если сохраняется эта односторонность. Поэтому, собственно, нельзя спрашивать, какова будущая задача отдельных народов. Задачи будут иметь не народы, - задачи будет иметь человечество! Просто для того, чтобы лучше понять эти задачи, чтобы понять, как эти задачи подготавливались в ходе истории, и как то, что тут или там проявлялось особенно сильно, должно теперь объединиться с другими человеческими способностями, - только для того, чтобы понять, как из этого дифференцированного человеческого развития должно формироваться более универсальное сегодняшнее, необходимо заниматься особыми задачами отдельных народов. Заниматься этим в высшей степени важно, поскольку именно то, что таким образом присутствует и должно быть преодолено, необходимо знать основательно и точно.

Но остаются, я бы сказал, «обломки народов» («Volkssplitter») той многообразной сущности между теми народами, которые, собственно, составляют, так сказать, основную сущность одной из этих трёх мировых территорий.

Говорить об этой основной сущности в антропологическом ключе совсем не просто; только антропософское рассмотрение предоставляет категории правильным образом. Только посредством антропософского рассмотрения мы можем правильно сказать: то, что развивается на Востоке, обладает этими способностями; то, что развивается на Западе, обладает этими возможностями; то, что развивается в середине, обладает этими способностями. Если мы подходим антропологическим образом, то есть, обращаем внимание преимущественно на то, что связано с кровью, то мы тут же приходим к полностью непрактичным вопросам, которые не позволяют опознать нечто жизненно практичное с особенной ясностью. Например, если бы вы захотели заменить выражение «Восточная Европа» словами «русский народ», то вы бы, по сути, высказали, как раз, нечто такое, что, собственно, не имеет никакого практического для жизни значения. То есть, речь идёт о том, что надо исходить из совсем других категорий, а не из этих чисто антропологических или этнографических категорий.

Мелкие обломки народов, конечно, имеют самые разнообразные задатки именно в силу того, каким образом они возникли. Возьмём, скажем, такой маленький народ, как мадьяры, имеющий, своего рода, туранскую расовую сущность, который, однако, прошёл через самое разное, который оказался сдвинутым, как географический треугольник, к Дунаю. Конечно, если захотеть заняться миссией такого народного обломка, можно прийти ко всевозможным прекрасным миссиям. Но нужно было бы исходить из совсем других точек зрения, если бы мы захотели говорить, например, о состоящих в известном родстве с мадьярами болгарам. Болгары проделали метаморфозу славянизации; по крови они родственны мадьярам, но по языку и этнографии они не родственны мадьярам, так что в их лице туранская кровь была привита славянским элементом, а также языком. Тут мы входим в области, которые должны рассматриваться с совсем других точек зрения, если мы погружаемся в эти не антропософские, антропологические элементы.

Единственное, что правильным образом выходит из антропософского рассмотрения, это приблизительно следующее: Полностью отвлекаясь от определённых, не добавленных, благодаря истории, вещей, которые у таких обломков народов живут сильнее, чем у больших народов, в этих обломках народов очень сильно живёт нечто от интернационального элемента, по меньшей мере, в виде предрасположенности. И можно сказать следующее: Если бы эти отдельные народы, эти малые народы, - часто это окраинные народы (Randvölker) и

им подобные, - если бы они поняли теперь, что им надо познакомиться с великими задачами человечества, то для них это было бы легче всего. Например, было бы необычайно хорошо, если бы прибалты действительно занялись развитием некоторых своих способностей, которые в них заложены, как раз, в качестве интернациональной задачи. Вместо этого они часто предпочитали культивировать в себе крайние реакции⁵⁴. И они, ведь, счастливо дошли, например, до того, чтобы уже в относительно новое время в одном из балтийских парламентов внести предложение о полном восстановлении рабства. Но, как и было сказано, эти окраинные народы имели бы все предпосылки для чего-то космополитического, перечёркивающего всякий шовинизм, если бы только они развили эти таланты. Но сегодня мы живём во время, когда человек ужасно любит находиться в тумане, когда он с большой тоской, неосознанной, нездоровой тоской хотел бы предать себя туманной атмосфере, и где ему нравится обманывать себя всяческими иллюзиями. Тогда начинаются разговоры о той или иной миссии, которая должна быть у того или иного маленького народа. Ну, конечно, если идти антропологическим путём, то вполне возможно найти что-то в глубине народной души. Но именно в малых народах должен проявиться этот талант: позволить талантам, которые имеются, слиться в единый космополитический стиль, в котором мы так остро нуждаемся.

Я всегда думаю о том, - вероятно, мне будет позволено сказать это здесь; я говорил это уже многим людям с начала военной катастрофы⁵⁵, - я всегда думаю о том, что это означало бы, если бы швейцарский народ взялся за великую, интернациональную, космополитическую задачу с 1914 года. Взяв на себя такую великую задачу, сравнительно небольшая страна могла бы стать в духовном развитии мира своего рода [центром], вокруг которого вращается многое, подобно тому, как сегодня европейские валюты вращаются вокруг швейцарской валюты. Но сегодня всё словно покрыто туманом, и люди не занимаются вещами, имеющими вполне реальную ценность в тот момент, когда ими занимается человек. Но, к сожалению, сегодня всё ещё слишком много настроений, исходя из которых говорят: Какова моя задача в связи с тем, что я принадлежу к тому или иному народу, из-за того, что я родился в Гамбурге, или в Бреслау, или в Берлине, или в Вене, или в Риме? Какая миссия выпадает мне, как раз, в связи с этим? - Но более важно другое: Какие силы есть во мне в связи с тем, что родился там-то или там-то, какие силы мне даёт это для так необходимой сегодня общей, интернациональной, космополитической миссии всего человечества? Люди хотели бы

54 Три новые прибалтийские республики приняли демократические конституции, которые ввели парламентскую систему правления с незначительными различиями в содержании. Одновременно в трёх странах была проведена аграрная реформа, чтобы перекрыть почву для коммунистической агитации и ограничить политическое влияние консервативных, прибалтийско-немецких и польских крупных землевладельцев. Именно этот преимущественно аристократический высший класс был привержен основным реакционным ценностям, формировавшим политический климат в прибалтийских регионах России в период до Первой мировой войны. Революция 1905 года в России также распространилась на Прибалтику и привела к сожжению бесчисленных усадеб. Жестокое и кровавое подавление последовавшего за этим социально и национально обусловленного восстания полностью отвечало интересам прибалтийского высшего класса. Отчасти это реакционное отношение сохранилось после войны в духе немецких добровольческих войск, действовавших в странах Балтии.

55 О важности ведущей роли Швейцарии, - особенно в отношении создания нового несущего социального порядка, например, посредством реализации тройственной идеи, - Рудольф Штайнер говорил неоднократно. Например, в лекции для членов Общества от 14 апреля 1919 года в Дорнахе (в ГА 190): «О, если бы именно здесь, на этой почве, до того, как и здесь у людей потечёт вода изо рта, развилось бы понимание для того, чтобы, исходя из свободной воли, развить эти идеи, то Швейцария могла бы стать цветком Европы, поскольку она оснащена для этого посредством своего географического положения. На неё возложена огромная миссия, несмотря на её небольшой размер. Но она сможет выполнить эту миссию только в том случае, если, исходя из свободной воли, сделает то, чего не могут больше сделать, исходя из свободной воли, ни восточные, ни центральные государства, - это им нужно было сделать раньше, - и чего западные государства не сделают, поскольку у них не хватает для этого задатков. Здесь были бы эти задатки, здесь были бы географические предпосылки, здесь имелось бы всё. Здесь необходима только добрая воля для принятия свободного человеческого решения».

обманывать себя и спрашивать что-то вроде: Какова моя миссия? - Затем они ждут. Они ждут примерно так же, как некто, кто открывает рот и ждёт, когда туда влетит жареная курица.

Но сегодня речь идёт не о том, чтобы мы ожидали своей миссии, а сегодня нам должно быть ясно: Мы стоим в той точке развития человечества, где судьба мира должна родиться из человека, где должны прекратиться все старые речи о миссии того, что не рождается непосредственно в человеке. Мы стоим в том пункте человеческого развития, в котором человек призван давать содержание судьбе из самого себя. Если мы не прекратим эти пассивные речи о своей миссии, или не прекратим постоянно апеллировать: Да, но должны же помочь Боги, ведь, так дальше продолжаться не может, - если мы не покончим с этим, то в теперешнем моменте развития человечества мы дальше не продвинемся. Сегодня речь идёт о том, чтобы нам было ясно, что мы должны искать Богов посредством внутреннего человека, - я не говорю «во внутреннем человеке», а «посредством внутреннего человека», - и что Боги рассчитывают на наше участие в определении судьбы.

Сегодня нам не нужно отвечать на вопросы, исходя из наблюдения того или иного, что коренится здесь или там, а сегодня мы должны отвечать на вопросы с точки зрения воли. Прежние созерцательные вопросы теперь являются вопросами воли. Если в прошлом достигали созерцания (Kontemplation), погружаясь в то, что получалось в результате размышления, то сегодня перед нами стоит оккультная задача: принять в свою волю невидимый и сверхчувственный дух, чтобы в человечестве родилось то, что выходит за рамки всех отдельных преград. Внешние структуры государства дошли до того, что пересечь эти границы теперь практически невозможно. Если мы снова и снова будем говорить: Какова задача той или иной части народа? - тогда мы воздвигаем такие границы в своём духе и не выходим за эти границы, чтобы понять общую задачу человечества.

Это, по сути, - хотя это и ужасно, - даже менее важно, когда есть границы, которые теперь так трудно преодолеть, границы, за которые велась кровавая борьба во внешнем пространстве. Это ужасно, но для развития человечества ещё хуже, если мы формируем наши головы так, что спрашиваем: Какую миссию имеет этот обломок народа? Какую миссию имеет тот обломок народа? - Мы должны выйти за эти границы. Мы должны их стереть. Мы должны найти общее человеческое. Речь идёт о том, чтобы мы волевым образом встали на эту почву общечеловеческого. Тогда можно будет сказать: те, кто не принадлежат какому-то большому народу, приспособлены для этого лучше, поскольку, если они настроятся на свои глубочайшие силы, они смогут внести большой вклад в интернационализацию и космополитизацию человечества.

Это прежде всего является задачей тех, кого можно назвать мелкими государствами, окраинными государствами или им подобными.

ВОСЬМОЙ ДИСКУССИОННЫЙ ВЕЧЕР Дорнах, 13 сентября 1920 года

Хозяйственные конъюнктуры⁵⁶ и кризисы

Эрнст Шаллер (Ernst Schaller) читает лекцию о «Хозяйственных конъюнктурах и кризисах». В заключении Рудольф Штайнер отвечает на вопросы, возникшие в дискуссии:

Рудольф Штайнер: Да, мои многоуважаемые присутствующие, на повестку для здесь был поставлен [Доктором Шаллером] чрезвычайно важный вопрос. Опираясь на весьма конкретные экономические вопросы, он показал, как должна быть оздоровлена экономическая жизнь посредством трёхчленности социального организма. И я хотел бы сказать: Эту общую точку зрения Доктора Шаллера я рассматриваю для сегодняшнего вечера, собственно, как самое важное. Я часто упоминал: Как раз, если взглянуть на действительные отдельные явления, - будь то в экономической жизни или в другой области социальной жизни, - то станет очевидным, что, собственно, означает эта трёхчленность для оздоровления человеческой жизни. Сегодня есть люди, которые, благодаря тому воспитанию и тем привычкам мышления, которые выросли за последние несколько лет, обозначают «Основные пункты» как какую-то утопическую книгу. Тут можно только сказать, что в таком суждении проявляется только дилетантское, недалёковидное, не практическое мышление. И поэтому было бы особенно важно, чтобы люди всё в большей и большей степени обходились, как раз, с экономическими вопросами, - которые для большинства из них действительно нуждаются в прояснении, поскольку, ведь, экономическую жизнь широкие слои населения знают очень мало, - так, как это сегодня сделал Доктор Шаллер, чтобы они позволили себе принимать вещи такими, каковы они есть, и с профессиональной точки зрения показывали, как эта трёхчленность социального организма мыслится, исходя из полной жизненной практики.

Ведь, многое в этой идее трёхчленности социального организма до сих пор не понято. На это мне указывает, например, только что прочитанный здесь вопрос, который я хотел бы упомянуть как введение к тому, что я, собственно, хочу сказать. Например, было задан такой вопрос:

Почему ассоциации должны образовываться только в трёхчленном социальном организме?

Никто никогда не утверждал, что ассоциации, в том числе и экономические ассоциации, должны или могут образовываться только в трёхчленном социальном организме. Ведь, ассоциации были всегда; ассоциации были, конечно, и в едином государстве. В трёхчленности, однако, речь идёт о том, что вначале социальный организм расчленяется на три области, а затем экономическая жизнь функционирует ассоциативным образом. Таким образом, то, что известно об ассоциативной жизни до сих пор, - преимущественно в хозяйственной жизни, - а также то, что говорит об ассоциациях Вальтер Ратенау⁵⁷, показывает

56 Конъюнктура (лат. conjunctura, от лат. conjungo «связываю, соединяю») — создавшееся положение, обстановка в какой-либо области или ситуации общественной жизни (прим. пер.).

57 Для Ратенау экономика будущего больше не должна быть частным делом, а он представлял себе реализацию «общей экономики» («Gemeinwirtschaft»). В своем труде «Новая экономика» (Берлин, 1918) он подробно описал, с помощью каких учреждений, он собирался достичь в экономике «объединения в мысли»: «Представим себе все подобные предприятия индустрии, ремесленных производств и торговли, объединёнными вместе; скажем, все хлопчатобумажные фабрики отдельно, все металлообрабатывающие фабрики отдельно, все деревообрабатывающие фабрики отдельно, все оптовики бытовой техники отдельно;

ни что иное, как то, что такие экономические вещи воспринимаются лишь абстрактно. Прежде всего, Ратенау является самым ужасным абстракционистом, не имеющим склонности [воспринимать вещи в соответствии с действительностью]; если кто-то является таким абстрактным салонным социалистом, как Ратенау, - такие абстракционисты всё воспринимают абстрактно, в том числе и социальные идеи, - то об ассоциациях он только говорит. Я мог бы назвать и других людей, которые также говорили об ассоциациях. Тут, например, можно указать на одного теолога 19-го столетия: Антона Гюнтера (Anton Günther)⁵⁸. И так можно, конечно, повсюду найти людей, которые говорят об ассоциациях. Ассоциациями, - например, в области наук, - являются, в конце концов, также университеты. Эта вера в слова, эта борьба за слова и этот процесс дедукции на основе слов, - это то, что нам надо, наконец, преодолеть. Мы должны понять вещи в практической жизни, мы должны

представим себе также каждое из этих объединений соединёнными вместе с предприятиями, занимающимися предварительной и последующей обработкой их товаров, то есть, объединение в отдельные группы всех хлопчатобумажных, металлообрабатывающих, деревообрабатывающих предприятий; первые из этих организмов можно назвать профессиональными объединениями ассоциациями, вторые — коммерческими объединениями. [...] Объединения такого рода уже существуют в большом количестве и во всех областях, но они служат только общим интересам, а не общей экономике. Профессиональные и коммерческие объединения являются признанными и контролируруемыми государством органами с широкими правами». И далее: «Из этих двух форм организации более важной является профессиональная объединение; именно через него создается единая экономическая группа, именно через него она получает единую силу и жизнь, глаза и уши, смысл, волю и ответственность. Это единство вступает в прочные отношения не только с соседними группами, но и с рабочей силой, с общественностью и с государством, которое в данном случае означает не отдельное государство, а Рейх».

Как Ратенау представлял себе функционирование такой общей экономики? Ратенау в том же письме: «Проще всего представить профессиональное объединение как акционерное общество с точки зрения его формы, и как синдикат с точки зрения его деятельности. Отдельные предприятия участвуют в акционерном обществе в соответствии с их коэффициентом производительности; они избирают администрацию, а она назначает руководителя. В дополнение к уставному капиталу ассоциация может получать свои средства в любом необходимом размере за счет кредитов, которые, в случае необходимости, гарантируются участниками или государством. Каждое предприятие поставляет свои товары синдикату, насколько он принадлежит экономическим кругам объединения; то, что предназначено для дальнейшей обработки, рассчитывается. Выставление счетов за поставленные и оставшиеся товары производится по себестоимости, включая умеренное и единообразное использование; объединение заботится о продаже по ценам, установленным для мелких и крупных потребителей, для дилеров и для предприятий дальнейшей переработки; также и самостоятельный потребитель должен платить за дальнейшую переработку». И о роли государства в этой синдикатной системе: «Государство передаёт профессиональным объединениям важные права, некоторые из которых граничат с суверенными правами: право принимать или отвергать вновь прибывших, право продавать только отечественные и импортные товары, право на прекращение убыточной деятельности в обмен на компенсацию, право скупки бизнеса для закрытия, преобразования или продолжения. [...] Взамен государство требует совместного надзора в управлении, социальных льготах и налогах на прибыль. Эти налоги на прибыль составляют основу огромного государственного дохода, который охватывает все товары при их происхождении и на всех последующих стадиях [...] Получается следующее соотношение требований: из прибыли объединения первоначально оплачивается соответствующий процент на весь оборотный капитал; излишек делится в фиксированном градуированном соотношении, так что часть отходит государству, часть идёт на социальное обеспечение или повышение заработной платы, часть остается у производителей, а часть используется для удешевления товаров за счёт снижения продажных цен».

58 Anton Günther, (1783–1863), католический теолог и философ немецко-австрийского происхождения. Он стремился утвердить католическую веру в откровение как рациональную науку и преодолеть гегелевский монизм. Его взгляд на человека был строго дуалистическим; он различал человека как природное существо и как духовное существо. Гюнтер завоевал много студентов, в том числе преподавателей университетов; все они исповедовали «гюнтерианство». Его сочинения были включены в список запрещенных книг католической церкви в 1857 году. Причиной этого, как объяснял Рудольф Штайнер в своей берлинской лекции от 12 декабря 1922 года (в GA 115), было не только то, «что породило научные сомнения, но и у Гюнтера это тройственное разделение человеческой природы на тело, душу и дух, по сути, являются причинами того, что его книги, интересные с этой точки зрения, были помещены в Риме в Индекс запрещенных произведений». Затем Гюнтер отказался от любой общественной деятельности. В сочинении «Южное и северное сияние на горизонте спекулятивной теологии» (Вена, 1832 года) он также касался

понять, что нужно нечто другое. Если кто-то ясно и чётко очерчено покажет, как должна быть организована трёхчленность социального организма, а затем покажет, что ассоциации обусловлены, как раз, экономической жизнью, в то время как духовная и правовая жизнь действуют самостоятельно, без таких ассоциаций, то это нечто иное, чем что-то вроде того, что говорится абстрактно, в стиле Вальтера Ратенау. Насколько мало эти «Основные пункты социального вопроса» абстрактны в каждой своей строчке, это нужно ещё изучить. Тогда то теоретизирование, выраженное, например, в этом вопросе, окажется совершенно невозможным.

Ну, если бы я рассматривал поставленный мне в связи с лекцией Доктора Шаллера вопрос, то это вышло бы далеко за рамки того, что можно сказать за такое короткое время. Тут, прежде всего, следует отметить следующее: Доктор Шаллер привёл различные подборки чисел, которые показывают, как поднимается и опускается экономическая кривая, которую он сам нарисовал, как за одними конъюнктурами следуют кризисы, и как затем, в свою очередь, за депрессиями могут следовать благоприятные конъюнктуры и так далее. И эти вещи можно определённым образом представить так, будто эти кризисы возникают, как бы, из благоприятных конъюнктур, затем возникают депрессии, а затем ситуация снова налаживается, - как это только что представил Доктор Шаллер. Только, если слишком строго следовать за этими причинными нитями, теряется связь с более глубоким, реальным основанием этих вещей. Смотрите, кажется, что из благоприятных конъюнктур вырастают кризисы, потом приходит депрессия, потом снова подъём и так далее. Так кажется потому, что с первой трети 19-го столетия, примерно с 1810-го года, у нас происходила особая экономическая метаморфоза, благодаря тому, что деньги, то есть, денежное обращение и денежный кредит, стали доминировать в экономике, в то время как раньше, до 1810-го года, доминирующим в экономической жизни было производство. Если изучить то, что произошло в 1810-ом году в отношении денежного обращения, в отношении кредитной системы, то будет видно, что видимость вывода из этих цифр, как бы, автоматически формирующейся кривой могла быть отнесена, собственно, только к этой экономической эпохе с 1810 года. Для более ранних экономических эпох это бы не работало. Но, ведь, даже для этой экономической эпохи как в благоприятный экономический период, так и в период кризиса, необходимо больше учитывать конкретные факты, нежели просто рост и падение цифр.

И здесь я имею в виду прежде всего кризис 1907-го года, - я мог бы точно так же привести и другой пример, - изучать который чрезвычайно интересно. Чрезвычайно интересно изучать именно этот кризис, поскольку он показывает, что, по сути, кризисы вызываются полностью - я хочу подчеркнуть это совершенно радикально - человеческой волей. Как уже было сказано, это применимо и к другим подобным вопросам; финансовые процессы такого рода нельзя оценивать без изучения насильственных *Hausse-Spekulationen*⁵⁹

вопросов политической философии. Винсенц Кнауэр (Vincenz Knauer) писал в своей «Истории философии» (Вена, 1882 года, 2-е исправленное издание), которая также использовалась Рудольфом Штайнером, относительно взгляда Гюнтера на этот вопрос: «Два фактора стремятся в человеке к достоверности, природа и дух. На первом покоится закон наследования, семья, нация и национальное чувство, дворянство и наследственная королевская власть. Но по своей свободной, духовной природе тот же человек призван свободно работать в своих естественно необходимых пределах и облагораживать себя в искусстве, науке, промышленности, в государстве и церкви. Средством для этого является ассоциация с её иерархическим подразделением на товарищества, академии, университеты, государственную службу, представительство народа свободно избранными представителями и т. п., тогда как естественной жизни соответствует органическое подразделение, в котором часто именно более слабые части (например, глаз в теле) занимают главное место. [...] Но человеку как синтезу духа и природы, как форме правления, учитывающей оба его фактора, соответствует то, что любят называть современным государством, умеренной монархией с наследственным престолом и дворянством и с добросовестным представительством каждого в государственных духовных потенциях».

59 *Hausse-Spread*, англ. бычий спред или бычий вертикальный спред, - это опционная стратегия, используемая для спекуляции на росте цены базового актива. Базовым активом часто является индекс, но можно использовать любой другой базовый актив. Чтобы построить бычий спред, человек покупает опцион колл

некоторых американских капиталистических магнатов и их связи с денежным рынком в Европе. Тут входит в рассмотрение повышение цен совершенно определённого типа акций и, следовательно, огромное желание приобрести эти акции. Благодаря этому капитал-магнаты, создавшие этот бычий рынок, смогли присвоить деньги и разорить людей, которые, собственно, могли бы эти деньги использовать. Посредством этого был вызван скачок дисконта (скидок). Доктор Шаллер упомянул частный дисконт⁶⁰, - я полагаю, что в то время Немецкий Рейхсбанк поднял его до 7%. таким образом, американский консорциум денежных магнатов действительно работал над таким ростом дисконта. Конечно, все эти вещи сталкиваются потом, в свою очередь, с другими. Но как только мы входим в практическое, как только мы начинаем видеть на факты, то эти отдельные факты [которые принимаются во внимание], и даже другие факты, пойдут в том же направлении. Нельзя работать так, [как эти магнаты капитала], находясь в чистой экономической жизни, где деньги с кредитами являются, так сказать, лишь внешним выражением экономического обращения как такового. Так, как работали в 1906-ом, 1907-ом, 1908-ом годах, можно работать только тогда, когда с одной стороны протекает хозяйственная жизнь, а с другой стороны, денежный рынок, как таковой, эмансипирует процессы внутри денежного обращения. Это значит, что деньги и соответствующие кредиты, будь они в акциях или облигациях, или в чём-то другом, могут образовать собственную циркуляцию на денежно-кредитном рынке, которая осуществляется, как бы, [отдельно от действительных хозяйственных процессов].

Видите ли, по этой причине постепенно возникает иллюзия, что в нашей экономической жизни невозможны частичные благоприятные конъюнктуры и частичные кризисы; возникает иллюзия, будто могут возникать только общие конъюнктуры и общие кризисы. Предпосылкой для этого является наличие общей среды [такой, как денежный рынок как таковой], которую не беспокоят кризисы в [реальной] экономической жизни. В [реальной] экономической жизни кризис регулируется. Есть разница в том, приношу я на рынок сапоги или часы, или масло. Когда имеешь дело с товарами, имеешь дело с конкретным; тогда конъюнктуры выходят из производства. Когда же имеешь дело с деньгами и кредитом, тогда в рассмотрение не входит, деньги это или кредит, тогда только спекулируешь. Чтобы вызвать всякие искусственные конъюнктуры, необходимо, чтобы денежный рынок был эмансипирован от прочего хозяйственного рынка.

Это, конечно, только отдельные вещи. Я мог бы говорить в таком стиле всю ночь. Только, имея, как раз, кризисные годы, вы всегда можете спросить: Где мне найти непосредственно экономическую волю, которая так проявляется на рынке капитала? В определённом смысле верно, что вся эта история связана с капитализмом, поскольку протекание такого кризиса возможно лишь при спекуляции деньгами и кредитами, когда соответствующие деньги и кредиты можно выбросить на рынок. С таким же успехом вы можете изучать 1912-ый год и так далее, - повсюду вы сможете там также найти совершенно определённые факты, - факты, исходящие из воли тех, кому есть что сказать в экономической жизни. Но такие всеобщие кризисы, или также лишь длительные по времени кризисы, могут быть вызваны никак иначе, как посредством эмансипации денежного рынка.

Это точки зрения, которые я подчеркиваю, потому что сегодня настало время прояснить: речь идёт не о теоретизировании; речь идёт не о том, чтобы на основе статистики формировать общие представления о том, как одно следует из другого. По сути, плодотворно

(занимая длинную позицию колл) и одновременно продает опцион колл (занимая короткую позицию колл). Как правило, дата исполнения двух опционов одинакова, однако длинная позиция колл имеет более низкую цену исполнения, чем короткая позиция колл (прим. пер.)

60 Privatdiskont - Из-за недостатка капитала официальная учётная ставка Немецкого Рейхсбанка повышалась в 1906 и 1907 годах - процентная ставка за досрочное погашение векселей коммерческих банков центральным банком - временами до 7%, даже до 7,1 /2%, чего никогда не было. В результате резко возросла частная учётная ставка - процентная ставка за досрочное погашение частных векселей коммерческими банками.

действительно лишь наблюдение за фактами. И для понимания кризиса, проявившегося к 1907-ому году, гораздо важнее изучить махинации некоторых капитал-магнатов, чем оставаться в рамках общих экономических категорий. Затем я хотел бы также указать на то, что не совсем правильно считать, что частичные конъюнктуры не играли бы в новое время никакой роли; они всё же играют свою роль в собственно экономической жизни, но роль, которую они играют, скрыта капитальным хозяйством, то есть, денежно-кредитным хозяйством. Все эти вопросы - разумеется, с более общей точки зрения, поскольку не всегда можно сразу войти в частности, - рассмотрены в моем очерке о кредитной системе в четвертой тетради «Социального будущего» («Soziale Zukunft»).

В самом деле, повсюду, особенно в экономике, важно понимать, что только действительное обращение с фактами ведёт к какому-то познанию, к такому познанию, которое является социально плодотворным, которое может вывести нас из величайшего кризиса, в котором мы находимся, - это социальный кризис, - в то время как, как раз, в последние несколько десятилетий в национальной экономике как науке теоретизирование сыграло, собственно, некую, даже очень плохую роль. По сути, из университетской национал-экономики можно обрести немного из действительного понимания экономической жизни. Но сегодня действительно пора посмотреть на то, что следует из воли людей. Разумеется, дело обстоит так, что широкая публика перед лицом определённых типичных явлений ведёт себя одинаковым образом. Поэтому получается так, что когда в жизни людей проявляются результаты благоприятной конъюнктуры, приходят желания; и, исходя из этого желания, люди осуществляют нечто вроде товарных спекуляций, и тогда возникает кризис, - но он возникает по воле человека. И опять же, когда через некоторое время это приводит к тому, что деньги направляются по определённому пути, может снова возникнуть рост, - но и это всегда происходит по воле человека.

Эти вещи, благоприятные конъюнктуры, кризисы, депрессии и так далее, если изучать факты, оказываются не очень отличными от, скажем, вещей статистики самоубийств. Если взять достаточно большую территорию, то можно сказать, что на этой территории за определенное количество лет происходит определенное количество самоубийств, и что это затем повторяется через определенный период времени. Не правда ли, это, конечно, не доказывает, что существует закон природы, согласно которому за столько-то лет должно произойти столько-то самоубийств, а это доказывает лишь то, что на определённой территории за несколько лет происходит столько-то событий, которые в своей типичной форме снова и снова подвигают людей совершить самоубийство. Самая простая статистика, которую в конце концов можно привести, состоит в том, что если собаке пять раз протянуть кусок мяса, она пять раз схватит его; под влиянием одних и тех же фактов она пять раз делает одно и то же. Под влиянием одинаковых повторяющихся фактов, разумеется, ведь, и люди делают то же самое. Но это не обуславливает то, что людей можно исключить из целого; это значит, что надо считаться с тем, чем является воля человека. И если вы вникнете в «Основные пункты социального вопроса», то вы, как раз, увидите, что с этой наиболее трудно обрабатываемой материей, человеческой волей, в хозяйственной жизни считаются, что её учитывают, и что в «Основных пунктах» можно найти многое, как раз, с этой точки зрения.

А теперь я хотел упомянуть нечто совершенно другое; я хочу добавить это только потому, что и здесь мы имеем примерно ту же проблему.

В прошлый раз я упомянул о том, что обнаружил в публичной газете дурацкое утверждение об «украденной трёхчленности». Разумеется, газета, печатающая грязные статьи господина пастора Кули, - я имею в виду «Katholische Volksblatt», - тоже напечатала эту грязную ложь. Поэтому я советую как можно большему количеству людей прочитать брошюру, опубликованную в 1920-ом году госпожой Элизабет Матильда Мецдорф-Тешнер. Грязные вещи господина Рома в Лорхе, и все прочие бессмысленные вещи взяты из этой

брошюры. Я хотел бы точно привести её название: «3:5, 5:8 = 21:34. Секрет возможности погасить долг в обозримом будущем». От названия «3:53 5:8 и так далее» вы можете получить мистическое впечатление; но брошюра в целом написана не менее мистически, чем это заглавие; вы можете открыть её, где хотите, например:

«Геккель заканчивает 5-ую главу разрешения мировой загадки словами: <Подробное обоснование всей филогенетической истории и её применение к природной системе организмов я дал в трёх томах моей «Систематической филогении». Более четкое критическое разграничение шести стадий и тридцати основных ступеней истории нашего человеческого племени содержится в моей брошюре «Ряд наших предков (*Progonotopxis hominis*)», Йена, 30 июля 1908 года. Попытки антропософской трёхчленности Frey-Союза представляют разработку к седьмой ступени, как и наша. Их культурное царство остается привязанным к Маммоне, без которой их пророки или князья не могут и не хотят обходиться».

И так далее. Вы думаете, что попали прямо в сумасшедший дом, и там слышите бессвязные глупости сумасшедших. Так, в этой брошюре говорится, что человеческий мозг должен подразделяться в отношениях так называемых божественных пропорций, что имеет дело, - с чем, вы не можете понять, потому что вся брошюра представляет собой полную ерунду, - что имеет дело с соотношением 3:5, 5:8 = 21: 34; и, благодаря этому, возникает возможность освободить весь немецкий народ от огромного долгового бремени. Тогда всё будет в порядке, тогда все долги, которые есть у германского рейха, будут выплачены. То есть, это действительно абсолютное безумие. Из этого безумия эта «благородная» дама утверждает следующее:

Пресс-служба военного министерства в Мюнхене знает день и год, которые являются часом рождения морфологической трёхчленности 1917 год (то есть, до «Основных пунктов социального вопроса» Штайнера), благодаря глубоко врезающемуся в жизнь женщины событию. Таким образом, наука может опираться на исторические даты. Уже 16 января 1918-го года отдел печати одобрил содержание лекции, которая была доверена антропософам 20-го апреля и возвращена только 11-го мая».

Ну, каким антропософам была предложена тогда лекция с «глубоко врезающимся в жизнь женщины событием» со всей прочей чепухой, - этого я не знаю; я не знаю, каким антропософам выпало такое счастье. Теперь посмотрите на это писание, на этот экземпляр «пресс-события»; он фигурирует сегодня в мире. В Лорхе сидит некто, - я назвал его в публичной лекции «свиньей», - сидит, как умеющая читать напечатанное свинья, и фабрикует из этого статью «Украденная трёхчленность». И здесь, в Швейцарии, действительно находятся люди, под эгидой пастырей души, которые нечто подобное перепечатают. Эти статьи читаются, - это факты. Люди читают это и понятия не имеют, какое безумие стоит за этим. Но есть достаточно аморальных людей, которые не гнушаются пускать людям в глаза пыль и печатать подобные вещи для публики, которая, разумеется, не может этого контролировать, которая даже не знает, насколько это глупо. Мы дошли сегодня до определённой степени глупости в публичной жизни; и вершина этой глупости находится под эгидой душевных пастырей. Это нечто такое, что на самом деле является предметом рассмотрения здесь. Это определено нечто такое, на что надо было бы взглянуть.

И я прошу вас ознакомиться с этим трудом. Там, кроме всего прочего, стоит ещё много прекрасных вещей, которые эта дама поведала другим людям относительно своего секрета божественных пропорций, и относительно «трёхчленности». Она говорит, что вплоть до последней фазы была пронизана убеждением, что погашение долга возможно в обозримом будущем через «морфологический культурный рейх (государство-культурное пространство-церковь)». Как она говорит, она послала эту лекцию также «другим людям», но о ней никто не позаботился, - я тоже не могу себе представить, что кто-то должен был этим заниматься, в

лучшем случае психиатр. Таким образом, на эту лекцию отреагировали «только антропософы», но последние сделали из неё нечто другое. И затем эта дама находит, что эти антропософы всё же лучше, чем другие люди, поскольку они, по крайней мере, говорили о трёхчленности. Теперь для этой дамы, то есть, для фрау Элизабет Мецдорф-Тешнер, по меньшей мере, таким образом сделали рекламу; так что антропософы, по крайней мере, снизились до такой рекламы для этой дамы. Всё, что требовалось теперь, так это та мелочь, чтобы немецкий народ посредством референдума признал этот «морфологический культурный рейх», - это признание посредством референдума должна была, собственно, осуществить фрау Мецдорф-Тешнер. И было необходимо, чтобы принцип 3:5, 5:8 = 21:34, который она нашла, был провозглашен во всеуслышание повсюду; она принесла в мир, своего рода, социальное золотое сечение. В качестве примечания, она обвиняет людей, которые писали о золотом сечении, в плагиате, то есть, в духовном воровстве.

И вот теперь, как раз, благодаря этой брошюре, в свет выходит странный документ, о котором я иначе, наверное, никогда бы не услышал. Поскольку эта дама, похоже, - это очень трудно выяснить, - обратилась к врачу в Мюнхене. Этот человек пишет затем, что он передал письмо этой дамы мюнхенскому профессору, и затем отвечает этой даме:

«Господин профессор передал мне для ознакомления присланный ему материал против Штайнера, чтобы я мог ответить на её письмо. Но я принадлежу, как раз, к тем людям, которые не могут возложить вину за крах Германии ни на иезуитов, ни на евреев, не совершив при этом *sacrificium intellectus* (букв. «жертва разума»). (Мы, немцы, сломали себе шею сами, собственным немецким образом). И более того, - должен честно признаться - я сам член Антропософского общества. (И я стал таковым только недавно, после того, как прочитал все доступные сочинения против Штайнера). Я знал об обвинениях, которые предъявил ему мной иначе уважаемый М. Сайлинг. Кстати, я последний, кто хотел бы полностью обелить Штайнера. У него достаточно человеческих недостатков. И, тем не менее, он является учителем, которому я и те, кто лучше меня, многим обязаны. - Это вас не удовлетворит, но это всё, что я могу сказать».

То есть, вы видите, через эту даму выявляются совершенно странные вещи.

Но вы видите также, что уважаемое духовенство, католическое духовенство в здешнем окружении ничего из этого не пропускает. На такой почве мы стоим сегодня. Просто оцените всё моральное болото этой почвы, а потом обдумайте, не сказано ли о том или ином, что здесь говорилось, словечком больше, чем надо.

Таким образом: Элизабет Матильда Мецдорф-Тешнер, «3:5, 5:8 = 21:34. Секрет возможности погасить долговое бремя в обозримом будущем». Я хотел бы также добавить, что эта брошюра была издана в 1920 году «известным» самоиздателем Суденом ан дер Верра (Sooden an der Werra).

II

ВЕЧЕРА СЕМИНАРОВ И ВОПРОСОВ О ТРЁХЧЛЕННОСТИ В СВЯЗИ С НАУЧНЫМИ КУРСАМИ

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Дорнах 6 апреля 1920 года

(По случаю курса «Антропософия и специальные науки»)

Антропософия и юриспруденция

Роман Боос, в рамках курса «Антропософия и отдельные науки», читает лекцию на тему «Антропософия и юриспруденция». В связи со своей лекцией он задаёт вопрос Рудольфу Штайнеру.

Роман Боос: Как может выглядеть в будущем принцип установления правовых норм посредством кодификации? Как, таким образом, может осуществляться правовое действие, исходя из парламентских центров, без паралича или отмирания принципа кодификации, как это происходит сегодня?

Рудольф Штайнер: Оживление правовой жизни, о котором говорил Доктор Боос, как мне кажется, будет постепенно происходить в трёхчленном социальном организме совершенно естественным образом. Как следует мыслить конкретно об этом формировании тройственного социального организма? - Действительно, неким подобным образом, - этим не должна высказываться простая аналогия, - действительно, неким подобным образом, подобным тому, как следует мыслить органическую трёхчленность в самом природном человеческом организме.

Воззрение, которое порицал сегодня и Доктор Боос, что сердце представляет собой, своего рода, насос, который качает кровяную жидкость во все возможные места в организме, - это воззрение должно быть в физиологии преодолено. Необходимо понять, что в деятельности сердца следует видеть взаимно уравновешивающее друг друга действие двух других видов деятельности человеческого организма: деятельности обмена веществ и нервно-чувственной деятельности. Если, как физиолог, стоящий внутри действительности, вы хотите описать этот человеческий организм, представить его функционирование, то, как правило, нужно только действительно самоотречённо описать деятельность обмена веществ, с одной стороны, и нервно-чувственную деятельность, с другой стороны, потому что уравновешивающая ритмическая деятельность является результатом их полярного действия друг на друга и друг в друге; она уже внутри. Это нечто такое, что надо учитывать и тогда, когда представляешь себе жизнь в трёхчленном социальном организме. Эта жизнь в трёхчленном социальном организме действительно мыслима только в том случае, если у вас ещё есть чувство жизненной практики.

Когда я предал публичности некоторые вещи о трёхчленности, и различным образом говорил об этом⁶¹, тогда среди всего прочего возникло также возражение⁶², что, ведь, практически невозможно представить себе, как право могло бы обрести содержание, если в

61 С февраля 1919 года Рудольф Штайнер говорил и писал особенно швейцарской и немецкой публике об идее трёхчленности социального организма.

жизни оно должно быть отделено от духовной части социального организма, с одной стороны, и экономической части - с другой. Как раз, такие люди, как, например, часто упоминаемый сегодня Штаммлер (Stammler)⁶³, понимают право так, что признают, с одной стороны, лишь, своего рода, формализм. А эта [формальная система], с другой стороны, по их мнению, получает тогда свое материальное содержание посредством экономических требований социального организма. Исходя из таких взглядов, мне возразили, что право не может быть отделено от экономической жизни по той простой причине, что силы экономической жизни должны сами, из себя самих, извлекать правовые нормы. Включая в свои понятия нечто подобное, постоянно думаешь о чем-то неживом, о чём-то таком, что приводит, например, к определениям (Feststellungen), которые делаются, исходя из экономических сил, которые затем кодифицируются и которыми тогда можно руководствоваться. Тогда в основном думают о том, чтобы такие кодифицированные определения были в наличии, и чтобы можно было просмотреть, как они сформулированы.

В соответствующем природе, живом трёхчленном организме мы имеем дело с, я бы сказал, двумя полярными противоположностями: с одной стороны, с духовной жизнью, а с другой стороны, с экономической жизнью. Духовная жизнь, которая, если только она станет свободной, образуется в результате действия тех сил, которые люди вносят в бытие посредством своего рождения и развития, - эта духовная жизнь представляет собой реальность через своё собственное содержание. Тут, если не ограничивать какими-либо нормами и не стеснять то, на что человек способен, развивается самое плодотворное духовной жизни. Это плодотворное получается совершенно естественно, просто благодаря тому, что в интересах человека лежит, что тот, кто больше может и имеет большие способности, может также и больше делать. Будет совершенно естественным, что тот, кого берут учителем для некоторого числа детей, может быть убеждён тем, кто ищет учителя, что он может в своей сфере действовать так, как это необходимо. Когда духовная жизнь действительно свободна, вся конституция духовной жизни получается, исходя из самой природы вещей; в этой духовной жизни действуют люди, которые в ней находятся. С другой стороны, мы имеем хозяйственную часть трёхчленного социального организма. Здесь структура экономической жизни получается, в свою очередь, из всего того, что исходит из потребностей потребителя и возможностей производства, исходя из образования различных цепочек, связей. Конечно, в рамках ответов на вопросы я могу лишь кратко коснуться всего этого. Но сюда входят тогда различные обстоятельства, которые могут разыгрываться между человеком и человеком или между группами людей и отдельным человеком, или также между различными группами людей. Всё это движет экономическую жизнь. И в обеих этих областях, собственно, вначале не идёт речи ни о каком «праве», насколько эти две области сами заботятся о своих делах.

Если мыслить реально, - конечно, люди сегодня мыслят не реально, а теоретически, исходя из того, что уже есть, поэтому они смешивают то, что уже есть в духовной сфере в виде правовых идей, с правовыми идеями экономической области, - так вот, если мыслить

62 В публичной лекции 7 января 1921 года в Штутгарте (запланированной для GA 335) Рудольф Штайнер также обратился к этому возражению: «Сегодня часто приходится слышать суждение - я слышал его по крайней мере десять раз, и это всегда указывало мне на то, насколько оно распространено: Что будет с государством, с правовой его частью посередине, если отделить от него духовную жизнь и экономическую жизнь? Известный юрист в Швейцарии, самый значительный преподаватель права в Швейцарии, сам сказал это, когда познакомился с трёхчленностью. Он сказал, что ему нравится трёхчленность, но он не может понять, что должно остаться для государства между экономической и духовной жизнью». Этот швейцарский профессор права Ойген Хубер (1849-1923), сыгравший ключевую роль в разработке Гражданского кодекса Швейцарии. Роман Боос ходил к нему, чтобы получить подпись под «обращением», но Хубер никак не мог решиться подписать его.

63 Rudolf Stammler, 1856-1938, немецкий профессор права. С 1885 работал в Галле и с 1916 года - до выхода на пенсию в 1921 году - в Берлине. Его самой известной работой была «Экономика и право с материалистической точки зрения» (Лейпциг, 1896 года), которая вышла в нескольких изданиях.

реально, практически, то в свободной духовной жизни правовые импульсы вообще не входят в рассмотрение, а в рассмотрение входят импульсы доверия, импульсы способностей. Это какая-то бессмыслица говорить в области духовной жизни о том, что тот, кто может что-то делать, имеет право это делать. Не может быть и речи о том, чтобы говорить о таком праве, а здесь надо говорить о том, что в нём нуждаются, что он должен это делать. Тому, кто может обучать детей, разумеется надо позволить это делать, и здесь не ставится вопрос, имеет ли он какое-то разрешение или нет; это не вопрос права как такового. Точно так же и в экономической жизни. Тут не будут играть роли ни письменные, ни устные договорённости, а должно играть роль доверие в соблюдении этих договорённостей. То, что будут соблюдаться договорённости, это, если экономическая жизнь будет поставлена на саму себя, будет обеспечиваться тем, что экономическая жизнь просто не сможет функционировать, если не будут соблюдаться договорённости.

Я очень хорошо знаю: когда сегодня высказываются такие, собственно, совершенно практичные вещи, всегда найдётся кто-то, кто принимает их за нечто крайне непрактичное, поскольку повсюду вносятся крайне непрактичные вещи, и люди верят, что то, что говорится, и что должно возыметь действие, будто бы практично, а то, что было описано здесь, непрактично. Но надо учитывать, что в этих двух сферах, в этих органах, в экономической области и в духовной области трёхчленного социального организма, эти вещи живут рядом. Если теперь честно подумать о демократической организации этого сосуществования, при котором люди в двух областях живут рядом друг с другом, - внутри экономической структуры, внутри духовной структуры, - только тогда возникает необходимость, чтобы отношения определялись от человека к человеку. Тогда возникает жизненная необходимость, чтобы тот, кто занимает, скажем, какой-то пост в духовной жизни, определил своё отношение ко многим другим личностям, и так далее. Эти живые отношения должны будут установлены между всеми совершеннолетними людьми, а отношения между совершеннолетними и несовершеннолетними людьми устанавливаются, как раз, на основе доверия в области духовной жизни. Но все отношения, которые вытекают из этих жизненных сил, с одной стороны экономической жизни, а, с другой стороны, духовной жизни, - все эти отношения обуславливают то, что люди, достигшие совершеннолетия, начинают определять свои отношения друг с другом в своих сферах жизни. И это порождает живое взаимодействие, которое, правда, имеет ту особенность, что, - поскольку жизнь живая и не может быть ограничена нормами, - эти определения должны быть подвижными.

Абсолютно кодифицированное право выглядело бы как нечто противоречащее развитию. Если бы у вас было жестко кодифицированное право, то это, по сути, было бы подобно тому, что вы оценили бы сейчас органические жизненные силы семилетнего ребёнка, и когда этому ребёнку исполнилось сорок лет, вы требовали бы, чтобы он продолжал жить согласно этим силам. То же относится и к социальному организму, который также является живым, и в 1940-ом году не будет таким же, каким он был в 1920-ом году. Например, в отношении земли речь идёт не о том, чтобы установить такое кодифицированное право, а речь идёт об установлении живого взаимоотношения между землёй и персонами, которые находятся внутри двух других охарактеризованных выше областей, - духовной и экономической, - и действуют так, чтобы всё всегда можно было бы содержать в постоянном движении, чтобы можно было бы также изменять и метаморфозировать истинно демократическую почву, на которой живут все люди в своих нынешних отношениях. Это то, что необходимо сказать в отношении установления публичных правовых отношений.

Уголовно-правовые отношения, как вторичные, возникают только тогда, когда отдельные личности действуют антисоциальным образом против того, что было установлено как то, что люди, достигшие совершеннолетия, считают правильными отношениями друг к другу. Правда, тогда для трёхчленного социального организма при практическом продумывании уголовного права возникает необходимость взглянуть на, я бы сказал, обоснованность

наказания также практически-реальным образом. Должен сказать, что хваленая юриспруденция в этой области не выработала, собственно, даже ясных правовых понятий. Есть одна, сейчас уже, правда, уже старая работа «Право в наказании» Людвиг Лайстнера⁶⁴. Там во введении представлена история всех теорий о праве на наказании: устрашающих импульсов, воспитательных импульсов и всех прочих импульсов. Прежде всего, Лайстнер показывает, что эти теории, собственно, весьма непрочны, и затем приходит к своей собственной теории⁶⁵, состоящей в том, что право на наказание на самом деле может быть выведено только из того, что преступник, благодаря своей собственной свободе, вторгается в сферу другого человека. Предположим, кто-то, - и это в свою очередь тоже гипотетически, - создал себе некую жизненную сферу; другой человек входит внутрь этой сферы, входя, например, в его дом или в его мысли, и грабит его. - Тут Людвиг Лайстнер говорит: Он сам вошёл в мою жизненную сферу и, благодаря этому, я имею власть над ним; как я имею власть над своими деньгами или своими мыслями, так же я теперь имею власть над преступником, поскольку он вторгся в мою сферу. Сам преступник дал мне эту власть над собой, войдя в мою сферу. Теперь я могу реализовать эту власть, наказав его. Наказание является лишь эквивалентом того, что он вторгся в мою сферу. Это единственное, что можно было найти в юридическом мышлении о праве наказать преступника. Происходит это непосредственно или в переносном смысле, когда это осуществляет государство, - это вопросы опять же второстепенные.

Но почему, собственно, эти вещи неясны? Почему что-то постоянно препятствует выработать действительно резко очерченные понятия? Потому что все эти понятия взяты сегодня из социальных отношений, которые уже сами по себе наполнены сплошными жизненными неясностями. Ведь, право фактически предполагает, что сначала имеется организм и осуществляемое посредством этого организма живое движение и, следовательно, циркуляция, - так же как сердце предполагает, что сначала имеются другие органы, чтобы оно могло функционировать. Институт права является, как бы, сердцем социального организма и предполагает, что другие силы уже присутствуют. И если в этих других отношениях содержатся неясности, то, разумеется, не может быть и чётко очерченной правовой системы. Но чётко очерченная правовая система появится, как раз, благодаря тому, что в этом трёхчленном социальном организме будет позволено развернуться собственным

64 Ludwig Laistner (1845–1896), немецкий писатель, изучал богословие и получил степень доктора философии. Его диссертация была опубликована в Мюнхене в 1872 году под названием «Право в наказании. Вклад в историю философии и попытка диалектики проблемы уголовного права». С 1880 года Лайстнер работал писателем-фрилансером. Лайстнер стал известен своей публикацией «Загадка Сфинкса. Основные черты детективного романа» (Берлин, 1889). Рудольф Штайнер дружил с Лайстнером; в пятнадцатой главе «Mein Lebensgang» (GA 28) он описывает свою встречу с ним: «Прекрасная личность, живущая духовно самым прекрасным образом, гармоничная сама по себе». При посредничестве Лайстнера, который был литературным консультантом Cotta'sche Verlagsbuchhandlung (издательская кампания, Рудольфу Штайнеру было доверены публикации произведений Артура Шопенгауэра и Жана Поля.

65 Во второй части своей книги «О диалектике проблемы уголовного правосудия» Лайстнер пишет о представляемом им принципе уголовного права: «Преступление теперь, независимо от его практического, логического или эстетического значения, непосредственно через его совершение, рассматривается как сплетение преступника с потерпевшим, как вступление в отношения, оборотной стороной которых является уголовная ответственность, не зависящая от всякого произвола, как своего рода залог, арест, которые могут быть покрыты штрафом, наказанием, но не должны». И немного дальше: «Последствие преступления надо мыслить как раз наоборот, не как отталкивание и отречение от общей воли, а как подчинение, прежде всего, воле потерпевшего, а затем также и государства. Когда преступник проникает в чужую сферу воли, он находится в ней, согласно своему намерению, как господин; но потерпевший признает из этого только одно, что кто-то вторгнулся в сферу его собственной воли и считает его кем-то, находящимся в его распоряжении. Это расположение или, говоря с другой стороны, подчинение, есть нечто объективное, пусть субъективно и не лежащее в воле преступника; заключение в чужой сфере есть лишь обратная сторона и необходимое следствие вторжения; и поскольку это только объективный процесс, то к нему тогда добавляется второй, хочет ли потерпевший воспользоваться выпавшим ему правом власти или нет, - наказания, или прощения».

силам, изначально присущим другим членам социального организма. Только благодаря этому, будет создана основа, позволяющая образоваться правовой системе.

Прежде всего, мы сегодня даже чётко не поставили вопрос: каково же собственное содержание правовой системы? Да, видите ли, в некотором смысле юриспруденция должна быть очень похожа на математику, на живую математику. Но что бы мы сделали со всей нашей математикой, если бы не смогли реализовать её в жизни? Мы должны иметь возможность её применить. Если бы математика не была живой и мы не могли бы применять её в реальности, то вся наша математика была бы не наукой. Математика как таковая является прежде всего формальной наукой. В определённом смысле и соответствующим образом разработанная наука права была бы, прежде всего, формальной наукой. Но эта формальная наука должна быть такой, чтобы объект её применения встречался в реальности. И этим объектом её применения в действительности являются отношения достигших совершеннолетия и живущих друг рядом с другом людей, которые не только здесь ищут равновесия своей жизни, но находятся также ещё и в духовном и экономическом члене социального организма.

Таким образом, эта трёхчленность социального организма впервые действительно давала бы возможность мыслить публично, а право, которое не мыслится публично, ведь, не является естественно установленным правом. Благодаря этому, возникала бы возможность публичного формирования таких правовых понятий, которые тогда были бы гибкими, как того справедливо требуют сегодня. Поэтому я думаю, что это было очень хорошо, что Доктор Боос требовал реформы правовой жизни, именно исходя из реализации трёхчленного социального организма.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР-СЕМИНАР
Дорнах 5 октября 1920 года
(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной практики — 1

Основой вечера стали две лекции Арнольда Ита (Arnold Ith) от 4 и 5 октября 1920 года "Банковское дело и ценообразование в их сегодняшнем и будущем значении для экономики". Начинается дискуссия:

Рудольф Тоепель (Rudolf Toepel) отталкивается от двух мест в «основных пунктах». Он высказывается относительно проблемы установления потребностей и связанного с этим вопроса ценообразования.

Роман Боос: Я не приемлю воззрение Доктора Тоепеля; два фрагмента из «Основных пунктов» вырваны из контекста. У представления Доктора Тоепеля отсутствует антропософское основание. Так двигаться вперёд нельзя. Государство не может предписывать экономике управляющие мероприятия; невозможно развивать хозяйственную жизнь, не привлекая другие мысли. Против такой хозяйственной жизни, где потребности людей определяются статистикой, восстают люди, которые должны жить с такой экономикой.

И есть еще одна опасность, которую следует учитывать. Возможно, послезавтра возникнут новые потребности, о которых сегодня ещё не известно. Важно, чтобы повсюду, как всегда подчеркивал Доктор Штайнер, не регулировались потребности как таковые. Государство и статистика не имеют права влиять на потребности как таковые, иначе мы остаёмся в рамках старого образа мышления. Как раз, этот старый способ мышления, как мне кажется, частично живёт в представлениях директора Ита.

Поэтому я хотел бы ещё раз настоятельно сослаться на основную идею Доктора Штайнера об экономической первичной ячейке: установленная цена должна позволять лицу, производящему определенный экономический продукт, позволить ему произвести то же самое снова. Ценовая политика как таковая – это то, в чём государство просто не имеет права ничего регулировать, иначе хозяйственная жизнь будет полностью разрушена.

*Циммерманн*⁶⁶ высказывается в качестве представителя свободных денег и теории свободной земли Сильвио Гезелля⁶⁷ (Silvio Gesell).

66 Werner Zimmermann, 1893-1982, Писатель и реформатор жизни из Швейцарии. Первоначально учитель начальных классов, с 1920 года он работал над всесторонним обновлением жизни и общества. Он был сторонником теории свободных денег и теории свободной земли Сильвио Гезелля, сторонником вегетарианства, воздержания и натурализма, а также органического земледелия, сторонником эмансипации женщин через раскрепощенную сексуальность и противником использования ядерной энергии. Циммерманн интересовался также восточной духовностью. Он был одним из соучредителей швейцарского ФКК- (нудистского) движения (1927 года) и экономического кольца «WIR» («МЫ») (1934 года), организации самопомощи, которая существует до сих пор, которая, выпуская собственные деньги, «МЫ-деньги», пытается противодействовать дефляционной политике правительства и, вместе с тем, экономическому кризису.

67 Сильвио Гезелль, 1862-1930, немецкий торговец, работал попеременно в Аргентине и Германии, временно проживая также в Швейцарии. В 1919 году он семь дней работал народным комиссаром по финансам в первом советском правительстве Баварии. На Гезелля повлияли идеи индивидуалистического анархизма и социального дарвинизма. Из своего личного опыта денежных потрясений он разработал свою собственную экономическую и социальную теорию, которую представил в ряде работ.

Идеи Гезелля нашли признание также среди антропософов, в основном в форме синтеза с идеей трёхчленности. Генрих Нидекер (Heinrich Nidecker), например, написал в предисловии к своей ещё во время

Роман Боос перебивает докладчика: Важна не цель, а важно начало. И тут речь идёт о том, чтобы создать ассоциации: мы должны создать ассоциации.

Арнольд Ит: Есть различные пункты, которые я хотел бы прояснить и которые требуют дальнейшего обсуждения. Во-первых, какова роль торговли в трёхчленном социальном организме? Второй: как возникает капитал в трёхчленном социальном организме? В-третьих, можно ли также продавать фабрики и недвижимость? Возможно ли ещё существование частного капитала после введения трёхчленности? Четвертое: будут ли ещё существовать деньги в трёхчленном социальном организме? Ведь, деньги тогда будут просто указанием на товары. А теперь к тому, что сказали предыдущие ораторы. То, что господин Циммерманн до сих пор мог сказать о теории свободных денег, вообще невозможно понять. Также и по отношению к утверждениями Доктора Тоепеля есть некоторые возражения; так же, как и по отношению к Доктору Боосу и его представлению экономической первичной ячейки. И в связи с возражением Доктора Бооса на мои утверждения, я хотел бы спросить: в какой мере это относится к тем высказываниям, которые я сделал, и в какой мере что-то в них должно показаться неверным? Это - в качестве конкретного вопроса.

Роман Боос: Я хотел бы, в свою очередь, спросить: Какую роль Вы отводите государству для установления фиксированной цены?

Арнольд Ит: Этим делением цены я просто хотел показать, каким образом часть цены достаётся рабочим, а другая - производителям. В этом отношении государство будет иметь право голоса в ценообразовании, определяя, каковы потребности отдельного человека для поддержания его уровня жизни.

Выкрик: Бессмысленно!

Роман Боос: Я, собственно, выделил именно этот пункт и счёл себя обязанным возразить. До сих пор я всегда придерживался того мнения, что в трёхчленном социальном организме государство должно что-то определять лишь в отношении вида труда и времени, но никоим образом не определять цену или устанавливая потребности; государство должно лишь извне создавать факты, с которыми экономическая жизнь должна считаться как с данными фактами.

Арнольд Ит: Речь идёт не об установлении государством номинального уровня цен, а о пропорциональном, реальном распределении, о процентном распределении. Позвольте мне попросить высказаться Доктора Штайнера по этому вопросу.

Доктор Штайнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Я бы с большим удовольствием поговорил об отдельных вещах, которые здесь были затронуты. Но говорить об этом вкратце вряд ли возможно, и особенно, когда уже несколько человек столкнулись лбами по этому

жизни Рудольфа Штайнера изданной работе «Здоровье социального организма согласно предложениям Рудольфа Штайнера и Сильвио Гезелля, или трёхчленность и свободная экономика» (Берн, 1926): «В дальнейшем мы будем говорить о системе трёхчленности Рудольфа Штайнера. Планируется попытаться подчеркнуть те мысли, которые близки или фактически совпадают с мыслями Сильвио Гезеля как представителя свободного экономического движения». И он пришел к выводу: «Требования свободной земли, свободных денег и твёрдой валюты, хотя не находятся в центре внимания рассмотрения Штайнера, но они либо содержатся в них, либо вытекают из них как следствие».

Но далеко не все антропософы разделяли эту симпатию; например, социолог и близкий соратник Рудольфа Штайнера, Роман Боос, решительно отвергал идеи Сильвио Гезелля.

поводу. Обычно это усложняет вещи, которые в противном случае были бы простыми. Поэтому я хотел бы отметить лишь очень немного, но то, что даст ответ на некоторые вещи или, по крайней мере, попытается направить их в правильном направлении.

Я хотел бы указать на то, что в хозяйственной жизни действительно важно думать хозяйственным образом. Но хозяйственно думать означает, иметь представления о производстве и потреблении, которые в своём протекании оказывают определённые воздействия на ту или иную сторону; и с нашим физическим благополучием и неблагополучием мы стоим внутри этого экономического процесса. С любимыми мнениями тут и начинать нечего. Тот, кто, например, считает, что просто с помощью редукации [или экспансии] количества денег, в зависимости от того, повышаются цены или понижаются, можно чего-то достигнуть, тот показывает, что составил себе мало реалистичные представления об экономических процессах. Таким установлением стоимости денег, такой редукацией денежной массы или определённой её экспансии⁶⁸, или чему-то подобному, не достигается ничего. Поскольку в тот момент, когда нельзя больше спекулировать деньгами, спекулируют товарами, - смотрите, только сейчас мы входим своими мыслями в реальность, надо быть способным видеть реальности, - а в этом случае совершенно нет надобности изменять денежную массу, поскольку посредством всяческих махинаций легко может случиться так, что цены на определённый вид продукции снизятся или повысятся, в то время как другие продукты не дают никакого повода для такого повышения или понижения цен. Вообще, любая мысль об индексации денег⁶⁹, - не говоря уже о том, что, ведь, пока в какой-то задающей тон стране есть золотая валюта, об этом не может быть и речи, - любая такая мысль является чисто утопической. Я хочу обрисовать это только в общем, об этом следовало бы поговорить подробно, но вся эта мысль Гезелля есть ни что иное, как мысль, порожденная полным незнанием экономической жизни как таковой. Если вы действительно хотите воздействовать на экономическую жизнь, чтобы из этого что-то вышло, вам нужно воздействовать не на деньги, а живым образом воздействовать на потребление и производство. Тогда важным становится формирование ассоциаций, имеющих возможность оказывать действительное влияние на экономический процесс. Конечно, если здесь или там образуются ассоциации, то, хотя в принципе это может быть правильным, они совершенно не смогут оказать никакого благоприятного влияния; они смогут оказать такое благоприятное влияние только тогда, когда этот ассоциативный принцип, посредством трёхчленности социального организма, сможет пронизывать своим действием всё. Но все постоянно спрашивают: Как образовать ассоциацию?

Мои многоуважаемые присутствующие, пока ещё ведутся споры о том, должны ли, с одной стороны, производители объединяться в ассоциации, а, с другой стороны, потребители - в товарищества, и тут с обеих сторон нечто выстипулировать⁷⁰ (ausstipulieren), до тех пор идея ассоциаций не реализуется даже приближённо. Конечно, в отношении идеи ассоциаций речь идёт совсем не о том, чтобы собрались какие-то комиссии и образовали ассоциации или

68 Это представление основано на количественной теории денег, которая предполагает, что если количество товаров и скорость обращения денег остаются неизменными, средний уровень цен повышается при увеличении денежной массы и наоборот. Количественная теория — старая теория, восходящая к 16-ому столетию. Известным представителем количественной теории денег был английский политический экономист Джон Стюарт Милль (1806-1873), принадлежавший к классической школе. Количественная теория играет важную роль также в свободно-экономических воззрениях. Основная слабость этой теории состоит в том, что из неё исключаются реальные экономические процессы.

69 Важная основная мысль теории свободной экономики Гезелля: защита покупательной способности денег от дефляции и инфляции за счёт сокращения и увеличения денежной массы как задача независимого валютного управления. Деньги индексируются, потому что индекс цен определяет размер денежной массы.

70 Стипуляция (лат. stipulatio «выспрашивание») в римском праве — формальный, абстрактный, устный контракт, устанавливающий обязательство. Стипуляция заключалась посредством установленной словесной формулы, по которой спрошенный отвечает, что даст или сделает то, о чём его просили (прим. пер.)

нечто подобное, а речь идёт о том, чтобы эти ассоциации сами образовались из хозяйственной жизни. Я хотел привести два примера, которые я уже часто приводил.

Какое-то время до войны был один такой член нашего Общества, который был пекарем⁷¹; он пёк хлеб, то есть, производил хлеб, со всем, что сюда относится. Затем сложилась ситуация, когда надо было сделать нечто такое, что могло бы собой представлять что-то вроде образца⁷². У нас было Антропософское Общество, - антропософы тоже едят хлеб, - и ничего не было легче, как объединить производителей хлеба и антропософов. Производители получали своих потребителей, и ассоциация была готова. Конечно, когда такая вещь стоит сама по себе, у неё могут быть всякие недостатки. В данном случае недостатки были в том, что у производителя тоже были свои тараканы в голове, и в результате всё это дело пошло под откос. Но это, в конце концов, не так важно. Ассоциация возникает сама собой из органической связи потребителей с производителем, при которой инициатором, как правило, должен быть производитель, - и тогда эта ассоциация будет поддерживаться сама собой.

Затем я часто привожу пример другого рода работы, - пример философско-антропософского издательства в Берлине. Он состоит в том, что это издательство работает не так, как другие издательства. Как работают другие издательства? Они работают с множеством авторов, хороших и плохих, заключая договора. Не правда ли, затем они эти книги печатают. Для печатания книг нужна бумага, должны быть задействованы наборщики, и так далее. Теперь попробуйте себе представить, сколько книг печатается каждый год - скажем, только в Германии, - и не продаётся, то есть, для которых не находится потребителя. Посчитайте, просто сложите, сколько лирики печатается в Германии, и сколько лирики покупается, тогда вы будете иметь представление о том, сколько человеческого труда затрачивается для изготовления бумаги, которая используется как макулатура, сколько наборщиков работает над этими книгами, и так далее, - вся работа впустую. Это то, что важно: мы должны войти в экономическую жизнь, думая экономически, то есть, думая так,

71 Julius Ritter von Rainer (Юлиус Риттер фон Райнер) был старым членом Теософского общества и владельцем замка Магерэгг близ Клагенфурта. В его поместье также была мельница с пекарней, где пекли качественный хлеб, хлеб Райнера.

72 6 февраля 1913 года в Берлине состоялось собрание, на котором обсуждалась возможность практической экономической деятельности с антропософской точки зрения, - в смысле серии статей Рудольфа Штайнера «Теософия и социальный вопрос» (в GA 34). Уже были разные проекты; в Бремене хотели создать торговую ассоциацию (позже торговую ассоциацию Ceres G.m.b.H.), с другой стороны, искали более крупный рынок, например, для хлеба Райнера. По этому поводу Рудольф Штайнер говорил (запланировано на GA 332): «Мы должны основывать не компанию для использования хлеба Райнера, это было бы нецелесообразно; Было бы практично, если бы мы ели его, чтобы у нас вскоре тоже были булочки! Настоящая организация есть лишь систематизация того, что всегда делалось в узких кругах». И далее: «Важно лишь то, что вещь окупается. С другой стороны, производитель не должен обращаться исключительно к антропософским потребителям. Мы должны не хотеть закрываться в коммерческом отношении, а поддерживать собственное производство». Наконец: «Весь хлеб Райнера мог бы быть реализован одной только берлинской ложей. Но нельзя просто воодушевляться какой-то вещью, надо оставаться в деле длительное время. Следует также учитывать новизну дела и то, что вещи, которые хорошо кончаются, часто сначала появляются с тёмной стороны. Говорили, что хлеб Райнера вначале покрывался плесенью; ну, это только доказывает, что он является хорошей почвой, на которой растут микробы!» Однако конкретное формирование ассоциаций между членами Антропософского общества — потребителями — и господином фон Райнером — производителем, как предполагал Рудольф Штайнер, не осуществилось. Даже посредством окончательно основанной Ceres G.m.b.H. хлеб не был продан. Это было связано не только с относительно высокой ценой хлеба и отсутствием интереса со стороны антропософов, но и с непростой личностью изготовителя, исключавшей плодотворное сотрудничество. На февральском собрании, например, он назвал причину высокой продажной цены своего хлеба, которая была подвергнута сомнению некоторыми из присутствующих: «Я должен был спросить у хлеба, хочет ли он продаваться таким образом. Он сказал мне, что это его больное место, это хлебу не походит, хлеб и слышать об этом не хочет; наиболее низкие цены тоже не подходят и хлебу - противник всех этих удешевлений, потому что в известном смысле они противоречат оккультному закону, которому он подчинен». Короче, в собственном письменном резюме Риттера фон Райнера стояло: «Хлеб чувствовал себя просто оскорбленным».

чтобы избежать ненужной работы, напрасной работы. В ассоциации, которая состояла и состоит из Антропософского Общества и философско-антропософского издательства, невозможно, чтобы даже одна единственная книга была бы напечатана и не продана. Потому что есть потребитель. Почему? Потому что ведётся работа для того, чтобы эти потребители были? Напротив, издательство не имеет никакой возможности производить для потребителя достаточное количество. Зато, по крайней мере, отсутствует напрасная работа. Мы не позволяем изготавливать бумагу, в которой содержится напрасная работа; мы не позволяем напрасно работать ни одному наборщику, и так далее.

И то же самое, что и в этих двух примерах, вы можете делать во самых разных областях. Речь идёт о том, чтобы эти ассоциации правильно мыслились. Если они будут правильно мыслиться, то, прежде всего, будет избегаться напрасная работа. Вот что важно. Речь идёт о том, чтобы посредством реальных мероприятий создать правильное соотношение между производством и потреблением во всех возможных областях. Тогда возникнет и эта первичная ячейка экономической жизни, тогда установится цена, соразмерная всей жизни, так что тот, кто что-то производит, какой-нибудь продукт, скажем, пару сапогов, будет тогда получать за них столько, сколько соответствует его потребностям, пока он не сможет произвести точно такую же хорошую пару сапог снова. Речь идёт не о том, чтобы стипулировать какую-то цену, составлять статистики и тому подобное, а речь идёт о том, чтобы мы работали так, чтобы потребление соответствовало производству. А это может возникнуть только посредством того, что потребление определяет производство. Если привести примеры, это становится очевидным. Важно не болтать о потребностях и тому подобном, а стоять внутри этих потребностей. Важно, чтобы, с одной стороны, человек был связан с [потреблением], а с другой стороны, мог бы вмешиваться в производство таким образом, что оно непосредственно вело бы к удовлетворению этих потребностей. Важно не создание столько-то и столько-то цифр, пересылая их из одного места в другое, а важно то, что в ассоциации у вас есть живые люди, которые видят, как они должны связывать потребление и производство.

Мы нанесли таким ужасным образом ущерб нашей экономической жизни, благодаря тому, что всё свалили на измерение стоимости денег. Но деньги имеют только ту стоимость, которую они имеют, в зависимости от характера экономического процесса. Конечно, нельзя начинать сразу с самого абстрактного, с денег, и при этом проводить какие-то реформы. Вам поначалу вообще не нужно дискутировать о том, должны ли деньги быть лишь указанием на товары или чем-то другим. Хотел бы я знать, чем деньги в моём портмоне отличаются от указания на товары. И если бы у меня в портмоне их не было, то оплата за совершённый мною труд, могла бы стоять также в какой-нибудь книге; туда, в конце концов, всегда можно было бы посмотреть и проверить; но вместо того, чтобы там стоять, её можно было мне и выписать. Надо думать обо всех этих вещах не как о второстепенных и частичных, а как о первичных, и надо ясно понимать, что сами деньги становятся в экономической жизни, своего рода, странствующей бухгалтерией, если мыслить экономически, - мыслить не теоретически, а экономически, - то есть, быть способным динамически привести экономические условия во взаимные правильные отношения.

Выкрик: Совершенно верно!

Именно. Но это практическое мышление, которое должно было вброшено в культурное развитие, как раз, посредством «Основных пунктов», лежит ужасно далеко от сегодняшних людей, они тут же снова впадают в теоретизирование, они тут же начинают схематизировать и теоретизировать, в то время как важным является всё же такой подход к людям, чтобы они снова полностью стояли в жизни, то есть, в хозяйственной жизни, - тогда в этой хозяйственной жизни смогут развиваться правильные условия. Мы, конечно, не могли основать

другие ассоциации, поскольку нам не позволили бы основать другие, кроме философско-антропософского издательства. Но обдумайте как-нибудь, предоставьте себе один час спокойного размышления, мои многоуважаемые присутствующие, что это будет значить как эффект для всей хозяйственной жизни, если будет что-то, что препятствует осуществлению напрасной работы, - это, ведь, окажет воздействие на всю экономическую жизнь. Наборщики, которых мы сэкономили, не нанимая их без надобности, в это время выполняли другую работу, и люди, изготавливающие бумагу, в это время тоже выполняли другую работу. Тут, ведь, человек стоит внутри всего экономического процесса. Нельзя думать так недалёковидно, чтобы думать только об одном предприятии, а нужно ясно понимать, какой эффект это имеет во всей экономической жизни. Вот что важно.

Я просто хотел отметить, что нужно попытаться мыслить действительно экономически. А когда возникают вопросы о том, как обстоят дела с хозяйственными ассоциациями, то дело в том, что каждый, если бы он хотел, нашёл бы в том месте, где он стоит, достаточно оснований для создания таких хозяйственных ассоциаций. Конечно, нельзя сказать мне или Доктору Боосу, или кому-то другому: Как мне нужно создавать ассоциации? - и предполагать, что для построения ассоциаций надо создать некую империю.

Дело не в этом, а в том, чтобы, наконец, попытаться трезво думать, - в этом всё дело. Конечно, иногда старый способ мышления ещё повисает у вас на шее; и даже если господин Ит, несомненно, очень хорошо понял эти вещи и, в существенном, также хорошо их представил, мы всё же слышим, например, - это, ведь, была только ошибка, но она присутствовал всегда, - что среди своих расходов он имел ещё также и заработную плату. Ведь, заработной платы, конечно, нет⁷³ в балансе в смысле трёхчленности, - там не может идти речи о заработной плате, а также о какой-то оценке продуктов, предназначенных для обработки (Rohprodukte); поскольку речь идёт просто о том, чтобы каким-то образом учитывать [разницу] между продуктами труда и сырыми продуктами (Rohprodukte), и тому подобное. То есть, не правда ли, иногда пробиваются наружу старые мыслительные привычки; но это ничего, если иметь добрую волю позитивно мыслить в хозяйственной жизни, - тогда выйдет что-то верное.

Ведь, разумеется также, что такие предприятия, как Futurum или Грядущий День, не могут быть во всех своих частях организованы, так сказать, согласно «Основным пунктам»; они находятся внутри другой экономической жизни, и её волны распространяются повсюду. Но когда создаются такие предприятия, в которых, с одной стороны, преодолевается односторонний банковский принцип⁷⁴, а с другой - односторонний торговый или

73 Рудольф Штайнер много раз высказывался по поводу вопроса о заработной плате с точки зрения идеи трёхчленности, например, в публичной лекции в Цюрихе 25 октября 1919 года (в GA 332a): «Люди так сильно мыслят в смысле сегодняшнего общественного порядка, сегодняшнего социального порядка, что в самых широких кругах совершенно не осознаётся, что заработная плата как таковая в действительности является социальной неправдой. В действительности отношения таковы, что так называемый наёмный рабочий работает вместе с управляющим предприятия, и то, что тут происходит, в действительности является полемикой, - которая только маскируется всякими обманчивыми обстоятельствами, в основном властными отношениями и так далее, - о распределении выручки. Если говорить парадоксально, то можно было бы сказать: Заработной платы нет вообще, а есть распределение доходов, - только сегодня, как правило, те, кто экономически слаб, оказывается обманутыми. Вот и всё. Речь идёт о том, чтобы не переносить на действительность то, что основано исключительно на социальной ошибке». Как в Futurum - Арнольд Ит, ведь, был директором Futurum, - так и в Грядущем Дне эти идеи не могли быть реализованы; в обеих компаниях вознаграждение работникам вводилось в баланс как статьи расходов.

74 В октябре 1919 года ряд антропософов собрались в Дорнахе и разработали план создания международной финансовой компании для финансирования строительства Гётеанума. На собрании 15 октября 1919 года Рудольф Штайнер взял на себя обязательство написать меморандум об организации такой финансовой компании. В течение ноября 1919 года он написал меморандум «Учреждаемое предприятие» (в GA 24). В самом начале он ясно обрисовал цели этого предприятия: «Оно должно отличаться от обычных банковских предприятий тем, что служит не только финансовым точкам зрения, но и реальным операциям, которые поддерживаются финансовым. Поэтому будет особенно важно, чтобы кредиты и так далее осуществлялись

промышленный принцип, - то есть, с одной стороны, принцип банковского денежного кредита, с другой стороны, принцип займа банком, - тогда исчезает разделение банка и индустриального, торгового предприятия, они превращаются в одно, и этим мы вступаем на путь к ассоциативному принципу. Сначала это просто шаг на пути. Действительный ассоциативный принцип был бы достигнут, если бы вы могли сделать в реальной жизни то, что я показал на этих двух примерах. Естественно, для этого нужно было бы, чтобы инициативу проявляли только производители, то есть, люди, понимающие что-то в создании какого-либо изделия; это означает, что при создании ассоциации инициатива, конечно, не может исходить от потребителя. Но, с другой стороны, тот, кто проявляет инициативу в создании ассоциации, при формировании этой ассоциации будет в значительной степени зависеть от потребностей потребителей; ведь, он всегда может опираться только на конкретные потребности, которые никто не должен регулировать. Если, например, существуют люксов-потребности и так далее, они уже регулируются полностью сами по себе.

Недавно меня спросили: Вы сказали, что нужно учитывать потребности; ну, вот у меня есть особые потребности, например, особые высокие сапоги, сапоги для езды на лошади и так далее; [как надо обходиться с такими потребностями]. Да, мои многоуважаемые присутствующие, из всего этого в его мышлении учитывается лишь очень небольшая часть. Речь всё же идёт о том, чтобы действительно вдумываться в хозяйственную жизнь; и если вдуматься, то отходишь от таких отдельных вещей, поскольку здоровая хозяйственная жизнь определённым образом регулирует и такие потребности. Можно подождать и посмотреть, какими будут потребности, когда ассоциативный принцип приведёт к здоровой экономической жизни, когда, прежде всего, исчезнет ненужная занятость, работа в никуда, то есть, не необходимая работа. Вот о чём идёт речь.

Этими немногими намёками, конечно, нельзя было сказать ничего особенно существенного; но я хочу, по крайней мере, указать на то, что по-настоящему понять «Основные пункты» можно лишь в том случае, если понять их в практическом смысле, если думать о том, как создать такую ассоциацию конкретно, в жизни, - ассоциацию, которая как можно органичнее соединяет потребление и производство. Если знать, каким образом такая хозяйственная структура, экономическим образом построенная на принципе ассоциации, оказывает экономизирующее воздействие на всю экономическую жизнь, то можно создать экономические основы, где одним уже не придётся делать так много ненужной работы, а другие смогут удовлетворить большинство своих потребностей. Ведь, в мире дело обстоит так, - и это можно было бы обосновать подробно и даже представить как некую аксиому, - в мировой жизни дело обстоит так, что определённые вещи, если не отнимать у них возможность следовать своим собственным законам, странным образом регулируют себя сами.

Мои многоуважаемые присутствующие, если бы, например, завтра появился человек, который предоставил бы настоящее средство, позволяющее вмешиваться в эмбриональное развитие так, что при родах получался бы по желанию мальчик или девочка, то, я в этом твёрдо убеждён, наступил бы ужасный хаос. Получившееся отношение мальчиков и девочек привело бы к ужасному положению; возникли бы кризисы и катастрофы. Только благодаря тому, что это в определённой степени выведено из области умственного суждения людей, только благодаря этому, получается до странности чудесное соотношение, - конечно, приблизительное, как и все в природе, - что каждая женщина может найти себе мужчину, а каждый мужчина - свою женщину. И если мужчина остается неженатым, женщина также

не так, как это происходит в обычной банковской системе, а, исходя из объективных точек зрения, которые принимаются во внимание для операции, которая должна быть предпринята. Таким образом, банкир должен иметь характер не столько кредитора, сколько коммерсанта, вовлеченного в дело, который может здраво оценить масштаб операции, подлежащей финансированию, и с чувством реальности принять меры для её выполнения»

должна оставаться незамужней. Конечно, там, где появляется соответствующая человеческая воля, выходит нечто катастрофическое; но если у нас есть общественная жизнь, то мы должны с известной заинтересованностью смотреть на то, что действует, так сказать, согласно своим законам. И вы можете быть совершенно уверены, что если ассоциации с действительным пониманием будут в состоянии формировать экономические тела, в которых осуществляются потребление и производство так, чтобы наиболее рациональным образом выполнялась бы только необходимая работа, то, насколько это возможно, смогут быть удовлетворены и потребности людей, поскольку одно вызывает другое. Это видно при реальном мышлении.

Я также хотел бы указать, если уж мы обсуждаем такие вопросы, что прежде всего нужно реалистично мыслить и отвыкать от абстракций. В научной области, ведь, тоже плохо, когда придумывают всякие теории. Например, если бы кто-то разработал теорию в области науки, как это делает Гезелль в области экономики, если бы в области науки была выдумана такая теория, то некоторые факты вышли бы из-под его контроля; тогда ему нужно было бы только немного снизить ценность этой теории. В экономике речь идёт о том, чтобы действительно практически вторгаться в непосредственную жизнь и практически мыслить. Практическое мышление — это, как раз, требование духовной науки. Духовная наука мыслит практически в духовной сфере; она учит людей мыслить практично. При этом не возникают запутанные теории. Он воспитывает людей и она научит их мыслить практически в экономической жизни. И это практическое мышление является задачей.

ВТОРОЙ ВЕЧЕР-СЕМИНАР
Дорнах 7 октября 1920 года
(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной практики — 2

Основой вечера-семинара стали три лекции, прочитанные Романом Боосом 4-го, 5-го и 6-го октября 1920-го года о «Феноменологической социальной науке». Начинается дискуссия.

Герман Айхенбергер (Hermann Eichenberger): Я хотел бы задать вопрос референту. Если пытаться предпринять преобразование общественной жизни в смысле трёхчленности, то надо обдумать, в какой области тут можно начать. То есть, я и хотел бы спросить: Можно ли начать это преобразования общественной жизни с политико-правовой области? А точнее: правильно ли, что можно ли представить правовое правление таким, чтобы народ доверял некой верхушке - или нет? Речь идёт о способе избрания законодательных органов, об избирательной системе. В «основных пунктах» это описывается как фундаментальная вещь.

Ойген Колиско (Eugen Kolisko) полностью придерживается мнения, что необходимо обеспечить почву в парламенте, с которой можно было бы действовать в направлении трёхчленности. От Доктора *Томастика (Thomastik)*, например, исходил призыв с требованием объединить Австрию в один единственный выборный округ, правда без указания на трёхчленность. Этого не произошло, не говоря уже о трёхчленности.

Роман Боос придерживался того же взгляда, что и Доктор Колиско. Он говорил о необходимости, прежде всего, народно-педагогического воспитания, о необходимости читать лекции, чтобы мысль о трёхчленности пронизывала головы людей. Вещи, предлагаемые Доктором Томастиком, по его мнению, является лишь суррогатом, не смотря на то, что они мыслились на благо.

Герман Айхенбергер подчеркивал, что господин Томастик выказал мужество; он также читал лекции о социальной трёхчленности.

Рудольф Штайнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Как раз, об этих вещах, из того, что я о них услышал, мне сказать чего-то особенного нечего. Исходя из моих предыдущих работ, вы можете себе помыслить, что в тот момент, когда я начал деятельность по трёхчленности социального организма, я считал необходимым прежде всего ввести эту трёхчленность как таковую в публичную жизнь современной цивилизации. И с того времени я по самым различным поводам повторял, что для меня, после основательного исследования условий современной жизни, дело обстоит следующим образом: Либо мы сделаем импульс трёхчленности действительно популярным, так что он станет жизнью, - это не утопия, он должен быть жизнью, - либо мы не продвинемся ни на шаг дальше. Сейчас вы можете снова прочитать об этом в моем сборнике статей о трёхчленности социального организма⁷⁵, только что опубликованном штутгартским издательством Грядущего Дня; эта книга называется «В реализации трёхчленности социального организма».

И позвольте мне ещё заметить, что каждое такое высказывание, мол трёхчленность надо выдвигать, как бы, замаскировано, напоминает мне то, что я уже 20 лет переживаю с

⁷⁵ Рудольф Штайнер ссылается на свою антологию (часть GA 24), опубликованную в конце сентября 1920 года под заголовком «В реализации трёхчленности».

антропософией, что снова и снова появляются очень умные люди и говорят: Да, сразу выступать каким-то образом с антропософией мы не можем, нам нужно как-то иначе это формулировать, и тому подобное. - Я видел, что из этого вышло. Я сам никогда не выбирал себе другого пути, нежели тот, что я представлял миру антропософию абсолютно истинным, не прикрытым образом, и всё то, что выступало для антропософии не с открытым забралом, постоянно отвергал, создавая себе этим достаточно врагов, которые мне, в основном, безразличны. И поэтому я могу только сказать, мои многоуважаемые присутствующие, что когда дело доходит до поиска путей для того, чтобы самым прямым и быстрым образом действовать для трёхчленности социального организма, то я рад выступать повсюду, куда бы меня ни позвали. Если же вы хотите выдвигать всякие второстепенные предложения, например предложения по модификации того или иного избирательного закона, которые вообще могли бы приниматься во внимание только в том случае, если бы мы находились внутри трёхчленного социального организма и из этого социального организма выкристаллизовались политико-правовой член, если вы приходите с такими вещами, то я должен сказать, они кажутся мне - я говорю это без эмоций - обновлением старых политических каст, и меня они не интересуют. Они меня не интересуют!

Теперь ставится вопрос:

Я хотел бы спросить Доктора Штайнера, как следует представлять себе организацию свободной духовной жизни? Ведь, именно художников, учёных и других духовных работников труднее всего привести к разумной совместной работе. Как можно представить себе такую организацию? Можно ли здесь вообще говорить об организации в обычном смысле этого слова?

Мои многоуважаемые присутствующие, в отношении этого вопроса я, прежде всего, хотел бы подчеркнуть следующее: О трёхчленности социального организма, как она вошла в мир посредством «Основных пунктов социального вопроса» и другими путями, очень часто говорят так, будто имеют дело с какой-то утопией, в то время как всё то, что там даётся, от начала до конца исходит из чисто практического мышления, а также преследует цель, чтобы её принимали непосредственно практически. С другой стороны, однако, посредством многочисленных вопросов, - тоже с благонамеренных сторон, - этому движению трёхчленности придаётся, как раз, характер утопического. Ведь, сегодня, если вы хотите быть практичным человеком, не идёт речи о том, чтобы делать пятый и шестой шаг, не сделав первого. Теперь же этим вопросом указывается на трудность первого шага. В случае с духовной жизнью, которая в направлении импульса трёхчленности должна быть свободной духовной жизнью, от неё, ведь, меньше всего можно ожидать, что она может как-то реорганизоваться с сегодня на завтра. Но можно реализовать с сегодня на завтра трёхчленность, реализовать непосредственно. Её можно реализовать действительно. Ведь, не нужно делать ничего иного, как то, что таким образом реализовалось в виде Вальдорфской школы в Штуттгарте. И для того, чтобы всю эту дискуссию из абстрактных высот, на которых она сегодня ведётся, немного опустить в область конкретного, я должен указать на это конкретное явление Вальдорфской школы, которое действует уже целый год.

Видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, когда для того, чтобы исходя из определённых принципов вынести какие-то решения, например, решения для школьного образования относительно учебных планов и учебных часов собирается какое-то количество людей, то - я имею это в виду совершенно серьёзно, - эти люди по сути, всегда, конечно, очень умны. И когда они так собираются, можно в параграфе 1, 2, 3 указать, что учителя должны проводить уроки так-то и так-то, в зависимости от предмета обучать согласно тому или этому принципу и так далее. - И я убеждён, что в своём абстрактном содержании эти дюжины параграфов будут замечательны. Они могут содержать прекрасное, но, именно, в абстрактной форме. Можно ли их применять, - это зависит исключительно от того, есть ли для этого люди. Поскольку, - возьмём экстремальный случай, - предположим, что у нас есть

какая-то территория в определённый период времени и, благодаря каким-то условиям, там есть лишь такие люди, которые не могут подняться выше какого-то определённого уровня обучения, потому что, опять же, на этой определённой территории в этот определённый промежуток времени родились не гении, а, скажем, 200 людей среднего ума, так что нет ни одного гения. Ну, можно быть совершенно уверенным, - если думать реально, то это видно непосредственно, - что и тогда эти в меру умные люди выберут своих лучших представителей, которые соберутся и сформулируют свои самые прекрасные параграфы 1, 2 и 3 и так далее, например, что учитель по тому или иному предмету должен учить тому-то и тому-то. Но всё это не имеет никакого значения. Если действительно хочешь рассчитывать на имеющиеся силы, то первое, что нужно сделать, это собрать из числа людей тех, кто считается способным.

Теперь, мои многоуважаемые присутствующие, возьмём пример с попыткой в Вальдорфской школе. Тут не составлялось никаких параграфов, до открытия школы я прочитал самое большее один курс лекций и провёл семинар. В продолжении школьного года у нас было также множество бесед. Я провёл короткий курс-семинар также и сейчас, перед началом второго учебного года. Но всё, что делалось в Вальдорфской школе, делалось сообществом тех личностей, которые там были, то есть, исходя из их способностей и сил; без всяких параграфов каждый делает лучшее, на что он способен. И здесь мы имеем небольшой круг - называйте это, как хотите, - организации свободной духовной жизни, мы имеем здесь небольшой круг, полностью поставленный сам на себя, который действует исключительно исходя из своих собственных способностей и намерений. Нужно было бы извлечь что-то вроде некой выдержки из других инициатив. Это можно было сделать в Вюртемберге, поскольку в школьном законодательстве был пробел, и эта вальдорфская школа смогла заполнить этот пробел. Здесь, в кантоне Золотурн (Solothurn), этого было сделать, как мы все знаем, нельзя⁷⁶. Так что дело в том, чтобы идти не к абстракциям, а к людям, и позволять этим людям делать то, что они действительно могут. Однако здесь надо указать на одну трудность. Если бы импульс трёхчленности был хорошо понят, было бы, конечно, возможно, чтобы представители духовной жизни объединились бы в широком охвате на какой-либо территории, которая уже сформировалась предыдущей историей, ни для чего иного, как для того, чтобы, как раз, понять это установление духовной жизни на саму себя; это означает, что эти представители духовной жизни, - большинство из которых всё же будет состоять из различных учителей различных организаций, - что эти представители духовной жизни действительно проявили бы мужество опираться на самих себя.

В Штуттгарте мы начали с того, что основали, так называемый, культурный совет, - я уже обращал на это ваше внимание по другому поводу, - и мы должны были, разумеется, обращаться к тем, кого это касается. Ведь, мои многоуважаемые присутствующие, нельзя же, вдруг, поставит в духовную жизнь других людей, кроме тех, которые есть. Это само собой разумеется, что те, кто мыслит практически, прежде всего, скажут: мы хотим реализовать трёхчленность социального организма, а не какую-то утопию. - Тут речь идёт, конечно, о том, что поначалу в духовной жизни рассчитывают на тех людей, которые уже есть. Речь идёт о том, что ясно, что эта духовная жизнь поставлена на саму себя, что она высвобождена из единого государства. Уже, благодаря этому, происходит нечто. Только находится мало

76 В кантоне Золотурн создание и управление бесплатными начальными школами было запрещено статьей 12 конституции кантона 1887 года: «Все обучение, даваемое в кантоне, находится под надзором государства». Золотурнский школьный закон от 3 мая 1873 года признавал только публично-государственные, но не государственно-частные начальные школы. Эти правовые положения носили печать «культурной войны»; с их помощью нужно было предотвратить образование конфессиональных школ и отбросить влияние церквей, особенно католической церкви. Хотя эти правовые положения были известны, первая вальдорфская школа в Швейцарии была основана 1 февраля 1921 года по инициативе некоторых родителей из Дорнаха, так называемых «курсов повышения квалификации при Гётеануме». Они сформировали один из экономических и интеллектуальных отделов Futurum A.G.

симпатии, поскольку особенно университетские профессора говорили: Но, ведь, может произойти так, что, если университет будет управлять собой сам, то мой коллега будет само управителем, - нет, лучше уж пусть будет министр, стоящий где-то снаружи. - Поскольку никто не доверяет своему коллеге. Это, конечно, нечто такое, что надо преодолеть. Но реальному мышлению эти вещи представляются так: как бы художники, учёные и интеллектуальные работники ни хотели идти своим путём, решающим является тот факт, что духовная жизнь предоставлена самой себе, так, чтобы в системе образования и обучения от учителя самого младшего школьного класса до университетского профессора решающим было ничто иное, как голос того, кто активно участвует в этой духовной жизни. То, что должно решаться в духовной жизни, должно решаться в более широком масштабе так, как это решается в Вальдорфской школе, то есть, только теми, кто причастен к этой духовной жизни, а не каким-либо парламентом или ему подобным, или каким-то министерством, которое стоит снаружи, или, в лучшем случае, референтом, который, - поскольку он стал слишком стар для обучения, - должен после этого сделать реферат в Министерстве образования.

То, что необходимо прежде всего, так это то, чтобы мысль о трёхчленности социального организма в своём истинном виде вошла в головы людей. Тогда они убедятся, что об этих подробностях вообще не надо думать, а важно то, что духовная жизнь действительно поставлена вне государства, просто потому, что представители этой духовной жизни чувствуют себя самостоятельными, - и, конечно, также являются самостоятельными, - и никакое государство просто не может сделать что-то против. Когда они чувствуют, что предоставлены самим себе, в этот момент возникает совершенно другой вид действия, совершенно другой способ работы в этой духовной жизни. И тогда из этой духовной жизни возникает то, что является прогрессом в смысле трёхчленности и подлинной человечности. То есть, речь идёт о том, что действительно не надо думать, что нужно себя как-то позиционировать и что-то делать, как расставляют в колонны оловянных солдатиков, а нужно принимать жизнь такой, какая она есть, и только вносить в неё трёхчленность, и тогда, конечно, надо брать людей, которые есть сейчас. Но речь идёт также ни о чём ином, как о том, чтобы эти люди понимали, что лежит в идее трёхчленности. Вот что можно сказать по поводу такого вопроса.

Да, мои многоуважаемые присутствующие, ведь, одна организация в духовной жизни уже существует, дела организованы: есть начальные школы, есть средние школы и университеты: организация, некая ткань духовной жизни уже есть. Ведь, речь идёт не о том, чтобы всё это растопить, а о том, чтобы освободить духовную жизнь, и позволить вещам происходить, - и многое, безусловно, произойдет, когда духовная жизнь будет свободна и предоставлена самой себе. Тогда тех глупцов снаружи будет не слышно. Нам есть на что жаловаться в отношении нашей Вальдорфской школы; нам есть на что жаловаться во всех областях, в том числе и здесь, в Дорнахе, в частности, на то, что никто не даёт нам денег; но нам действительно не на что жаловаться в отношении, например, того, что Вальдорфскую школу не слушают. Её слушают, как раз, с большим удовольствием, повсюду хотят слышать учителей, у них нет времени заниматься своими делами, их просто разрывают на части. Тот, кому есть что сказать, того слушают. Но это, как раз, то, о чём идет речь; я ещё буду говорить об этом.

Теперь второй вопрос:

Чем ассоциация отличается от корпоративных организаций?

Ну, мои многоуважаемые присутствующие, тут я снова хотел бы высказаться, опираясь на нечто конкретное: Также и в хозяйственной жизни речь идёт о том, чтобы, как я уже говорил другим вечером, действительно хозяйственно мыслить, что означает, иметь

возможность стоять внутри этой хозяйственной жизни и мыслить там не как-то юридически, или так, как надо мыслить в духовном организме, а, находясь внутри хозяйственной жизни, мыслить действительно экономически. Конечно, сегодня ещё возникают трудности; но речь не о том, поскольку эти трудности совершенно определённым образом, о котором я сейчас скажу, можно постепенно преодолеть. Но речь всё же идёт не о том, чтобы рассматривать, как возникают эти трудности, а о том, чтобы действительно принять этот принцип ассоциации.

Теперь, что мы сделали в Штуттгарте после того, как начали там работать в апреле прошлого года? Видите ли, мы не поставили всё просто на какое-то абстрактное начинание и не просто декламировали, как должны создаваться ассоциации, скажем, среди сапожников, а мы приняли одну популярную в то время мысль. Как раз, в то время, когда мы её приняли, она была популярна не только среди пролетариата, но и даже среди предпринимателей: понятие производственных советов. Но понятие производственных советов, института производственных советов, мы хотим иметь в смысле трёхчленности. Что мы тогда сделали? Мы попытались обратить внимание тех людей, которых этим интересовались, - а таких в определённый период времени было действительно много, - на следующее: Если в одной хозяйственной области вводится институт производственных советов, то это, конечно, будет глупейшим патернализмом вводить на фабриках законодательство, согласно которому на отдельных фабриках должны вводиться производственные советы, - об этом речь идти не может. То, что об этом не может быть и речи, лучше всего было продемонстрировано, когда в Венгрии была введена Советская республика - пожалуйста, прочтите необычайно интересную книгу Варги, который сам, я бы сказал, сидел у колыбели как народный комиссар по хозяйственным вопросам и председатель Высшего экономического совета.

Речь идёт не о том, чтобы таким образом, как это сегодня прописано в совершенно невозможных немецких законах⁷⁷, вводить производственные советы, а о том, чтобы институт производственных советов образовывался сам, исходя из экономической жизни и отдельных ситуаций. А мысль создания института производственных советов из различных отраслей экономической жизни, будь то такие отрасли, которые больше ориентированы на потребление или на производство, принадлежат ли они к тому или иному классу, короче, мысль о возможности, исходя из экономической жизни, воспитания личностей для производственных советов, - эту мысль делали популярной, прежде всего, и особенно среди пролетариата. Если бы вначале был гарантирован приток личностей из хозяйственной жизни, которые затем объединились бы в, своего рода, экономическую постоянную, которая стала бы формирующим органом в определённой замкнутой области и которая работала бы прежде всего, тогда способ выбора таких личностей был бы уже найден. На каждой дискуссии, в которой говорилось об этих вещах, - которые заходили уже довольно далеко до тех пор, пока это стало невозможным, - на каждом дискуссионном вечере [со штуттгартскими рабочими комитетами] я подчёркивал: Первое, что необходимо будет сделать, это заставить пролетариат отвыкнуть говорить всевозможные вещи, исходя из фразы, так, чтобы он лучше всего все эти вещи знал. Это постоянно подчёркивалось мною.

Теперь я хочу привести один пример, - этот пример я всегда с удовольствием приводил также перед пролетариями: после того, как было сказано о трёхчленности социального организма, слово для обсуждения взял один человек, выступавший с коммунистической точки зрения, и заявил, что всё, что было сказано, исходя из трёхчленности социального организма, он мог бы сказать лучше. Он привёл пару коммунистических фраз, и затем сказал,

⁷⁷ Закон о производственных советах был принят Национальным собранием Германии 13 января 1920 года вопреки сопротивлению сторонников радикальных рабочих партий - массовая демонстрация УСПД и КПГ перед зданием берлинского Рейхстага была разогнана пулеметным огнём, - и окончательно вступил в силу 4 февраля 1920 г. 15 февраля 1922 г. он был дополнен законом о делегировании членов производственного совета в наблюдательный совет. Этими законами производственным советам хотя и было предоставлено право участия в принятии решений по некоторым социальным и экономическим вопросам, но они не могли оказывать решающего влияния, - они оставались лишь украшением.

что он всего лишь чинит обувь. Ну, к нему, конечно, не надо придирааться за это, поскольку речь, ведь, идёт не о том, что он делает. Он имел в виду, что как обувщик он не мог бы быть государственным чиновником, но, например, министром - вполне. Теперь смотрите, прежде всего, мы давали людям понять, что речь шла бы о том, что человек работает; и тот, кто обладает практическим мышлением, знает, что посредством общества, если вещами управляют правильно, действительно можно достичь более высокого уровня, по крайней мере, более высокого, нежели тот, что может достичь каждый отдельный, даже самый гениальный член общества; в обществе можно достичь большего. То, что эта ассоциация производственных советов как общество должно было бы осуществить прежде всего, это вначале надо объяснить.

Так каким же должен быть первый шаг в направлении к такой ассоциации? Не задавайте всяких детальных вопросов, пока мы не сделали хотя бы первого шага, пока мы не взглянули на жизнь должным образом, а затем, исходя из этого взгляда, не получили представление о том, как можно построить ассоциации. А это возможно для каждого, какое бы место в жизни он ни занимал, что, если он действительно стоит внутри жизни, если он соприкасается с жизнью, то он каким-то образом понимает, как он может соединиться в ассоциацию с тем, кто стоит к нему ближе всего, - постольку он не просто какой-нибудь олень, который не стоит в действительной жизни, а именно в [действительной] экономической жизни. Это то, на что, мои многоуважаемые присутствующие, надо в первую очередь обращать внимание при осуществлении первого шага в экономической жизни: что нужно вообще прийти к ассоциации, - точно так же, как в духовной области, главное, чтобы люди поняли, что это вообще значит, быть самостоятельным внутри духовной области. Это то, что об этих двух областях можно сказать прежде всего. И только когда будет ясно, как вести себя в этих двух областях, которые должны быть признаны самостоятельными, тогда остаётся политико-правовая области. Тогда она уже определится, поскольку здесь речь идёт прежде всего о том, чтобы правильно сформировались эти два крыла: духовная жизнь и экономическая жизнь. Третья - это уже остаток. Она проявится только тогда, когда будет наведён порядок в обоих прочих крыльях. Это то, что надо сказать о политико-правовой жизни, исходя из идеи трёхчленности.

Далее к одному возражению:

В лекции господина Ита было сказано, что отношения между ценой товара и отдельными издержками производства должны регулироваться из правового поля.

Ну, если бы это действительно было сказано, то это, разумеется было бы неверным, поскольку область права не имеет с ценой товара ничего общего. Ведь, цена товара, по сути, возникает только из того, что посредством ассоциаций получается в качестве взаимной стоимости по принципу первичной экономической ячейки, о которой я здесь уже говорил.

Это не было ясно выражено, что эти отношения осуществляются не в правовой области, а только в экономической.

Ну, существенно здесь то, что как распределение того, что вырабатывается в продукте труда, является, конечно, делом экономической области, так и другое, [цены], это совершенно ясно.

Следующий вопрос:

Надо ли фиксировать цену товара?

Мои многоуважаемые присутствующие, если вы мыслите реально, - а трёхчленность социального организма надо, как раз, мыслить реально, а не абстрактно, - то речи о фиксации

цены на товары быть совершенно не может. Если же вы будете мыслить реально, вы поймёте, что цена на товары является тем, что, как бы, просто получается на какой-то территории, благодаря тому, что определённое количество людей на этой территории нуждаются в определённых вещах в определённом количестве. И нужно знать: только когда цена не может удерживаться на одном уровне, если цена слишком высокая, только тогда необходимо, чтобы ассоциации позаботились о том, чтобы соответствующий продукт выпускался в большем количестве. Ведь, речь идёт всё же о том, чтобы организовать хозяйственную жизнь так, чтобы цена, которая получается, исходя и потребностей, могла достигнуть соответствующего уровня. Этого нельзя достигнуть путём фиксации цен, поскольку, ведь, ясно: Если цена на какой-то товар слишком низка, то производится слишком много этого товара. И тогда речь идёт о том, чтобы регулировать производство этого товара посредством того, что рабочие, занятые в производстве этого товара, переводятся в другую область производства. Если же за товар платят слишком много, то - наоборот.

Речь идёт не о принятии законов. Ассоциациям не придётся издавать законы; ассоциации должны непрерывно работать, чтобы, во-первых, фактически, не производилась ненужная работа, растрачивая впустую многое из того, что я здесь уже охарактеризовал, и чтобы, во-вторых, каждый действительно был поставлен на то место, где он может работать лучше всего, но в интересах общего. Эти ассоциации должны будут работать именно для того, чтобы придать хозяйственной жизни соответствующую конфигурацию. То есть, речь идёт о том, чтобы сначала продумать первый шаг, о формировании ассоциаций, и о том, что затем эти ассоциации просто начнут работать; они могут просто работать, как только они появились.

Теперь ещё один вопрос:

Распределение доли прибыли будет устанавливаться только внутри предприятия?

Об этом и речи быть не может; а вопрос потребностей отдельного человека в какой-то экономической области будет зависеть от всей этой области. И тот факт, который здесь рассматривается, - распределение доли прибыли внутри предприятия, - собственно, не будет реальным фактом, поскольку его надо просто выводить из ассоциативного. Тот, кто производит то или иное, должен получать то или иное за продукт своего труда. Просто не может быть речи об установлении доли прибыли внутри предприятия, поскольку уже во всей организации хозяйственной жизни заложено то, что человек должен получать свою соответствующую долю прибыли.

Теперь, мои многоуважаемые присутствующие, я хотел бы подвести итоги, поскольку уже почти 11 часов и мы не можем говорить до полуночи. Я хотел бы ещё кое-что сказать; но, как всегда, до собственно конкретных вопросов дело доходит слишком поздно. В качестве подведения итогов я хотел бы сказать следующее: Видите ли, этот импульс трёхчленности социального организма был принесен в мир в надежде, что найдутся люди, которые его примут. Ведь что нам нужно сегодня? Сегодня нам не надо что-то выдумывать относительно того, как лучше организовать то или иное, например, планы уроков. О, я убежден в этом: даже совершенно не талантливые люди, если они сядут и разработают для себя планы уроков, то эти планы будут очень хорошими. Я имею в виду это совсем не юмористически, а со всей серьезностью. Речь идёт о том, чтобы у человека было также понимание реальности, чтобы он знал, что можно делать с реальностью.

Ну, вы, правда, можете, конечно, сказать: Вы, ведь, организовали культурный совет, вы организовали институт производственных советов, и ничего не получилось. - Но ничего не получилось, как раз, потому, что люди стали всё просчитывать и спрашивали: Хорошо, но что теперь в этом трёхчленном социальном организме будет с моей швейной машинкой? - Мои многоуважаемые присутствующие, это только один из вопросов, но такие вопросы о деталях

действительно были, я могу привести их тысячами. Надо было бы понять, что то, что лежит в трёхчленности социального организма, нужно было бы прежде всего рассматривать так, как в математике рассматривают теорему Пифагора. Как вы думаете, сможет ли кто-нибудь понять, правильна ли теорема Пифагора, пытаясь изучать различные прямоугольные треугольники? - Нет, он знает: Однажды поняв её, речь теперь идёт о том, чтобы правильным образом применить её к отдельным случаям. И речь идёт также о том, чтобы вещи в «Основных пунктах социального вопроса» понять сами по себе. Надо знать, что их можно применить в действительности, если, конечно, только освоить для этого практические навыки и практический настрой. Это важно. То что с этими вещами ничего не получилось, в этом в некоторой степени было виновато то, что я сейчас не хочу обсуждать, мои многоуважаемые присутствующие. Но я не стесняюсь сказать, что в отношении того, что я попытался сделать, а также относительно других шагов, дело обстоит так: Надо просто продолжать пытаться это делать, пока это не будет понято. Надо, конечно, попытаться сделать разные вещи, - я знаю, что многое ещё подвержено недоразумениям и двусмысленностям, - всё придется перепробовать, пока эти вещи не будут поняты. И они не поняты до сих пор.

Когда я увидел, что ничего нельзя сделать с просветлёнными представителями духовной жизни, что ничего нельзя сделать с пролетариатом, который обратился к вере в авторитет, которая гораздо хуже, чем когда-либо была вера в авторитет католической церкви, - то есть, когда стало видно, что с представителями духовной жизни и с пролетариатом делать нечего, тогда речь зашла о том, чтобы больше об этом не дискутировать, а делать что-то реальное. И тогда я подумал, что надо хотя бы посмотреть, не найдется ли в широком охвате центрально-европейской области человек пятьдесят⁷⁸, которые действительно в достаточной степени страдают от нищеты и нужды, которых можно было бы просто собрать в Штутгарте и дать им основы для действий в общественной жизни. Поскольку сегодня большинство выступает в общественной жизни без всяких основ, без всяких знаний о том, что было раньше и что

78 В связи с вопросом о том, как эффективнее пропагандировать идею трёхчленности, в начале марта 1920 г. возникла идея обучить для этого избранную группу людей - около четырех десятков человек - под руководством Рудольфа Штайнера. Так Ганс Кюн (Kühn), глава экономического отдела Федерации по трёхчленности, писал в циркуляре № 43 от 5 марта 1920 года: «Необходимо пропагандировать трёхчленность только в целом и, прежде всего, привлечь на свою сторону людей, которые могли бы полностью задействованы как ораторы. Через несколько недель планируется провести курс для таких личностей». Этому призыву последовало несколько желающих, но этого количества оказалось недостаточно. В письме № 48 от 1 апреля 1920 года Кюн указывал снова: «Поэтому мы повторяем, что думаем развернуть широкую пропаганду таким образом, чтобы у нас было несколько десятков хорошо подготовленных ораторов, которые полностью владели бы идеей трёхчленности, во-первых, чтобы удовлетворить большую потребность местных групп в ораторах и, во-вторых, дать нашему движению импульс, который абсолютно необходим, если оно хочет подняться от чисто литературной пропаганды к действительно широкому движению». В то же время он обозначил дату для этого курса, во второй половине апреля, который должен был длиться четырнадцать дней. Но курс не состоялся; нашлось слишком мало людей, готовых полностью посвятить себя этому делу на такой срок. В Циркуляре № 51 от 24 апреля 1920 года Кюн вынужден был признать: «Осуществление этих планов представляется в данный момент преждевременным, так что единственный вопрос, который может сейчас возникнуть, — это подготовка тех ораторов, которые впоследствии должны были работать в своих местных группах и которые хотят получить знания и опыт в Штутгарте». Такой курс для ораторов был запланирован на конец мая или начало июня, - если позволило бы время Рудольфа Штайнера. Но должно было пройти несколько месяцев, прежде чем это наконец произошло в феврале 1921 года (в GA 338). 1 августа 1920 года в речи по случаю инаугурации Вальтера Кюна в качестве нового главы управления Федерации по трёхчленности Рудольф Штайнер прокомментировал этот нереализованный проект (запланированный для GA 337): «Итак, этой весной мы думали провести здесь курс, который должен был взять за основу то, что сегодня действительно должен знать человек, не привитый социалистическими фразами и не украшенный партийными лозунгами перед публикой, чтобы говорить о том, что необходимо в сегодняшнее время. При этом речь шла не - как ошибочно предполагалось — об ораторском курсе, а о чём-то, что должно было работать в этом направлении. Когда мы затем начали отбирать людей, которые должны были принять участие в таком курсе, в результате курс не мог начаться, потому что в доступной для нас области не нашлось подходящих слушателей для такого курса».

происходит сейчас, иначе никогда не было бы таких национальных собраний⁷⁹, как те, что состоялись в Веймаре; они говорят, исходя из различных эмоций, возникающих даже не на основе новейшего опыта, а которые являются выражением старых исторических и старых политических воззрений. Это, ведь, является существенной частью наших теперешних партий, что то, что представляется теперешними партиями, не имеет никакой объективности, является лишь тень того, что когда-то было. Тогда речь шла о том, чтобы найти эти пятьдесят человек, чтобы таким образом могла начаться реальная общественная деятельность. Но этих пятидесяти человек, мои многоуважаемые присутствующие, не нашлось!

То, о чём сегодня идёт речь, так это не дискутировать абстрактным образом о выборных законах и о том, можно ли ассоциацию сравнивать с корпорацией и так далее, а о том, чтобы найти как можно больше инициативных людей, поскольку сегодня важно не то, как мы выбираем, а то, чтобы соответствующие посты заняли подходящие люди. И уже сегодня те, кто внутренне наполнен пониманием, наполнен прозорливостью, наполнен практическим смыслом трёхчленности социального организма, лишь бы их было достаточно - с малым числом ничего сделать нельзя, - эти люди с инициативой будут работать. Они будут избраны на нужные места, сколько бы их ни было и какими бы ни были законы о выборах, и произойдет то, что должно произойти. Поэтому в первую очередь речь идёт о том, чтобы найти достаточное количество людей с видением нужд времени и требуемой инициативой. Если можно было следовать за теми, кто окунул мир в грязь, поскольку они, по крайней мере, развили обучаемую (*angelern*) инициативу, то, безусловно, последуют и за теми, кто развивает здоровую инициативу. Поэтому сегодня нам нужны люди с инициативой и видением. И если нам удастся найти людей с инициативой и видением, то только тогда в нашу жизнь войдёт трёхчленность, не раньше. Но мы должны идти к этой цели прямым путём, без масок и без прикрас.

79 После падения немецкой монархии 19 января 1919 года состоялись выборы в национальное учредительное собрание. Впервые это произошло 6 февраля 1919 года в Веймаре. Новая конституция Германии была принята Национальным собранием 31 июля 1919 г. и вступила в силу 11 августа 1919 г. После принятия конституции Национальное собрание собралось в Берлине. Срок полномочий Национального собрания закончился 6 июня 1920 года, в день выборов в первый рейхстаг. В Национальной ассамблее с 423 местами СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) была самой крупной партией с 165 местами, за ней следовали Z (Центр) с 91 местом, ГДП (Германская демократическая партия) с 75 местами и НННП (Немецкая национальная народная партия) с 44 сит.

ТРЕТИЙ ВЕЧЕР-СЕМИНАР
Дорнах 11 октября 1920 года
(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной практики — 3

Роман Боос хотел бы обсудить, как - по мнению тех, кто задействован в экономической жизни, - с экономической точки зрения сделать так чтобы разработанное здесь во время курса высшей школы, привело к плодотворным результатам.

Карл Унгер: Я хотел бы предложить тем, кто обладает экономическим опытом, навыками и знаниями, попытаться прощупать различные центры, чтобы опыт мог проникнуть туда, где есть возможность достижения реальных отношений экономического характера. В «Futurum» уже приготовлен лист для регистрации таких экономистов, чтобы из этого вышло нечто действительно экономическое.

Я хотел бы представить определённые типичные явления из самой экономической жизни на примере одного небольшого предприятия машиностроительной области⁸⁰. Это предприятие было основано мною в 1906-ом году для производства некоторых деталей машин, которые в то время пользовались большим спросом. После открытия в 1907-ом году разыгрался большой кризис, когда продажи застопорились. Тогда необходимо было вложить большие суммы капитала, чтобы создать техническую базу для удовлетворения спроса. 1914-ый год был пиком; когда разразилась война, всё замерло совершенно; благодаря самой войне тогда возник, своего рода, бурный спрос; возникли трудности с сырьём, надо было искать помещения. И так появился большой капитал, в частности, нужно было добиться высоких процентных ставок по банковскому капиталу. С концом войны, похоже, началось благоприятное хозяйственное сообщение; господствовала ненормально высокая конъюнктура. Необходимо было искать новые подходы к рабочему классу, выдвигать новые точки зрения; трёхчленность при этом доказала свою ценность на практике. Я могу рассказать обо всём этом только в общих чертах. Возникла большая потребность в капитале. Началось удорожание без какой-либо возможности контрмер с другой стороны. В этой ситуации стало ясно, что индустриальное предприятие было пожирателем капитала, и надо было задаться вопросом: Жизнеспособно ли такое предприятие в смысле будущей самоформирующейся экономической жизни или нет? Мы оказались перед различными альтернативами: Или, для того, чтобы на место нахлынувшей потребности в капитале, которую приходилось удовлетворять с другой стороны, инвестировать что-то в экономику, что даёт надежду на будущее, искать связи с какими-то соседними предприятиями. Или, чтобы не быть раздавленным капитализмом, продавать производственным обществам. Или, в-третьих, была возможность вырвать предприятие из всей экономики и пустить плуг по земле. Однако, это было невозможно из-за работающих там людей.

Исходя из этой ситуации, развилась необходимость в неком ассоциативном предприятии; оказалось совершенно необходимым реальное присоединение к ассоциации, так что предприятие было присоединено к «Грядущему Дню». Разумеется, речь идёт только о первом начале того, что должно было сформироваться из «Грядущего Дня». Но, по крайней мере,

80 Карл Унгер ссылается на свою собственную компанию, станкостроительный завод «Carl Unger», которым он руководил вместе с Фридрихом Бёмом в организационно-правовой форме открытого коммерческого общества. С 1 января 1920 года она входила в Союз предприятий «Грядущего Дня»; официальное название компании теперь было: «Der Kommende Tag A.G. vormals Carl Unger Werkzeugmaschinenfabrik» («Грядущий День АО, бывший станкостроительный завод Карла Унгера»)

есть возможность оставить такое предприятие на плаву экономически здоровым образом и, благодаря присоединению к «Грядущему Дню», и формированию некоего центра, иметь возможность пережить надвигающиеся кризисы. Таким образом можно обменяться опытом отдельных людей относительно результатов деятельности их предприятий и так далее, что затем несомненно приведёт также к тому, что между собравшимися со всех сторон людьми смогут возникнуть реальные экономические связи. Это один из действительных примеров экономической жизни, как они представляются сегодня.

Роман Боос предоставляет слово банкиру Адольфу Коху.

Адольф Кох: Уважаемые Дамы и Господа! После вчерашних впечатляющих объяснений Доктора Штайнера больше нет необходимости и дальше распространяться о возможности создания ассоциаций и о том, как это делать. Вопросом является, во-первых: Что мы можем сегодня включить в такую ассоциативную экономику? Например, индустрию искусственных цветов? Ведь, она тоже требует освоение капитала и так далее. Нам теперь необходимо узнать, какие вообще потребности подлежат удовлетворению в немецком народе. Когда мы практическим образом подходим к жизни и видим, что, с одной стороны, мы должны есть заплесневелый хлеб, а, с другой стороны, возрождается индустрия роскоши, и на неё выделяется огромное количество сырья, тогда мы должны спросить: Что мы включим в нашу ассоциативную экономику прежде всего? Если «Грядущий День» в состоянии включить в себя также и сельскохозяйственные предприятия, то это очень приветствуется; но мы должны повсюду видеть, что мы можем включить и машиностроительную, и другие индустрии. Это, прежде всего, основа, на которой может развиваться всё человечество. Сегодня в Германии мы оставлены на самих себя, и нам нужно снова встать на ноги; нужны продукты питания, одежда, уголь и так далее. Во вторых: «Грядущий День» как таковой. Я говорю здесь как банковский специалист и, как я уже сказал, не имею никакого действительного отношения к «Грядущему Дню»; я говорю вполне объективно, исходя из собственного опыта. Если мы хотим освободиться от коррумпированной государственной системы в Германии, то предприятия, подобные «Грядущему Дню», как оно и задумано, дано для того, чтобы освободить нас от всего того гнилого хлама, который господствует сегодня в Германии. Каждый, кто имеет дело с капиталом, должен выйти из старого и войти в трёхчленность.

Немецкие бумажные деньги в конечном счёте являются ни чем иным, как требованием к большому коррумпированному государству, каков он есть. Если мы вытаскиваем себя из него, мы избавимся от этих бумажных денег, которые всем уже надоели из-за своей загрязнённости не только внешней, но и внутренней. Крупные банки в Берлине имеют около 40 миллиардов иностранных фондов, сбережений; они сидят там как огромные пауки и высасывают все свободные деньги. Около 60% из этих 40 миллиардов вложено в государственные казначейские векселя, на которые муниципалитеты и города отдают еще 15%, так что каждый человек теоретически находится с этими 750 марками в браке с государством. Как нам из этого выйти? - Человек вкладывается в «Грядущий День» предполагая, что «Грядущий День» вложит эти средства в продуктивные предприятия. Это даёт возможность людям сказать себе, в случае полного краха: зато у меня есть связь с продуктивными предприятиями. Таким образом, здесь помогает эгоизм капитализма; при капитализме у вас также есть средства, с помощью которых можно воспитывать людей. Это совсем неплохо в сегодняшней ситуации. Говорю как банковский специалист. Я не имею никакого отношения ни к тому, ни к другому предмету, о котором говорю в пользу того или другого. Если вы ставите в «Грядущий День» людей, которые действительно хотят того, что необходимо, то здесь создаётся зародыш для реконструкции, первичная клетка для реконструкции. Я говорю как практикующий специалист с людьми, которые, как я полагаю, хотят что-то услышать о банковской практике.

Господ, с которыми я однажды беседовал в Штутгарте в январе этого года, я прошу после окончания не расходиться. Я должен сделать несколько личных замечаний.

Рудольф Штайнер: Не правда ли, сейчас в наглядной и профессиональной форме вы слышали то, что об определённой проблеме можно сказать с точки зрения научного мышления. И к этому я хотел бы кое-что добавить.

Сегодня мы должны - этому нас учит время — любую хозяйственную проблему рассматривать с двух сторон. Одна сторона, - это та сторона, которая была здесь очень объективно представлена, другая сторона - это социальное. И также такие предприятия как «Грядущий День» или «Futurum» - как бы иначе ловко и практично они ни управлялись - зависят от того, чтобы, по мере приближения состояния, при котором мы больше не сможем работать, они находили бы опору также и с социальной стороны. Поскольку, не правда ли, сколько бы мы не инвестировали денег в продуктивные предприятия, - когда наступит время, когда мы не сможем работать, мы не переживём также и экономический кризис. То, что можно делать с одной стороны, должно быть также поддержано с другой стороны, посредством социального действия. Они должны проходить, по меньшей мере, параллельно. Ведь, вам надо только указать на то, что сегодня могло бы произойти. Предположим, каким бы добрым ни был заводчик какой-то фабрики, сколько бы он ни делал для своих рабочих: когда речь зайдёт о генеральной забастовке, то его рабочие выйдут на эту забастовку или нет?

Выкрик: Да!

И пока мы не преодолеем эту проблему, невозможно надеяться на действительное оздоровление экономической жизни. Здесь непременно надо ввести социальный вопрос.

Постоянно совершаемая ошибка заключается в том, что экономически мыслят так, что это мышление протекает, собственно, только в рамках производства, и не доходит до собственно рабочего. Ведь, при сегодняшней организации хозяйства рабочий получает в действительности часть капитала, не зарплату (Lohn), - если это только обдумать, то так оно есть. Это действительное положение дел, но это то, с чем мы дальше не продвинемся. И поэтому необходимо, после того, как мы получили опыт с апреля прошлого года, энергично и объективно взяться за ассоциативный принцип. Необходимо наконец отказаться от старого заблуждения, что с одной стороны есть крупномасштабное предпринимательство, которое что-то делает, в лучшем случае, в патриархальном смысле, а с другой стороны есть рабочая сила, сплочённая в профсоюзы, так что отдельный рабочий находится под ужасным гнётом. Вначале нужно преодолеть этот зазор, а это не может произойти никак иначе, как посредством подготовки реальных ассоциаций. Реальных ассоциаций, состоящих из объединения людей, с одной стороны, - со стороны предпринимающей, управляющей стороны, стороны духовных работников, - и с другой стороны, рабочих. Тогда, ведь, вначале получится хозяйственная, действительно социальная хозяйственная ассоциация, которая будет тогда нести в себе характер [совместной работы] потребителей и производителей сам по себе, его тогда не надо формировать специально. Ассоциации должны иметь эту цель, и эта цель должна энергично поддерживаться агитацией. Иначе дальше мы не продвинемся. И эта цель должна состоять в том, чтобы [прежде всего] распустить профсоюзы⁸¹ и

81 Рудольф Штайнер не был против социальных целей профсоюзов — улучшения материального положения рабочих, — но отвергал профсоюзный путь как недостаточный и слишком мало делающий для достижения этих целей. Это было связано с тем, что профсоюзы всё ещё исходили из представления о рабочей силе как о товаре, который они старались продать как можно дороже через коллективное объединение. При этом, однако, они были принципиально заинтересованы в продолжении существования противопоставления между капиталом и трудом и, таким образом, оказывали стабилизирующее воздействие на систему, хотя отчасти против их воли. Для Рудольфа Штайнера было ясно, что дальнейшее существование профсоюзов в их прежней форме, с полной властью их руководства, помешает формированию ассоциаций - по его

односторонние сегодня пролетарские и рабочие союзы, чтобы дать возможность возникнуть ассоциациям между обоими сторонами, чтобы в условиях экономического кризиса у нас были предприятия, в которых мы можем сохранить рабочих. Вы можете сказать: это невозможно, если вообще не приведёт к разрушению экономической жизни. - Но это надо попробовать. Не поставив себе цели и не выпуская её из виду, убрать профсоюзы, мы не продвинемся дальше в хозяйственной жизни. И должны быть созданы организации. И было бы гораздо полезнее говорить об этом практическом пути, чем строить утопические планы о том, как в будущем государстве могли бы образоваться ассоциации. Речь всегда идёт о том, чтобы понять ближайшую задачу. Ближайшая задача состоит в растворении, подрыве всей профсоюзной жизни.

Оскар Шмидель (Oskar Schmiedel): Очень трудно говорить после господина Доктора Штайнера, поскольку лучшие мысли он уже высказал.

Это совершенно верно, мы не продвинемся дальше, если не избавимся от профсоюзных организаций. Но как это сделать? Вот вокруг чего все разговоры. «Грядущий День» должен быть той губкой, которая засосёт в себя 40 миллиардов накоплений. Я убежден в полной уместности мыслей господина Коха о поддержке и укреплении наших устремлений капиталистическим образом. Но «Грядущий День» [для стоящих вовне] сегодня является ни чем иным, как опять же, как бы, капиталистом, капиталистом, которому нужен капитал и нужна прибыль для осуществления своих устремлений. Тут меня обмануть нельзя. Я уже говорил об этом с людьми, далекими от здешних устремлений, - они говорят: цель оправдывает средства.

Определённо, «Грядущий День» хочет получать прибыль, но эту прибыль он хочет использовать для совершенно иного, нежели её используют капиталисты, он хочет использовать её во благо общего. Ещё до того, как я узнал о книге Доктора Штайнера о трёхчленности социального организма, я задался вопросом: Как нам выйти из этого ужаса социалистического и капиталистического? - После прочтения этой книги я вздохнул и спросил себя: Как это действует на других? - Несомненно, что материал чрезвычайно хрупкий, чтобы передавать его другим. И по-другому не может и быть. Встаёшь перед вопросом: как сделать это понятным другим? - Мне до сих пор не удалось добиться чего-то существенного в этом направлении, и поэтому я должен обратиться с просьбой к тем из собравшихся здесь, кто, вероятно, знает эти идеи гораздо дольше, чем я, поделиться своими мыслями. Я думаю, самое главное, это постоянно привлекать к этой идее трёхчленности новых людей.

Выкрик: Совершенно верно!

Они выступают перед рабочими, как перед стеной. Даже если отдельные доступны и разумны, вы немедленно встречаете сопротивление, если захотите привести эти идеи на фабрику, вы тут же наталкиваетесь на стену цеховых старост и самих руководителей. Для ответственного руководителя индустрии это ещё сложнее, если он сам не является собственником. Раньше людей поддерживали едой и одеждой; сегодня это уже не так. Лидеры рабочих, большинство из которых имеют очень ограниченный кругозор, просто хотят быть главными. Рабочий - эгоист; он спрашивает себя: что я получаю от этого материально? - В трёхчленности для настоящего не предлагается ничего, - максимум только для будущего. Тогда часто из эгоизма говорят: от моих прав, которые приобрёл мой отец и я сам, я, конечно, добровольно отказываться не собираюсь.

мнению, единственной реальной основе для солидарной экономики и, таким образом, для ликвидации социальной нищеты. Он смог испытать это именно в связи с попыткой в 1919 году ввести автономный производственный совет, чем и объясняется его резкое неприятие профсоюзной организации.

Материал, как уже было сказано, очень хрупкий. В Вюртемберге, в смысле свободы от предрассудков, у вас несомненно лучшее положение, нежели в Верхней Австрии; здесь половина крестьян, половина индустриальных рабочих, - для активации духовного тут искать нечего. Но должен же быть какой-то путь. И это, как раз, то, что меня интересует. Вопрос трёхчленности социального организма в целом тоже является, собственно, вопросом власти; сюда относятся и насилие, даже для того, чтобы внести в человечество лучшие мысли; к хорошему, к лучшему тоже надо принуждать. Если бы у меня было несколько кавалерийских полков, возможно, это было бы возможно, или денег, много денег тоже сюда относятся. В прессе об этом почти ничего нет. Нам нельзя терять время. Вопрос в том, как подойти к этому на практике, чтобы всё же посредством силы мысли продвинуться вперед.

Вильгельм фон Блюме (Wilhelm von Blume): Я не экономист и, возможно, вообще не выступал бы здесь сегодня, если бы меня не побудили к этому слова последнего выступавшего. Я хотел бы сразу же пояснить одну вещь: я хочу прояснить одно: я всё же полагаю, что вопрос трёхчленности - это в конечном счете не вопрос силы, а вопрос доверия, и он будет прежде всего зависеть от завоевания доверия тех, кого это касается.

Теперь, со своей стороны, я пытался проводить лекционные туры, чтобы очень личным образом воздействовать на предпринимателей, а также на тех, кто сегодня что-то значит; особенно в Рейнской области и Вестфалии, и таким образом получил какой-то опыт. Глядя с очень определённой точки зрения, очень быстро приходит в голову одна мысль, и это идея самоуправления экономики. Сразу приходит такое чувство. Однако, затем мыслится капиталистически; они думают, что могут использовать свою власть, чтобы оттеснить это государство, которое всегда им мешает, и создать свое собственное экономическое государство во главе которого в конце концов окажется кто-то, вроде Гуго Стиннеса⁸². Тем не менее, когда требуется чистое разделение государства и хозяйства, позвольте всё же наполнить дело нужным духом. Но социальная сторона всего дела, которую так сильно подчеркивал господин Доктор Штайнер, они тоже видят очень точно, но они подготовили следующее: они хотят расширить «рабочее сообщество», - используется это ключевое слово, - ещё больше, они хотят народно-экономического сообщества между капиталистами и рабочими. И рабочие то и дело откликаются на это. Мне нужно только напомнить вам об угольной промышленности, которую рабочие в основном сами представляют себе вполне капиталистически, - рабочие думают более капиталистически, чем капиталисты; они очень хорошо видят прибыль, которую они при этом получают. Но всё хозяйство всё же продолжает при этом приходить в упадок. Поднимаются только такие отрасли хозяйства, как угольная промышленность, как, с другой стороны, и вся банковская система, потому что для работы предприятий постоянно требуются кредиты. Остальные отрасли хозяйства постепенно гибнут. Здесь нужно вмешаться, надо разъяснить рабочим, что они не только производители, но и потребители, что рабочие общества создаются так, как представил это вчера господин Доктор Штайнер. Большая опасность состоит, прежде всего, в том, что людей просто призывают к тому, что предприниматели и рабочие должны договариваться друг с другом. При любых обстоятельствах необходимо проводить производственную и потребительскую политику, и осуществлять производство с точки зрения потребления.

82 Гуго Стиннес (нем. Hugo Stinnes; 12 февраля 1870, Мюльхайм-ан-дер-Рур — 10 апреля 1924, Берлин) — немецкий предприниматель и политик, основатель горнодобывающей и металлургической бизнес-группы Hugo Stinnes GmbH. Один из крупнейших промышленников Европы первой четверти XX века. Был известен в качестве рейдера. Практиковал социальное партнёрство, способствовал формированию социального законодательства Германии. Активный националист, сторонник германской экспансии в Европе. В Веймарской республике депутат рейхстага от Немецкой народной партии. Финансист фрайкоров и Антибольшевистской лиги, спонсор НСДАП. Обладал репутацией «хозяина Рура» и «нового императора Германии» (Википедия, прим. пер.).

Таковыми путями до рабочих доносятся правильные мысли. Профсоюзы сегодня действительно являются серьёзным препятствием, поскольку они наполнены старым духом. Но этот закон о производственных советах приведут профсоюзы к гибели. С этим законом, который, который, ведь, мыслился совершенно иначе, в очень недалёком будущем профсоюзы постепенно полностью придут в упадок,

Выкрик: Совершенно верно!

так что нам, вероятно, не придётся оказывать для этого большую помощь, а нам останется указать только на позитивное, на созидательное. Наверное, можно надеяться на то, что так случится и с другими вопросами. Надо обращать внимание на опасности и ни в коем случае не позволять продвигать дело до конца в неверном направлении.

Ханс Шведес (Hans Schwedes): Я могу вам рассказать кое-что о профсоюзах. Меня направили туда, как раз, для того, чтобы я мог дать пояснения к мыслям об ассоциациях. Лидеры профсоюзов, вместе со своими сопартийцами, руками и ногами защищались от новых мыслей, опасаясь, что, благодаря этим новым мыслям, они потеряют свои профсоюзные группы и посты. Сами же рабочие, которые как правило мало об этом думают, совершенно безвольно позволяют руководить собой. Если бы с нашей стороны всё было объяснено и организовано правильным образом, было бы возможно достучаться до рабочих. Мы должны в кратчайшие сроки добиться такой ассоциативной экономики, потому что к этому подталкивают обстоятельства. Ни при каких обстоятельствах мы не можем ждать ещё несколько лет, пока нам не поможет в этом какое-либо событие. Такая активность должна была бы быть тесно связано с социальной активностью, широкой социальной активностью, которая внесла бы в общественное мнение идею о трёхчленности социального организма. Потребительские круги также становятся всё более беспокойными и всё больше и больше требуют права участия в организации условий, особенно в ценообразовании. Как раз, для того, чтобы уловить это настроение и внести на эту почву нечто такое, что могло бы помочь нам организовать такую ассоциативную экономику, нужно было бы провести крупную акцию для трёхчленности социального организма.

Мы слышали от Доктора Штайнера, что необходимо навести мост между рабочими, с одной стороны, и предпринимателями, с другой. Как насчёт того, чтобы мы, может быть, здесь присутствующие, я имею в виду тех из вас, кто является предпринимателем, практиком в экономической жизни, основали бы здесь объединение с целью создания ассоциаций, то есть, стали бы заниматься всем тем, что может привести к созданию таких ассоциаций. Возможно, кто-то из вас смог бы приехать в Дармштадт, кто-то, кто всё об этом знает, и прочесть там лекцию для приглашенных предпринимателей и подробно обсудить идею ассоциаций. Здесь наверняка найдутся те, кто откликнется на эту идею и обсудит с этими предпринимателями, как проводить просветительскую работу с рабочими. Если бы предприниматели взяли на себя проведение различных образовательных мероприятий, которых хотят рабочие, например, поддерживающие их стремление к высшему образованию, если бы предприниматели участвовали в такой работе, так что, например, можно было бы организовать лекции, - конечно, речь там должна была бы идти о том, что касается ассоциаций, - тогда на основе взаимного доверия можно было бы найти возможность действовать, тогда можно было бы создать определённое настроение у общественности.

Таким образом, чтобы найти практическую отправную точку, я предлагаю основать свободную ассоциацию предпринимателей, целью которой является продвижение идеи ассоциации как таковой всеми способами, а именно, через мероприятия в Дармштадте, чтобы создать почву, на которую можно опереться.

Роман Боос: Мне кажется, что при пропаганде идеи ассоциаций нужен другой подход. В случае с ассоциациями важно дать им практическую основу, а не пропагандировать идею как таковую. И создавать специальное объединение работодателей только для пропаганды тоже было бы неправильным; «Futurum» и «Грядущий День» должны играть практическую роль, чтобы эти различные организации работали вместе, чтобы то, что разрабатывается в Вальдорфской школе и Союзом высшей школы⁸³, и то, что представляет Союз для трёхчленности, представлялось с наибольшей интенсивностью, но всеми этими группами вместе. А не то, что трёхчленность как таковая не будет ещё повсюду скомпрометирована, если она представляется просто делом кружков работодателей!

Неоднократно было показано, что, посредством соприкосновения с членами этих различных кружков, рабочие отрывались от мира идей своих профсоюзов и партий. Например, Базельская молодежная организация провела здесь мероприятие, посвященное тому, как такой образ мышления требует другого способа формирования мыслей. Подобным образом, несколькими неделями позднее состоялась встреча с членами евангелического объединения рабочих. В обоих случаях, по тому как эти люди писали потом в газетах, можно сказать, что они были вырваны из своих привычных сфер мышления.

А теперь к вопросу директора Шмиедель: Как, собственно, внедрить мысли о трёхчленности в головы людей? - На какого-то рабочего производит огромное впечатление, когда ему говорят: исходя из этих мыслей, получают научные результаты и медицинские знания, - поскольку, ведь, он живет этими вещами, хотя и популярным образом. Это производит на него чрезвычайно сильное впечатление. И именно потому, что он всё ставит на научную основу, хотя бы только согласно слову, надо стараться продвигаться вперёд широким фронтом, по возможности работать самым широким фронтом.

Эмиль Ляйнхас: Господин профессор фон Блюме уже указал на силу, о которой он говорит, что она «всегда хочет зла и всегда творит добро»⁸⁴. Я думаю, нет сомнений в том, что эта сила проявляется чрезвычайно мощным образом. Я не думаю, что будет достаточно помочь лишь совсем немного, но учитывая то, как обстоят дела сегодня, потребуется самая интенсивная работа и эффективность, чтобы получилось хорошее, а не плохое. Для этого у нас есть мысли

83 В июле 1920 года отдельные рабочие группы антропософски ориентированных студентов объединились, чтобы сформировать «Bund für anthroposophische Hochschularbeit» «Союз для работы антропософской высшей школы». Союз базировался в Штутгарте, на Champignystraße 17, на том же месте, что и Союз для трёхчленности и руководство «Грядущего Дня». Союз управлялся рабочим комитетом; первоначально о секретариате заботился Вернер Розенталь (Werner Rosenthal); его задачу взял на себя Ганс Эрхард Лауэр (Erhard Lauer) в августе 1921 года, который, однако, передал её Рене Майковски (Rene Maikowski) в январе 1922 года. Были рабочие группы в отдельных университетских городках Германии и соседних стран; Швейцарская группа учредила независимый «Швейцарский союз для работы антропософской высшей школы», который возглавлялся Вилли Стокаром (Willy Stokar). Целью Союза было не только культивирование наук в смысле антропософии, но и освобождение высшего образования от государственного патернализма. Bund für Hochschularbeit был соорганизатором различных курсов высшей школы, в том числе двух курсов высшей школы и летних курсов в Гётеануме в 1920 и 1921 годах. С резким обращением к своим «сокурсникам» в октябре 1920 г. он встретил сильное противодействие со стороны профессоров немецких университетов. Сам Рудольф Штайнер критически оценивал работу Союза высшей школы, например, в лекции членов от 4 февраля 1923 года (в GA 259). «Что вышло из Союза высшей школы? В Германии из этого вышло то, что только раздражает представителей старого, делает их врагами, поскольку за этим не стояло никакой энергичной воли. В Швейцарии Hochschulbund вообще не родился по-настоящему; поэтому нечто подобное тому, что придавало характер первым событиям в нашем погибшем Гётеануме: университетским лекциям, не было пронизано волей. В основном, потому что за ними нет импульса, они остались совершенно неэффективными. Но они нажили врагов». И 5 февраля 1923 года (в GA 259): «Союз высшей школы есть самое стерильное и одно из самых вредных предприятий: стерильно, поскольку ничего не сделано; вредно, потому что за публичными высказываниями никто не стоял». В течение 1923 года Союз высшей школы незаметно исчез со сцены.

84 «stets das Böse will und stets das Gute schafft»: Цитата из «Фауста», первая часть, строка 1336-1337: «Mephistopheles. Ein Teil von jener Kraft, / Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.»

о трёхчленности социального организма, и если мы стоим в этом верно, мы можем передать эти мысли дальше. И я должен сказать на замечание господина Шмиеделя, что материал, который мы перед собой имеем, «хрупок»: Я придерживаюсь, как раз, совершенно противоположного мнения; мы сами хрупки, когда не видим предмета должным образом. Это и есть настоящая хрупкость, а не «Основные пункты» и не трёхчленность социального организма. В последние несколько недель мне пришлось иметь дело с по-настоящему хрупким материалом, с историей капитализма. Затем, поздно вечером, я сел и прочитал несколько страниц «Основных пунктов». Тогда будто свежий воздух хлынул сразу со всех сторон; вы понимаете, что находитесь в реальной жизни. Не беспокойтесь: материал, который у нас есть в «Основных пунктах», не хрупкий, а хрупкость кроется где-то в совершенно другом месте.

Но кое-что забывать нельзя: При этом должно было бы быть гораздо больше людей, тогда это могло бы развиваться. Ведь, господин Доктор Унгер и господин Доктор Кох уже отметили некоторые вещи: Этот призыв в адрес тех, кто хочет примкнуть к их предприятию, поскольку в одиночку он больше существовать не может, несомненно нуждается в общем интересе. Необходим также призыв к тем, у кого есть капитал, не отдавать его банкам, где он служит только упадку. Необходимо не только односторонне присоединяться экономически, но и действовать экономически и социально просвещающим образом. Тут сделано ещё очень мало, и, поскольку в ближайшем будущем предстоит сделать чрезвычайно много, мы должны, поскольку мы вовлечены в экономическую жизнь, начать с конкретных фактов и выступать перед человечеством просвещающим образом. Нужно было бы дать ответ на такие вопросы, как, например, вопрос о связи между перепроизводством и предпринимательством, или о первичной ячейке экономической жизни, или сколько общественного труда было бы действительно необходимо, если бы труд распределялся правильно, или о всём ценообразовании, - это вопросы среди многих других, на которые пока не было дано ответа.

Я хотел бы выдвинуть к присутствующим одно конкретное требование. Я хотел бы попросить тех, кто считает себя в состоянии сотрудничать на этой почве, помочь, посредством лекций и тому подобного, и, прежде всего, также о том, чтобы вы что-то написали о конкретных вещах экономической жизни, которые, однако, были бы не односторонне экономические, а учитывали бы также социальное. Я хотел бы вас попросить подойти ко мне и сообщить о возможности внесения народно-экономических или экономических предложений.

Роман Боос: Я хотел бы присоединиться к инициативе господина Ляйнхаса и спросить, нельзя ли при «Грядущем Дне» организовать постоянно действующее научно-экономическое отделение⁸⁵, которое имело бы свои органы в Союзе для трёхчленности, то есть, своего рода, центр, имеющий своей задачей соединение экономической практики с экономической наукой.

Эмиль Ляйнхас: Форма, в которой сотрудничают люди, найдётся.

Рудольф Штайнер: Только пару слов. Всегда неприятно, когда важная мысль, вброшенная в дискуссию, затем не развивается. А важной мыслью была та, что вбросил Доктор Шмиедель по поводу вопроса: Как, собственно, нам внедрить трёхчленность социального организма в головы людей и в их действия? - Я думаю, я понял эти мысли таким образом правильно. И тут я хотел бы, прежде всего, обратить ваше внимание на нечто такое, что, собственно, едва ли когда-либо основательно рассматривалось.

Видите ли, ведь, по сути, мы не развили совершенно никакой сноровки, действительной рациональной сноровки в агитации. То есть, мы попросту не умеем агитировать. Во-первых, у нас нет практики; у нас также нет никакой склонности для получения практики агитации.

85 Такое отделение никогда не было создано.

Во-вторых, у большинства наших приверженцев, в свою очередь, также нет склонности решиться делать то, что необходимо: развернуть личную деятельность. Конечно, мы должны также работать посредством типографского станка, и основанием газеты для трёхчленности мы, ведь, показали, что мы также учитываем, что это нужно делать. Но всё это останется безрезультатным, если мы не сможем перейти к настоящей личной агитации. Доктор Шмиедель, вероятно, согласится со мной, если я скажу ему: Я бы знал, - как я знаю дубовые стволы в окрестностях Хорна⁸⁶, я знаю тамошних людей⁸⁷ - я бы знал, если бы я ограничился этим кругом, как мне надо было бы представить тамошним крестьянам трёхчленность, если бы я только мог быть там и действовать там. Но в том-то и дело: Мы стоим сегодня в точке развития человечества, а именно, в Центральной и Западной Европе, где нас не поймут, если мы не будем обращаться к людям на их языке. Подумайте только: сегодня совершенно невозможно говорить на рабочем собрании так, как на собрании предпринимателей, - не потому, что вы хотите что-то говорить людям, а потому, что вы хотите, чтобы они вас поняли. И в этом отношении, надо сказать, большая часть наших друзей действительно должна овладеть, своего рода, умение, своего рода, технику. Видите ли, я читал Даймлер-лекции⁸⁸, не так ли? Первые четырнадцать дней нашей работы в Штутгарте показали: если бы мы продолжали работать в этом направлении, то число последователей бы чрезвычайно возросло. Вместо этого эта лекция была напечатана⁸⁹, и, не так ли, люди получили эхо этой лекции от какого-то сельского пастора; разумеется, он не мог понять то, что было сказано для рабочих Даймлера. Таким образом, прежде всего, речь идёт о том, чтобы познакомиться с жизнью.

Главные ошибки мы до сих пор всегда совершали сами. При агитации трёхчленности мы совершали их тем, что не проводили никакой техники агитации, а просто имели определённые предпочтения для того или иного агитационного направления и всегда полагали, что люди будут следовать этим направлениям, будут думать в этом направлении и тогда эти мысли будут верными. Так, мы приходили на собрание сталелитейщиков и говорили те же вещи, [что и до этого другим людям]. Конечно, можно и так, но нужно всё же говорить на языке тех, к кому обращаешься. Этого мы не усвоили, и в этом я вижу определённую оппозицию, как раз, в трёхчленном движении. Ведь, с большинством дело обстоит так, что они не хотят выйти, - прежде всего, не хотят выйти практически, - из этого, я бы сказал, монизма агитации, который не желает создавать возможность нахождения действительного подхода к людям. Эта внутренняя оппозиция должна быть преодолена, из неё надо выйти. Это, своего рода, практическая оппозиция, которая создаётся в широких кругах, в том числе и в движении трёхчленности. Люди хотят агитировать так, как им это нравится, а не так, как этого требует мир. Я снова и снова на это указывал: дело не в том,

86 Нопп - община в Нижней Австрии к северу-западу от Вены (прим. пер.)

87 Родители Рудольфа Штайнера происходили из округа Хорн в Нижней Австрии. Об этом Рудольф Штайнер писал в «Mein Lebensgang» (GA 28, I. Глава): «Мои родители жили в Нижней Австрии. Мой отец родился в Герасе, очень маленьком городке в Вальдфиртеле в Нижней Австрии, а моя мать — в Хорне, городке в том же районе». Из-за профессиональной карьеры отца родители Рудольфа Штайнера были вынуждены покинуть родину. Но: «Когда мой отец вышел на пенсию после насыщенной жизни, они тут же переехали обратно туда — в Хорн». Рудольф Штайнер родился в Кралевце (сегодня Хорватия). Однако в официальных документах из Швейцарии он числится как выходец из «Гераса (район Хорн, Нижняя Австрия)».

88 Для того, чтобы завоевать пролетариат для идеи трёхчленности, 25 апреля 1919 года — вскоре после начала своей публичной деятельности для трёхчленности в Штутгарте — Рудольф Штайнер прочитал перед рабочими заводов Даймлера лекцию под названием «Что и как должно быть социализировано?» (в СА 330). Лекция была хорошо принята персоналом, который также поддержал резолюцию, циркулировавшую с 23 апреля, о призвании Рудольфа Штайнера в правительство Вюртемберга для немедленного осуществления трёхчленности.

89 К концу июня 1919 года лекция была распространена в больших количествах в виде брошюры штуттгартского Союза для трёхчленности; В начале августа — швейцарского Союза в удвоенном количестве. Кстати, в брошюре указана неправильная дата лекции; это произошло 25 апреля 1919 года, а не 26 апреля, как указывалось.

чтобы вещь нам нравилась, а в том, что мы делаем её так, как того требуют факты. И я показал это на практике, когда попробовал создать своеобразный наглядный пример. Я хотел иметь агитационное сообщество; я хотел, чтобы нашлось пятьдесят человек из Центральной Европы, которые прошли бы курсы агитаторов в Штутгарте, чтобы потом они могли лично решать, как поступать. Идти путём типографского станка, когда рабочему даётся то же самое, что и предпринимателю, просто не получается. Такой агитационный курс должен был организоваться, но из этого важного предприятия ничего не вышло, поскольку не нашлось людей, которые были бы готовы распространять таким образом действительно личное агитационное искусство. Пока мы не подступим к этому делу личного агитационного искусства, до тех пор будет оставаться в силе вопрос Доктора Шмиеделя. Но посредством дискуссий на него ответить нельзя, - только посредством такой деятельности.

Один из участников дискуссии: Господин Доктор Штайнер говорит о том, что рабочие сами не знают, чего они хотят. И если я пытаюсь сформулировать, чего хотят рабочие, то это получается не систематически, а скорее скачкообразно. Когда рабочих агитируют, у них есть определенное чувство связи друг с другом; оно есть потому, что эти люди работали вместе. Доктор Штайнер сказал, что важно взорвать профсоюзы. Я был несколько недель в Берлине, и видел, как там всё прогнило, и что люди повсюду находятся в поиске. Почему бы не показать людям путь через практическое действие? Не будет ли возможным для рабочего, который может приносить только свою работу, иметь место, где он может сказать себе: «Хорошо, если я смогу принести куда-то свою рабочую силу, если я смогу работать [в «Грядущем Дне»], иметь там рабочее место, то я буду готов обдумать свой путь и в духовную науку. Если кто-то подумает над своей работой, он, ведь, сможет достигнуть двойного. И можно помогать друг другу, заниматься тем и этим, можно сказать: Оставь это, я тебе помогу. - Если сейчас можно сказать: Если вы хотите выйти из профсоюза, тогда вам будет некуда пойти, тогда у вас не будет рабочего места, даже в сельском хозяйстве. - Ах, если бы мы только могли работать в «Грядущем Дне»! Возможно ли, чтобы «Грядущий День» создал такие условия, чтобы там могли быть заняты рабочие? Я знаю, что можно возразить, что нельзя всех тянуть в Штуттгарт; нам нужны рабочие и в других местах. Но там надо начать. Нам надо иметь людей, которые, если до этого дойдёт, не бастовали, а выполняли свою работу сознательно. «Грядущий День» указал путь. Речь идёт о том, чтобы мы находили рабочих и, найдя их, дело развивалось бы дальше из этой первичной ячейки.

Роман Боос: У нас нет компетенции что-то определять для «Грядущего Дня». В остальном, конечно, это зависит от обстоятельств «Грядущего Дня», удастся ли осуществить на практике то, что безусловно было бы идеальным. Пожалуйста, будьте максимально краткими. У нас ещё четыре выступающих.

Другой участник дискуссии: Я хочу сообщить, что много лет участвую в профсоюзах как один из агитаторов старой закалки. И я хотел бы предложить, не могли бы мы продолжить этот разговор, чтобы я мог поделиться некоторым своим опытом с этими людьми. Я предполагал, что сегодня будут только хозяйственники, в некотором смысле, работодатели между собой.

Роман Боос: Возможно в ближайшие дни это удастся⁹⁰.

Франц Драйдакс (Franz Dreidax): Если бы мы удовлетворяли потребность рабочих в жилье тем, что рабочие сами начинали бы строить дома, добывая для них все материалы на

90 13 октября 1920 года состоялось еще одно собрание, посвященное экономическим вопросам и на котором были даны сведения о «Futurum» и «Грядущем Дне» (запланировано на GA 337c).

фабриках «Грядущего Дня», то, как мне кажется, это было путём, который мог бы расширяться на совершенно естественной основе. Конечно, это должно было бы быть инициативой «Грядущего Дня».

Роман Боос: тут мы слишком углубляемся в строительную политику, которая является отдельной проблемой; об этом имеется обширная литература и практика. Должны ли мы здесь говорить о возможностях строительных кооперативов, - это лежит в другой области.

Франц Драйдакс: Высказывалось намерение распустить профсоюзы. Но тот, кто сегодня не состоит в профсоюзе, нигде не сможет найти работу; ему придётся голодать вместе с женой и ребёнком. Другие рабочие побьют его, если узнают об этом. Работнику должны быть обеспечены безопасность и уверенность в том, что он может продолжать работать. И если мы сейчас начнём строить дома, заодно обрабатывать участки земли и так далее, может быть, постепенно наладится двусторонняя связь с окрестными областями. Заводские рабочие в городе смогут быть обеспеченными сельскохозяйственной продукцией. И наоборот. Я пока не знаю, как это может функционировать в большом масштабе, но я вижу мысль о возможности того, как мы получим взаимный интерес и как возникнет доверие, настоящее доверие. Уже в «Основных пунктах» указано, что необходимо доверие. Я не вижу другого выхода. Я не хотел бы говорить о роспуске профсоюзов, если в то же время не даётся гарантии в том, что рабочий после этого вообще сможет существовать.

Роман Боос: Я хочу напомнить, что все эти начинания должны также финансироваться «Грядущим Днём». Если кампания по финансированию объективно увенчается успехом, конечно, было бы очень полезно создать такие хозяйственные органы. Как только эти экономические начинания ...

Участник дискуссии из Бреслау: Вопрос о роспуске союзов и обучении агитаторов следует обсудить еще раз⁹¹. Я хотел бы попросить, чтобы на следующей встрече мы прямо говорили о поиске путей, чтобы это действие могло быть осуществлено. Однажды мы это уже прозевали.

Рудольф Штайнер: Я только хотел бы предостеречь от того, чтобы то, что я здесь сказал, не превращалось в крылатые фразы, которые можно очень легко превратить в догму. Если вслед за тем, что я сказал, говорят что-то вроде того, что помочь рабочим на их пути можно только путём роспуска профсоюзов, то это неправильно. Поскольку даже не очень далеко идущие размышления сразу показали бы, что только указанным мною путём, а именно путём ассоциаций руководящих работами и работников, профсоюзы смогут освободить место для чего-то другого. Профсоюзы никогда не будут вышвырнуты на улицу посредством лишь повторения социалистических, марксистских паролей, когда говорят об «роспуске профсоюзов». Важно не это, а важно позитивное мышление; речь идёт о том, чтобы быть способным в такие вещи вносить конкретное мышление.

Только недавно у меня был тайный правительственный советник, входящий в, своего рода, министерство германского государства, который хотел поговорить со мной о мерах, которые нужно было принять. Я сказал ему: всё это очень хорошо, что вы говорите; но вы практически ничего не добьётесь, если останетесь сидеть в своем бюро и придумывать всякие вещи, которые всегда выглядят иначе, чем в действительности. Но вы также ничего не добьётесь, если вы пригласите в своё бюро партийных и профсоюзных лидеров. Идите на рабочие собрания; говорите там! Там вы найдете возможность стать доверенным лицом народа. Тогда вы сдвинете всё с места. - Сегодня возможна только такая агитация.

91 В начале января 1921 года был проведен специальный агитационный курс для тех сотрудников трёхчленного движения, кто работал в Верхней Силезии, «Курс обучения для верхнесилезцев» (в GA 338).

Какой, однако, опыт мы получили в Вюртемберге? Если бы нам действительно, я бы сказал, десять раз, пообещали, если бы какой-нибудь высокопоставленный чиновник министерства труда или даже какой-нибудь министр от социалистической партии десять раз пообещал нам, что он к чему-то придёт, - в тот момент, когда от него этого ожидали бы, это всегда означало бы, особенно в начале: Да, снова министерское заседание. - Господа всегда собираются на заседаниях, им ничего и не может прийти в голову. А тот, кто вырос из Социалистической партии, практически пытался сделать это меньше всего.

Конечно, и не думайте выступать перед профсоюзными деятелями. Они могли бы предложить ту же программу. Из этого бы что-то и выросло, но речь идёт о том, как это вырастет. И особенно речь идёт о том, что лозунг «рабочие, благодаря роспуску профсоюзов будут выброшены на улицу» сегодня больше не действителен.

Один из участников дискуссии: С одной стороны у нас есть все предприниматели, а с другой стороны все рабочие, от которых мы зависим, и эти две группы должны сидеть вместе в органически организованном трёхчленном организме.

Роман Боос: Мы всё же не можем делать экономический групповой эгоизм организующим принципом; так не пойдёт!

СООБЩЕНИЕ

Дорнах 9 октября 1920 года

(перед вечерней лекцией о физиологическо-терапевтическом на основе духовной науки по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Рудольф Штайнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Было высказано пожелание, чтобы я еще раз прочитал своего рода лекцию о трёхчленности социального организма. И, поскольку у нас уже запланировано большое количество мероприятий, то вряд ли получится сделать как-то иначе, кроме как попытаться прочесть эту желанную лекцию о трёхчленности социального организма завтра вечером. Но так как это пожелание, высказывавшееся много раз, возникло из-за неудовлетворенности, оставшейся от различных дискуссий, которые велись об этой трёхчленности до сих пор, я хотел бы попросить вас сформулировать ваши пожелания и ваши вопросы в этом отношении, чтобы могло быть принято во внимание и обсуждено именно то, что воспринимается как неясное. Таким образом, я смогу организовать лекцию завтра вечером так, чтобы было представлено с разных сторон именно то, что вы хотели знать. Поэтому тех уважаемых присутствующих, которые желают услышать что-то в том или ином направлении о трёхчленности социального организма, а именно о хозяйственной жизни в нём, прошу записывать свои вопросы или пожелания на бумажке и завтра утром между 9 и 10 утра передать их у входа в западный портал Гётеанума. Там будет кто-то, кто примет у вас эти вопросы. Таким образом, тех, у кого есть какие-то вопросы и пожелания я попрошу сделать это письменно на этих листках.

СООБЩЕНИЕ

Дорнах 10 октября 1920 года

(В завершении собрания членов Антропософского общества по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Рудольф Штайнер: В этот момент, мои дорогие друзья, я хочу сказать только несколько слов, слишком много говорить на общих собраниях членов Общества или на генеральных собраниях, это, ведь, не моя обязанность. В продолжении этих лет было уже немало генеральных собраний, пока война сделала это невозможным, и я многое говорил на этих собраниях, - что в основном никогда не принималось во внимание. И тогда тоже были сделаны всевозможные запросы о том, как всё, собственно, должно быть устроено и тому подобное. По сути, у меня нет достаточного количества причин говорить, как раз, перед генеральным собранием, чтобы снова сказать вещи, которые затем не будут услышаны. Но сейчас я всё же хотел бы сказать пару слов в отношении чего-то позитивного. Поскольку, видите ли, построение больших планов мало чего даёт; иметь большие планы, конечно, хорошо, но сначала следует рассмотреть ближайшее. Мы сейчас здесь вместе, и мне кажется, это лучшая возможность для того, чтобы что-то сделать во время этого совместного пребывания, так, чтобы мы не разошлись снова, не сделав нужных, позитивных дел, не сделав их вначале здесь. Давайте поговорим о чем-то позитивном!

Тут, мои дорогие друзья, я хотел бы, прежде всего, обратить ваше внимание на следующее: Когда из антропософского движения совершенно органично вышло движение трёхчленности, ожидалось, что те, кто должен был работать в той или иной области, действительно включились в него, поскольку с вопросом трёхчленности давался

практический импульс. В настоящее время вся работа с определенной стороны направлена на проведение здесь, в Дорнахе, этих курсов антропософской высшей школы, и, ведь, успех этих курсов будет существенно зависеть от того, что мы, как антропософы, в будущем будем в некоторой степени опираться на то, что принесли эти курсы высшей школы и выносить это в мир, - это уже будет часть работы. Но, может быть, - у нас осталось ещё восемь дней на эти курсы высшей школы, - может быть, здесь сможет что-то произойти, что исправит положение, заведшее нас в определенном направлении, по крайней мере, принесшее неприятное разочарование для тех, кто действительно хочет работать. Это следующее.

Видите ли, мои дорогие друзья, ведь, это действительно имелось в виду очень серьезно, что должно закончиться время, когда из, так называемой, практики постоянно отвергалось то, что должно работать вместе с практикой, чтобы мы могли, наконец, продвинуться дальше; рассчитывалось, что мы, - в отличие от профессионалов (Routiniers), - найдем настоящих практиков, вышедших, как раз, из антропософского движения. Мы вместе уже две недели, и, наверное можно было бы всё же найти возможность, чтобы, как раз, в отношении экономического мышления, правильного экономического мышления со стороны находящихся среди нас практиков что-то произошло. У нас были, правда, самые различные семинарские работы. Тот факт, что были, конечно, и мелкие оплошности, не должен нас беспокоить, потому что это просто абсолютно необходимо. Но, мои дорогие друзья, то, что было сделано практичным сотрудником для того, чтобы принести что-то полезное миру в плане работы наших курсов высшей школы, привело, к сожалению, только к тому результату, что сегодня утром снова пришёл конверт с этим пакетом вопросов, все из которых относятся к трёхчленности. Не знаю, можно ли при сегодняшнем напряженном дне до вечера, по крайней мере приурочить эти вопросы к лекции, имеющей дело с действительным экономическим мышлением. Мне сказали, что несколько раз в 7 утра или в другой час, что вероятно было ещё более невозможным, - я не знаю, - проводились собрания под девизом, что в этот раз встречаются только практики, за исключением теоретиков, чтобы говорить о чём-то умном, - я считаю это просто слухом, но мне это сказали. Теперь, мои многоуважаемые присутствующие, речь идёт не столько о том, что, когда сюда приходят студенты, то у них не оставалось бы такого впечатления, что все тут ломают себе головы⁹², поскольку у всех разные мнения, и они не могут выразить, чем является ассоциация и тому подобное. - Скорее, речь идёт о том, чтобы в антропософском смысле действительно работали вместе практики, чтобы мы стояли перед внешним миром таким образом, чтобы наше движение было реальной силой. Видите ли, это положительная задача, которая, возможно, разрешится в ближайшие восемь дней, что практики не изолируют себя, поскольку каждый говорит что-то такое, чего другой не понимает; речь идёт о том, что эти практики со своей практикой действительно нам чем-то помогли. Поэтому мы должны попытаться стоять с Обществом перед миром таким образом, и сформировать такую силу, чтобы практики действительно объединились для того, чтобы представить что-то из практического экономического мышления. Только так люди, которые сегодня пришли, чтобы чему-то научиться, действительно чему-то научиться. Что станет с нашими экономическими устремлениями, если студенты уйдут с чувством: Да они сами ничего не знают. - Так что в ближайшие восемь дней в этом направлении должно произойти радикальное изменение, чтобы выполнить нашу задачу.

Этим я хотел попытаться внести что-то позитивное в дебаты.

92 В своих полных воспоминаниях в главе «1920 год» Эмиль Мольт сообщает о событиях того времени, которые имел в виду Рудольф Штайнер: «Когда я представил ассоциацию как сущность будущего развития, как я его понимал, моя точка зрения была доведена Доктором Штайнером до абсурда, что, в свою очередь, вызвало у меня эмоции, а не познания. Многого не хватало, и в своем недовольстве я бы покинул собрание, если бы сам Рудольф Штайнер не помог мне вернуться. Те дни были для меня временем тяжелейших испытаний. Многие слушатели, особенно много молодежи и студентов, из сочувствия горячо аплодировали моим лекциям. Там был также Бенкендорфер, который везде вызвал сокрушительную критику и создавал оппозиционное настроение среди молодежи».

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ
Дорнах 10 октября 1920 года
(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной жизни — 1

Мои многоуважаемые присутствующие! Было высказано пожелание, чтобы я несколько подробнее остановился на экономических вопросах, то есть, на экономической сфере трёхчленного социального организма. Я, собственно, как раз, во время этого курса высшей школы намеревался направить свои силы в том направлении, чтобы показать, как духовная наука может плодотворно влиять на самые разные научные области и на жизнь в целом. Область экономической жизни, это, ведь, то, что прежде всего требует участия занятых в антропософском движении практиков. Ведь, прежде всего необходимо, чтобы то, что практикующие могут извлечь из своей жизненной практики, передавалось бы в духовно-научное таким же образом, как с самых различных сторон научное знание уже было так прекрасно передано во многих направлениях. Мы сейчас ещё поговорим об этих вещах поподробнее. Поскольку было выражено пожелание, чтобы я здесь также сказал что-то об этом третьем члене социального организма, я подумал, что было бы лучше, если бы пожелания уважаемых слушателей, были бы записаны на бумаге, чтобы я мог включить их в сегодняшнюю лекцию. Правда, сегодняшний день был настолько загружен, что это не могло произойти так, как бы мне хотелось, потому что эти самые разнообразные пожелания были сформулированы в 39-ти вопросах, которые действительно невозможно рассмотреть за то короткое время, которое мне сегодня было предоставлено. А кроме того, по тому, как были поставлены эти вопросы, я видел, как много ещё нужно сделать, как раз, в этой области, и поэтому мне необходимо будет сегодня обсудить несколько вещей, которые исходят, так сказать, из общего впечатления, которое вызывают эти вопросы. И затем я воспользуюсь возможностью в следующий вторник в 8 часов утра продолжить сегодняшние рассмотрения более конкретно, так чтобы те, кто эти вопросы ставил, а также другие, которые хотели бы что-то узнать об этих вопросах, получили бы свои ответы. Сегодня я хотел бы говорить лишь предварительным образом, чтобы во вторник мы смогли перейти к деталям полностью практически. Но такая предварительная беседа необходима для здорового взаимопонимания. Затем, может быть, во вторник вечером, за тем, что я должен сказать, снова последует, своего рода, общее обсуждение, своего рода дискуссия, и таким образом мы вероятно сможем справиться с этой вещью.

Мои многоуважаемые присутствующие, не смотря на то, что я уже говорил это здесь поздно вечером, я хотел бы вначале ещё раз напомнить, что моя книга «Основные пункты социального вопроса», а также следующая за ней другая книга, которая сейчас появилась в штуттгартском издании «Грядущего Дня», «В исполнении трёхчленности социального организма», - что эти две книги задумывались как полностью практические, и что тот, кто воспринимает их теоретически, понимает их неверно. Они задуманы таким образом, что адресованы людям, которые ощущают и понимают социальную жизнь, как бы, наглядно и живо. То, что сейчас называется социальным вопросом как таковым, едва ли может существенно продвигаться другими людьми. Я уже подчеркивал, что в этих двух книгах, прежде всего, не следует искать ничего утопического. Однако, я должен заметить, что многие люди, приступающие к этим двум книгам, по сути, исходя из-за определённой склонности нашего времени, сначала переводят эти вещи в утопическое, - утопическое в том смысле, что они составляют представления о них по своему собственному вкусу, и которые затем выглядят утопически. Я хотел бы обратить ваше внимание на это замечание, которое вы

найдете на страницах моих «Основных пунктах». Там я говорю прямо: когда речь идет о чём-то, что задумано как практическое, задумано практически как требование времени, можно думать о деталях исполнения различным образом. - И поэтому в книге "Основные пункты социального вопроса" о деталях я упоминаю, собственно, только в качестве примеров. То, что было сказано о том или ином вопросе о деталях, касается вещей, которые в практической жизни могут быть осуществлены самым различным образом. То, что я говорю об этих вещах в том смысле, что даю [возможное] исполнение, [делается] для того, чтобы можно было наглядно увидеть, как весь импульс трёхчленности социального организма осуществляется в действительности. Прежде всего, я считал, что после того, как эта книга будет опубликована, ею займутся жизненные практики⁹³, чтобы с помощью этой книги позволить влиться результатам их жизненной практики в поток социальных вопросов.

Из вопросов, которые мне сегодня снова задавали, я вижу, насколько наше время пронизано насквозь непрактичным мышлением и как трудно людям сегодня мыслить практично. В этом, как раз, трагедия нашего времени, в этом великая трудность, мешающая нам действительно подойти к жизни, что, с одной стороны, мы всецело погружены в материалистические взгляды и представления, которые мы приняли посредством одностороннего подхода к естествознанию, что, посредством того, что мы привыкли видеть все вещи так, как мы должны видеть внешние природные вещи, - даже такие вещи, на которые нужно смотреть иначе, чем на эти внешние природные вещи, вещи, которые делают необходимым прежде всего больше проникать в глубину, нежели это необходимо по отношению к внешним природным вещам, - так что, благодаря этому, мы, собственно, потеряли всякое чувство соответствующего обращения с этими вещами. Поэтому, с одной стороны, думают совершенно материалистически, а, с другой стороны, совершенно абстрактно, - совершенно абстрактно, как раз, о социальных вещах. Думают мыслями, которые даже близко не имеют намерения приблизиться к действительной жизни. Или люди, которые верят в то, что они производят нечто по-настоящему реальное, просто отдают общим фразам. Мы привыкли к тому, что, как раз, практики сегодня отдаются общим фразам, когда они занимаются тем, чем надо заниматься совершенно конкретно, например, социальным вопросом. Дело обстоит так, что, благодаря многовековому воспитанию в рамках цивилизации Запада, мы действительно никак не приблизились к жизни, - скорее отделились от неё. И я хотел бы сказать: Из всего этого исходит осознание того, насколько человек отчужден от жизни, и насколько он неверно понимает природу и характер этого отчуждения. Это неверно понимается в рамках самых различных партий, и каждая партия перекладывает вину на другую. Этот пример пришёл мне в голову также из заданных вопросов.

Тут были вопросы, которые напомнили мне некоторую горечь, которую я испытывал, когда посвящал десятилетия, изучая сегодняшние, современные социальные условия⁹⁴. Тут,

93 В «Предварительных замечаниях» к «Основным пунктам» (GA 23) Рудольф Штайнер писал о цели этой работы: «Она хотела бы сказать о том, что должно произойти, чтобы требования, поставленные сегодня перед значительной частью человечества, поставить на путь целенаправленной социальной воли». Однако, для этого требуется обновленная, не привычная жизненная практика: «Мало удовлетворены размышлениями автора будут, прежде всего, те личности, которые видят себя жизненными практиками в том смысле, в каком сегодня воспринимается представление о жизненной практике под влиянием некоторых любимых привычек. Вы обнаружите, что в этом шрифте не говорит ни один жизненный практик. Автор считает, что эти личности должны основательно переучиться. Поскольку ему их «жизненная практика» кажется тем, что посредством фактов, которые человечество должно было пережить в настоящем, показало себя несомненной ошибкой.

94 С 1884 по 1890 год Рудольф Штайнер работал учителем в еврейской купеческой семье Шпехтов. Поскольку его приняли в семью, он смог внимательно следить за деловой деятельностью отца, Ладислава Шпехта. Об этом он писал в VI главе своей автобиографии «Мой жизненный путь» (GA 28): «Отец [...] работал как агент по индийскому и американскому хлопку. Я смог получить представление о ходе дел и многое, что с ними связано. Я также многому научился из этого. Я заглянул во внутрь управления необычайно интересной отраслью импортного бизнеса, смог наблюдать за деловыми отношениями между деловыми партнёрами,

например, во многих формах возникает вопрос, который намекает на почти невозможность понимания, которое должно существовать, действовать, между пролетариатом, с одной стороны, и другими классами человечества, с другой. С пролетарской стороны вопрос тут фактически облекается в форму упрека, горького упрека. Чтобы ничего не оставалось на заднем плане, чтобы оставаться полностью искренним, честным и правдивым, позвольте мне зачитать этот вопрос, который является практически обвинением:

Собравшиеся здесь рабочие убедились, что работать вместе с антропософами, с буржуазными кругами невозможно: особенно у студенчества, кажется, отсутствует всякий импульс представить себе своё участие в общей работе, поскольку иначе было бы невозможно продолжить дружбу с сокурсниками.

Это с одной стороны, мои многоуважаемые присутствующие: совершенно никакого понятия о том, какая борьба происходит, как раз, среди студентов, для обретения ясности относительно социальных требований нашего времени! Возникло ужасное недоверие, как раз, в кругу пролетариата. И тот, кто в состоянии взглянуть на социальный вопрос открытыми глазами, не может пройти мимо этого фактора недоверия, поскольку он является одним из главных реальных факторов. Но студенчества, которое, на мой взгляд, напрасно обвиняется пролетариатом, - по крайней мере, напрасно обвиняется часть студенчества, - это касается, как раз, в меньшей степени. Но, мои многоуважаемые присутствующие, в общем всё же надо сказать, что в наше время, особенно в кругах буржуазии и тех, кто стоит чуть выше и ниже буржуазии, наблюдается мало склонности подходить к социальному вопросу именно с его пролетарской стороны, действительно понять, как тесно пролетарский вопрос связан со всем социальным вопросом и, следовательно, с судьбой нашей современной цивилизации вообще. Как уже было сказано, сегодня я делаю только введение, чтобы мы могли потом лучше понять друг друга, потому что эти вещи можно понять только в том случае, если знаешь подосновы, из которых они возникают.

Видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, когда мы с апреля прошлого года, в смысле опубликованного мною «Призыва» и моих «Основных пунктов», начали в Вюртемберге нашу деятельность по оздоровлению нашей социальной жизни⁹⁵, тогда это было время ещё определённым образом затенённое или освещённое, - что-то было затенено, что-то было освещено, - своего рода, революционной волной над Европой; и тогда крупная буржуазия, её ближайшее окружение, предприниматели переживали стадию нагнетания страха. Они были в ужасе от того, что теперь может подняться из недр пролетарского социального бытия, и, как раз, в апреле и мае пришла социальная волна, когда в направлении социализма или, по крайней мере, социализации действительно что-то делалось - или, лучше сказать, мечталось. Но потом пришли другие времена. Выяснилось, как мало пролетариат в действительности приучен к сколько-нибудь ясной формулировке своих требований так, чтобы из нее могло вырасти что-то социально положительное. Но затем пришли другие времена. Выяснилось, как мало пролетариат обучен, исходя из самого себя, сколько-нибудь

взаимосвязью различных коммерческих и промышленных видов деятельности»...

95 Публичное представление идеи трёхчленности в Германии началась с публикации обращения Рудольфа Штайнера «К немецкому народу и к культурному миру» (в GA 23). Это обращение Рудольф Штайнер - на основе бесед с Эмилем Мольтом, Романом Боосом и Гансом Куном в Дорнахе - написал 2 февраля 1919 года; 12 февраля 1919 года Рудольф Штайнер впервые публично упомянул о нём, а с 5 марта он получил широкое распространение в немецко язычных странах в виде листовок и объявлений. 22 апреля 1919 года Рудольф Штайнер прочитал в Штутгарте свою первую публичную лекцию об идее трёхчленности, за которой в последующие дни и недели последовало множество других. Вся лекционная кампания, которая вышла за пределы Штутгарта и была поддержана другими антропософами, проходила от имени Союза для трёхчленности социального организма, который был основан 22 апреля 1919 года. Он также стремился распространить публикацию Рудольфа Штайнера «Основные пункты социального вопроса в насущных потребностях настоящего и будущего», вышедшую в конце апреля 1919 года.

ясно формулировать свои требования так, чтобы из этого могло вырасти что-то социально положительное. Конечно, самым широким кругам пролетариата можно было бы предложить импульс трёхчленности, если бы удалось преодолеть сопротивление руководства этого пролетариата. И мы не должны обольщаться на этот счёт, это может быть ясно доказано опытом с нашими устремлениями, который мы только-что получили: Пролетариат придёт к ясности только тогда, когда исчезнут всякие вожди, и когда он сможет опираться на свои собственные инстинкты и на свой собственный разум. К ним можно обращаться. Можно обращаться к инстинктам пролетариев, можно обращаться к разуму пролетариев, но нельзя говорить с вождями, сочетающими в себе два качества: во-первых, они постоянно повторяют болтовню буржуазии относительно их будущего, а во-вторых, всем своим существом они выказывают самое заурядное мещанство. Но это, как я уже сказал, это направлено только против вождей.

Но должно быть признано, насколько вообще в наше время необходимо совершенно серьёзно и радикально понять, что всё то, что выступает из старых времён и хотело бы вернуть то, что было до 1914-го года, не годится для дальнейшего развития, - это надо признать. И пока во всех частях цивилизованного мира люди не думают ни о чём другом, кроме как: как получить ту или иную должность, поскольку они были на этой должности раньше, до 1914 года или в военное время, - пока так думают, до тех пор нельзя сделать практически ничего из того, что может привести к прогрессу. Нам определенно нужны новые люди, исходящие из нового образа мышления. Мы не можем обращаться к тем, кто снова призывает к старому, поскольку им слишком удобно развивать мысли, которые вызывают уважение новых людей. Я сказал, пришли другие времена. Пролетариат показал, что сам по себе он не может прийти к ясности. Нагнетание страха постепенно превратилось в, своего рода, надёжность, - надёжность в том смысле, что говорится себе: Ну, теперь мы можем попытаться снова продолжать всё делать по-старому. - Я бы сказал, что тогда, из недели в неделю, можно было понять, как всё, что было предпринимательством в прошлом, снова впадало в старый аллюр мыслей; и теперь оно, по сути, снова внутри него, но только не подозревает, что танцует на вулкане. Это был, так сказать, первый опыт, который показал полную бесполезность этих вождей пролетариата, и, с другой стороны, полную импотенцию тех, кто раньше там или здесь занимал руководящие посты в области экономики. Да, в этих кругах и у примыкавших к этим кругам действительно нет склонности знакомиться с тем, что, собственно, пульсирует в настоящем, что, определённо, часто неясным образом хочет пробиться на поверхность, как раз, из пролетариата. Люди просто не хотят заниматься тем, что действительно важно.

Поэтому люди так мало понимают первую треть моих «Основных пунктов социального вопроса», ту первую треть, которая пытается описать прежде всего ту «двойную бухгалтерию»⁹⁶, - я имею в виду не ту, о которой здесь говорил господин Ляйнхас в историческом контексте, а я имею в виду другую, на которую он даже указывал, - ту двойную бухгалтерию, к которой сейчас постепенно пришли и которая состоит в том, что на мир смотрят, как бы, одной стороны, только согласно его материальным, механическим отношениям, что мыслят только в этом материальном, механическом контексте, что, как я однажды это назвал, превращает жизненную практику в рутину, а с другой стороны, хотят развить всё возможное прекрасное, всё возможное духовное, всё возможное нравственное.

96 В первой главе «Основных пунктов» (GA 23) Рудольф Штайнер прежде всего занимался изображением внутренних противоречий положения, в котором живет современный пролетарий: «В действительности он строит свою жизнь на мыслях, но воспринимает их как нереальная идеология». И далее: «Но этот факт не осознается должным образом ни непролетарской частью человечества, ни пролетарием. Поскольку непролетарий не страдает от той идеологической печати современной интеллектуальной жизни, которую он сам же и породил. От этого страдает пролетарская часть. Но этот унаследованный им идеологический характер интеллектуальной жизни лишил его веры в несущую силу духовного как такового».

Мы, ведь, знаем, что деловой человек стремится заниматься делами внутри фабрики, но, закрыв за собой вечером дверь своей конторы, он хочет иметь возможность предаться тому, где его мысли могут жить свободно, где может развиваться душа, где можно по-настоящему внутренне согреться в мыслях, которые, наконец, освобождают от того, что находится за дверью кабинета, и так далее; должна быть духовная жизнь и вне фабрики, - такой девиз должен быть [у этих людей], и этот девиз моя книга хочет, собственно, перевернуть. В этой книге я хотел обратить внимание на то, что речь идёт не о том, чтобы запирает за собой фабрику для обретения духовной жизни снаружи, а о том, чтобы входя утром на эту фабрику, вносить внутрь неё дух, чтобы материальная, механическая жизнь могла быть пронизана разумом, духом и так далее, чтобы дух не развивался рядом с действительной жизнью как какой-то люкс, которым он постепенно стал посредством этой двойной бухгалтерии. Переплетение этих двух, - это, с одной стороны, деловая обыденность, которую можно обнаружить сегодня повсюду и которую нет необходимости описывать дальше, а с другой стороны, церковь, сложенные ладони, молитва о счастливой, вечной жизни.

Что необходимо, так это совместное мышление, - это то, что для многих людей в высшей степени неудобно. Они хотели бы, с одной стороны, бездуховной рутины, к которой они привыкают так, что, собственно, не совсем присутствуют при этом, а с другой стороны, они хотят мистической неопределенности, посредством которой можно было бы удовлетворить похоти своей души. Как часто приходилось это испытывать, и особенно в то время, когда должен был совершаться переход от антропософского духовного устремления к практическому устремлению, когда встречались люди практической жизни, которые хотели кем-то стать, стать кем-то в практической жизни, исходя из привычек, возникших за последние несколько десятилетий. Как же такие люди хотят кем-то стать? Разговоры, которые велись, когда речь шла о привлечении людей, скажем, для «Futurum» или «Грядущего Дня», - людей, которые должны были работать с настоящим духовным, которое побеждает материальное, - эти разговоры [показали]: Таких людей найти сегодня необычайно трудно, по той простой причине, что из экономической жизни выработалась установка, что молодых людей, собственно, можно обучать извне. Его приводят на производство, и поскольку в духовной жизни он находится своими мыслями где-то в другом месте, - пусть иногда и в очень хорошем, - он, однако, не вносит дух в само производство. И, поскольку он своей душой при этом отсутствует, он позволяет тренировать себя извне, позволяет превращать свою деятельность в рутину; затем его куда-нибудь посылают, в Америку или в Лондон, и там его продолжают тренировать. После этого он знает, как это делается, возвращается и выполняет ту или иную работу.

Да, мои многоуважаемые присутствующие, это ведёт к социальному вопросу, поскольку с такими людьми нам не продвинуться; если мы не решимся внести свет, внести наше дела в эти вещи, то ничего не получится. Нам нужны люди, которые воспитаны уже школой, чтобы они могли проявлять свою инициативу, когда речь идёт о правильной подготовке себя к практической жизни, чтобы инициатива, так сказать, хотела исходить из человека. Однако, необходимо, чтобы школа не убивала эту инициативу. Это рассмотрение дела, я бы сказал, именно с человеческой стороны.

В нашу экономическую жизнь должен войти совершенно другой дух. Этот дух, прежде всего, оживит ту связь, которая должна существовать между человеком и тем, что он прямо или косвенно вносит в мир. Ведь, для многих сфер нашей жизни эта связь нарушена. Многим людям крайне безразлично то, над чем они работают, и как то, над чем они работают, включается в социальные отношения. Их интересует только то, сколько они зарабатывают своим трудом, то есть, они сводят весь свой интерес к внешнему, материальному миру, к тому интересу, который они могут иметь к той сумме денег, которая поступает к ним из этого внешнего мира, благодаря тому особому положению, в котором они находятся по отношению к этому внешнему миру. Это сужение интереса до интереса к приобретению, а не к тому, что

делается, это то, что, по сути, отравляет всю нашу экономическую жизнь. Но здесь лежат также серьезные препятствия к пониманию импульса трёхчленности социального организма.

Как уже было сказано, я говорю, предвзято некоторые вещи, но на некоторые отдельные моменты я хотел бы афористически указать уже сегодня. Постоянно упоминалось, - и это упоминание также верно, - что мы должны стремиться к экономической жизни, в которой господствуют ассоциативные импульсы. В отношении ассоциаций у меня был странный опыт. Я как-то говорил об ассоциациях в одном кружке пролетариев в Штуттгарте. Они сказали мне: мы слышали о всевозможных вещах, о товариществах, о трестах, о картелях, о синдикатах, но о том, какими должны быть ассоциации, мы ничего не слышали. - Чтобы разобраться в этих вопросах, нужно понять новизну этого понятия очень практическим образом, я бы сказал, очень наглядным образом, особенно с точки зрения экономической жизни. Ассоциации - это не кооперативы, ассоциации - это не картели, не синдикаты; Ассоциации - это прежде всего объединения или, вернее, связи, работающие в направлении определенной цели. Какой может быть эта цель?

Мы будем постепенно приближаться к практическому пониманию экономической жизни: Какой может быть эта цель? Мои многоуважаемые присутствующие, эта цель не может быть никакой иной, как работа в направлении совершенно определённого ценообразования отдельных товаров. Мы не сможем мыслить должным образом экономически до тех пор, пока не окажемся в состоянии поставить проблему цен в центр этого народно-экономического мышления, как это - может быть, не всегда педантично с теориями, но согласно всему духу, - делается в третьей трети моей книги «Основные пункты социального вопроса»⁹⁷.

Что тут важно в проблеме цены? Важно то, чтобы каждый товар мог иметь только определенную цену, в крайнем случае, могут быть небольшие колебания вверх и вниз. Всякому товару соответствует определённая цена, поскольку, мои многоуважаемые присутствующие, цена товара, - не обращайтесь сейчас внимания на деньги, послезавтра я буду говорить и об этом, - цена товара есть ни что иное, как то, что представляет его стоимость в сравнении со стоимостью других товаров, в которых нуждается человек. Цена выражает некое отношение, например, отношение между стоимостью юбки и стоимостью буханки хлеба, или между стоимостью сапог и стоимостью шляпы. Это относительное, это то, что в конечном итоге ведёт к проблеме цены⁹⁸. Но это относительное не может быть разрешено с

97 В третьей главе «Основных пунктов» (GA 23) Рудольф Штайнер коснулся также проблемы цены, то есть, в частности, вопроса о правильной цене товара: «Чисто экономическая стоимость товара (или оказанной услуги), насколько она выражается в деньгах, представляющих его эквивалентную стоимость, будет зависеть от целесообразности организации управления экономикой в хозяйственном организме. От мер, принимаемых этим правлением, будет зависеть, в какой мере на духовно-правовой основе, созданной другими членами социального организма, сможет развиваться экономическая плодотворность. Тогда денежная стоимость товара будет выражением того, что этот товар, посредством институтов хозяйственного организма, производится в количестве, соответствующем потребностям». В четвертом, дополненном издании «Основных пунктов» Рудольф Штайнер поясняет в комментарии, что он понимает под «здоровым соотношением цен»: «Оно должно быть таким, чтобы каждый работающий получал за свой продукт достаточную компенсацию для удовлетворения всех его и принадлежащим ему лицам потребностей, до тех пор, пока он снова не произведет продукт такой же работы. Такое ценовое отношение не может устанавливаться официальными органами, а должно быть результатом живого взаимодействия действующих в социальном организме ассоциаций».

98 Этот закон относительности цен Рудольф Штайнер назвал «первичной ячейкой экономической жизни». Так, например, в публичной лекции 15 сентября 1919 года в Берлине (в GA 333) он говорил: «И эта, так сказать, первичная ячейка хозяйственной жизни, которая должна основываться только на опыте и профессионализме, - ценообразование, - как она должна будет образовываться? Не по воле случая, так называемого, свободного рынка, как это было в национальной экономике и в мировой экономике до сих пор». И далее: «В будущем [...] в рамках экономической жизни должно быть так, чтобы человек, в обмен на то, что он производит посредством труда, получал столько, сколько ему надо для удовлетворения своих потребностей». И то, как этот закон «первичной ячейки» проявляется экономической практике, Рудольф Штайнер пояснил в той же лекции: «Предположим, что какой-то товар имеет тенденцию становиться

помощью какой-нибудь обычной математики, не может быть также установлено законом, какой-нибудь организацией, а может быть достигнуто только посредством ассоциативной работы.

Что же в нынешней экономической жизни препятствует здоровому ценообразованию и что в то же время привело нас к той экономической нищете, в которой мы находимся? Это то, что цена товаров образуется не из хозяйственной жизни, а между потребительскими товарами - товарами, соответствующими потребностям, - вдвигается нечто такое, что не может быть товаром, что может служить только как средство уравнивания стоимостных отношений товаров: деньги. Как уже было сказано, мы ещё поговорим обо всём этом более подробно, но сейчас я хочу указать на несколько общих моментов. Деньги наделены товарным характером именно потому, что возникло то реально неясное отношение между бумажными деньгами и золотыми деньгами, которое сейчас находится в своей кульминации. Таким образом, становится возможно даже то, что не просто обмениваются товары, и деньги служат лишь средством, облегчающим этот обмен на большой территории при большом разделении труда и занятости, а товаром стали сами деньги. Это проявляется просто в том, что деньгами можно торговать, что деньги можно покупать и продавать, что стоимость денег изменяется, благодаря спекуляциям, изменяется благодаря тому, что делается на денежном рынке. Но теперь здесь что-то примешивается, что совершенно наглядно показывает, как унитарное государство еще скрепляет то, что хочет быть трёхчленным. Деньги в том виде, в каком они есть у нас сегодня: ведь их стоимость в определённой степени через закон устанавливается государством. От государства исходит импульс, который существенно определяет стоимость этих «товаров». И, благодаря этому взаимодействию двух вещей, обмена товаров и установлению стоимости денег государством, вся наша экономическая жизнь делается настолько запутанной (konfus), что она уже не прозрачна для стоящих в ней сегодня людей.

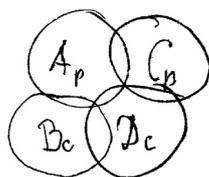
Хотелось бы всё же, чтобы люди, стоящие в экономической жизни, честно признали, что, с одной стороны, любые деньги, которые там циркулируют, - циркулируют, как самое абстрактное понятие в нашем мышлении, - является полной экономической абстракцией, что, с другой стороны, они соединены с тесно связанными с человеческим благополучием и горем производством, обменом и потреблением товаров, что огромная фальсификация современной стоимости денег, как бы, заглушает, стирает всё, что, как раз, должно быть живым во взаимном определении стоимости товаров. Но эти вещи всё же не надо рассматривать агитаторским образом, на них нужно смотреть очень трезво и фактологически, очень объективно, иначе тоже ничего не добиться. В идеале дело обстоит так, что каждый тип товаров в экономической жизни должен иметь вполне определённую стоимость. Стоимость какого-то типа товаров X должна стоять в однозначном отношении к стоимости других типов товаров. Однако, для того, чтобы вышла эта стоимость, необходимы различные вещи. Во-первых, для этого необходимо наличие знаний, действительно технически-универсальных знаний, для того, чтобы быть в состоянии изготовить соответствующие товары в какой-то определённый период лучшего качества и рациональным образом, то есть, с наименьшей затратой рабочей силы и без вреда для людей. И во-вторых, необходимо, чтобы во всём [процессе производства] было занято не больше людей, чем должно быть, чтобы именно этот товар по соответствующей ему стоимости изготовления и так далее, получил определённую цену, однозначно определённую цену. Если в том направлении, которое ведёт к определенной категории товаров, занято слишком много рабочих, то цена товаров слишком низка; если

слишком дорогим. Что это значит? Производится слишком мало этого товара; рабочие, которые могут производить этот товар, должны посредством договоров направляться в соответствующие отрасли производства. Если же, с другой стороны, товар становится слишком дешевым, предприятия должны быть остановлены, а рабочие отозваны и, посредством регулирования, переведены на другие предприятия». О принципе первичной ячейки Рудольф Штайнер говорил и во многих других лекциях, например, на вечере вопросов 30 мая 1919 года в Штуттгарте (в настоящем томе) или в лекции от 2 июня 1919 года в Тюбингене.

занято слишком мало рабочих, цена товара слишком высока; и поэтому в хозяйственной жизни необходимо понимать, сколько людей должно быть занято в той или иной области товарного производства. Это знание числа занятых людей, которые работают над производством продукции определённой, предназначенной для потребления категории, необходимо для того, чтобы добраться до кульминации экономической жизни, до проблемы цены. Это происходит посредством позитивной работы, когда в экономической жизни ведут переговоры с людьми о том, как их надо поставить на свои места. Это, конечно, не следует понимать педантичным, или бюрократичным образом. Вы заметите, что полная свобода, в том числе экономическая свобода, обеспечена человеку именно тем, чего хотят «Основные пункты социального вопроса». Тут речь идёт не о бюрократической или механистической ленинизации или троцкизации, а тут речь идёт об ассоциировании, посредством которого, с одной стороны, правильно понимается индустриальная жизнь, а с другой - в полной мере обеспечивается свобода человека. Таким образом, вы видите, что важно в результате. А вот как затем включаются деньги: это мы увидим послезавтра.

Что важно прежде всего, так это - не смотря на то, что в промежутке оказываются деньги, - взаимная стоимость товаров, то есть, взаимная стоимость продуктов человеческого труда. Это важно, и ассоциации должны работать в том направлении, чтобы получить эту стоимость, благодаря тому, что они делают в хозяйственной жизни, благодаря своим переговорам, благодаря своим взаимным контрактам и так далее. Да, как же осуществляются такие переговоры, которые касаются взаимной стоимости товаров? Никогда через организацию равных, через корпорацию равных, а это происходит только посредством ассоциаций. Как, например, вам узнать, каково должно быть отношение цены сапог к цене шляпы, если вы не позволите ассоциативным путём совместно работать изготовителей сапог и шляп, если ассоциация не происходит, если не образованы ассоциации? Ассоциаций в рамках одной отрасли не бывает, поскольку тогда это не ассоциации, а ассоциации идут от отрасли к отрасли, идут прежде всего также от производителей к потребителям. Ассоциации являются прямой противоположностью того, что ведёт к трестам, синдикатам и тому подобному. Мы потом ещё увидим, как необходимы также определённые связи между предпринимателями определенной категории товаров; но тогда у них совершенно другая функция. Но то, что является образованием (Entstehung) - я не говорю установлением, а образованием - правильной цены, может развиваться только через ассоциативную жизнь, которая идёт от отрасли к отрасли; когда ассоциации со своим опытом работают вместе, только тогда, исходя из этого опыта, можно установить правильную цену. И это также не будет сложнее, чем, например, жизнь в наших полицейских государствах или в наших демократиях; наоборот, - не смотря на то, что она идёт от отрасли к отрасли, - будет организовываться намного легче.

Теперь нужно также уяснить себе, что жизнь мыслит совсем иначе, если можно так выразиться, не так, как мыслят абстракционисты, даже если они являются практиками. Прежде всего, эти абстракционисты думают: Ну, тут всё дело в том, являются ли эти ассоциации ассоциациями производителей [между собой], или ассоциациями производителей с потребителями. - Да, но, мои многоуважаемые присутствующие, это, ведь, всего лишь вопрос времени. Вы только представьте себе (рисует на доске), если вы ассоциируете производителей отрасли А с некоторой суммой потребителей В, последние - с производителями отрасли С, а те, в свою очередь, как-то с суммой потребителей D, - тогда возникает ассоциация.

Но она возникает так посредством того, что сначала смотрели только на производителя или только на потребителя; но потребитель является производителем другого товара, если, конечно, он не олень или не бездельник. Дело не в том, чтобы следовать за [абстрактными] категориями; если вы смотрите на эту вещь более универсально и выстраиваете ассоциации на основе всех отношений, тогда у вас в этих отношениях есть также и потребители. Но так, как обстоят дела на практике сегодня, так нельзя начать даже с производителей между собой, так возникают только тресты или картели, которые, я даже не хочу сказать *хотят* иметь только предпринимательские интересы, а они *могут* иметь только предпринимательские интересы.

Сегодня речь идёт о [образовании] этих ассоциаций прежде всего по образцу, который я когда-то назвал очень примитивным образцом. Однажды мы сами хотели сами создать среду потребителей хлеба в Антропософском Обществе и ассоциировать её с одним производителем хлеба так, чтобы возникла связь между всем тем, за что в определённом отношении могли платить антропософы, которые при этом сами что-то производили; и взамен того, что они производили, они получили то, что производил этот пекарь. Таким образом, это действительно выливалось в то, чтобы в этом взаимном обращении воздействовать на цену. Это должно было быть существом этой ассоциации, что она постепенно, если бы она функционировала правильно, создавала бы тенденцию к образованию правильной, экономически оправданной цены.

Если вы это по-настоящему обдумаете, вы увидите, что это совсем не противоречит практическому опыту, насколько это вообще возможно в сегодняшней извращённой экономической жизни. Поскольку, возьмите самую простую экономику: Для того, кто знает, как вести дела в самой простой экономике, в конечном итоге всё также сводится к тому, чтобы определить правильные цены, и, исходя из своих условий, он развивает правильные цены. Правильные цены он определяет на основе двух конкретных составляющих: во-первых, того, что он хотел бы получить за свою продукцию, и, во-вторых, того, что он получает; то есть, он уже, когда всё ещё неопределённо, входит в ассоциацию с потребителем. Она существует всегда, даже если она не заключена внешне. Но сейчас наша жизнь стала такой сложной, что эти вещи мы должны привести к полному осознанию и придать им внешнюю форму. Если не вдумываться в эти вещи, всегда выходит что-то утопическое. Необходимым было бы, прежде всего, собрать опыт, связанный с производством и потреблением. И в тех кругах, которые работают с нами, нам нужны были бы, прежде всего, практики, которые могли бы, так сказать, сплавить этот жизненный опыт в эмпирическую науку об экономической жизни, так чтобы - и это вполне могло бы быть - источником был опыт.

Но сегодня, мои многоуважаемые присутствующие, вы можете прочесть у народных экономов нечто в следующем стиле: Тут для какой-то территории, скажем для Германии, подсчитывается, какую часть всего состояния или, скажем, всего годового дохода, составляют прибыли предпринимателей, какие суммы должны использоваться для промежуточной торговли в самом широком смысле, и это рассчитывается в деньгах, в марках. А те, кто как экономисты рассуждают об этих вещах, как правило, сводят всё к абстрактным денежным отношениям. Однако это не даёт представления о реальном ходе экономических условий. Однако, это не даёт представления о реальном экономическом положении. Можно было бы получить такое представление только в том случае, если бы от тех, кто вовлечен в экономическую жизнь, мы слышали бы, что происходит в посреднической, транзитной торговле. Нужно было бы, например, получить описание того, как неспособное к жизни существующее прячется в транзитной торговле. А также можно было бы узнать, например, тот интересный факт, что в замкнутом экономическом пространстве оседает примерно столько же предпринимательской прибыли, сколько

ненужных запасов товаров выбрасывается на рынок. Совершенно курьёзным образом происходит так, что число, даваемое для какой-то территории как сумма предпринимательской прибыли, примерно соответствует рыночным ценам тех товаров, которые без необходимости фигурируют на рынке в качестве запасов, которые не продаются. Тогда вы видите некую связь, которую можно видеть, можно видеть совместно, но которая была бы интересно освещена только тогда, когда практики, которые, собственно, по сути, ничего не понимают в настоящей практике, пришли бы и показали бы кому-то, как у них обстоят дела действительно, чтобы, как раз, были видны связи между тем, что работает на рынке и не продаётся, и прибылью предприятий, которая получается, благодаря избыточной работе, - я имею в виду чистую прибыль от капитала.

Само собой разумеется, что люди, которые понятия не имеют о таких связях в экономической жизни, сегодня не в состоянии также говорить и о собственном составе ассоциаций. Поскольку, какая задача стоит перед этими ассоциациями? Перед ними стоит задача использовать те знания, которых у нас ещё нет, для того, чтобы в результате прийти к экономически оправданным ценам. Если ассоциация и ассоциация обмениваются своим опытом, если этим опытом, вместо того, чтобы на него рассчитывали, живо обменивались, то проблема цен в конечном счёте может быть решена простым, практическим путем. Нет никакой теории для решения проблемы цен. Её нельзя сформулировать, а только, исходя из какого-то товара, действительно в жизни пережить, какие товары обмениваются с этим товаром, практически определить, сколько должен стоить этот товар, но практически, с почти совершенной точностью. Этого нельзя добиться с помощью чисел, это должно быть сделано с помощью того, что группа людей, имеющих опыт работы в одной отрасли, объединяла бы свой опыт с опытом другой группы из другой отрасли, третьей, и так далее. Это не так сложно, как, вероятно, представляется сегодня; и вы можете быть абсолютно уверены в том, что для того, чтобы таким образом поставить на ноги ассоциацию, чтобы она могла решить проблему цен, вам не понадобится столько много людей, сколько использовали определённые государства для своего милитаризма и для института полиции. И это главное в экономической жизни. Тогда у каждого есть в определённом смысле некий норматив; по цене он видит, сколько ему надо работать. Нет надобности думать о том, как привлечь человека к работе, поскольку из того, что определяет цену, он видит, сколько ему надо работать; он сможет ориентироваться на это, и он сможет вести переговоры с другими людьми, относительно количества, времени своей работы и относительно всего прочего, на совсем другом основании, на взаимности.

Я хотел бы сегодня сказать ещё следующее: Что, собственно, является существенным в экономической жизни? Цена товара. Если вы покинете экономическую жизнь, в смысле «Основных пунктов социального вопроса», то вы обнаружите также, что является важнейшим в государственной жизни, - но тут вы должны думать о живой государственной жизни. В жизни государства самое важное - это определяемые посредством демократической совместной жизни права и обязанности, которые люди устанавливают друг для друга. Надо думать о том, что в экономической жизни опыт накапливается благодаря деятельности ассоциаций, чтобы в конце концов прийти к владеющей экономической жизнью цене товаров; надо думать о том, что всё, что не составляет тенденции к этому ценообразованию, должно быть изъято из экономической жизни. Состояние демократии в государственной жизни, или, если речь идёт о духовной жизни, свободная интеграция духовного члена в социальный организм; в духовной жизни, - это доверие, которое является основанием конституции, в государственной жизни - это, исходящий из чувства, смысл прав и обязанностей. Ассоциативное работает в направлении правильной цены. Экономической жизни необходимо доверие как сила духовной жизни, необходимо чувство для прав и обязанностей. С этим ритмом прав и обязанностей мы имеем нечто двойное, подобное вдоху

и выдоху в человеческой жизни. Это то, что должно пульсировать в государственной жизни, а доверие - это то, что должно пульсировать в духовной жизни.

В вопросах, - как было сказано, я беру сегодня только общее из различных вопросов, - тут есть, например, нечто, что входит в рассмотрение как такое общее: это вопрос о том, как, собственно, эта духовная жизнь должна действовать на два других члена социального организма, как она должна быть конституирована сама в себе. Но об этом мы ещё поговорим послезавтра. Но только пропустите через свою душу, - исходя из своих чувств, и непредвзято, независимо от того, что уже есть и всегда вносилось в духовную жизнь со стороны государства, - пропустите через свою душу то, чем является поставленная на саму себя душевная жизнь. Ну, мои многоуважаемые присутствующие, я думаю, в этом вы все сможете понять меня очень хорошо: Только когда духовная жизнь свободна, в этой духовной жизни в полной мере будет действовать те деловые качества (Tüchtigkeit), которые признаются и поддерживаются доверием; эти деловые качества будут действовать, и они будут действовать в той мере, в какой эта духовная жизнь будет эмансипирована от государства. А для всех этих «ретроградов» («Zörfen»), которые ничего не хотели знать о наших культурных советах, - я уже указал это с другой точки зрения, - можно заметить: когда речь зайдёт о деловых качествах, основанных на доверии, а не качествах, проштампованных государством, то очень скоро они уже не будут сидеть на своих курульных⁹⁹ креслах. Именно это позволило так быстро испариться всем нашим призывам к культурным советам, что - выражаясь образно - фалды фраков и юбок развеялись по ветру от той скорости, с которой они удирали, когда мы потребовали от них введение свободной духовной жизни.

Что ж, сегодня, мои многоуважаемые присутствующие, я просто хотел заранее обговорить некоторые вещи, которые, на основе заданных вопросов, позволят нам подойти к подробному рассмотрению. Поскольку я вижу насущную необходимость в том, чтобы углубиться в конкретные вопросы относительно организации отдельных членов социального организма и их взаимодействия. Но я хотел бы, чтобы меня поняли, и для этого я хотел бы хорошенько изучить и проработать вопросы к следующему вторнику. Однако, как из изучения «Основных пунктов социального вопроса», так и из всего другого, что я сказал в связи с этим направлением нашей духовно-научной деятельности, вы можете увидеть, что речь идёт воистину не о чём-то утопическом. В определённом смысле, это также даёт мне право сказать, что то, что имеется в виду под «Основными пунктами социального вопроса», не следует преобразовывать в утопическое. Я слышу это утопическое из различных обращённых ко мне речей, например, когда спрашивают: Когда у нас будет трёхчленность социального организма, как тогда будет обстоять дело с тем-то и с тем-то? - Так думает, как раз, утопист. Практик же прежде всего думает о том, чтобы сделать что-то позитивное. Важно действительно не то, что должно произойти с банкиром А, с модисткой Ф, с обладательницей швейной машинки С, - ведь, именно такие вопросы задаются, - а важно нечто существенно другое. Важно предпринять вещи, которые лежат в направлении одного из трёх этих импульсов трёхчленности социального организма.

Важно как-то начать с ассоциациями. Необходимо показать, что ни производственные, ни потребительские товарищества, в будущем надёжно функционировать не смогут. Необходимо отказаться от производственных товариществ, поскольку они на опыте продемонстрировали, что люди с настоящей личной инициативой всё же не могут посвятить себя им, и даже также совершенно не могут. Но надо отказаться также и от потребительских товариществ, хотя они ещё являются лучшими, особенно когда переходят к самопроизводству; но в будущем они не

99 Курульное кресло (лат. sella curulis) — инсигния, отличительный признак курульных магистратов, особое кресло без спинки с Х-образными загнутыми ножками. В Древнем Риме могло принадлежать только высшим магистратам, отсюда — курульный магистрат (лат. magistratus curulis). Таким образом, обладать курульным креслом имели право консулы, цензоры, преторы и курульные эдилы из числа ординарных магистратов, а также все экстраординарные магистраты. Из жрецов право на кресло имели только великий понтифик и севират (лат. sacerdotes Augustales). (прим. пер.)

смогут достичь своей цели по той простой причине, что они возникают не путём ассоциации того, что есть, а потому, что они всё же опять-таки стоят в рамках обычного капитализма, - по крайней мере, частично, когда они прежде всего односторонним образом организуют потребление, а производство, собственно, только включают в потребительскую организацию, если вообще это делают. Ещё меньше свидетельствуют о реальном прогрессе такие товарищества, как, например, сырьевые товарищества и им подобные; Такие товарищества вообще не имеют никакого смысла для ассоциативной жизни, поскольку их деятельность сводится к тому, чтобы делать что-то только в какой-то части хозяйственной жизни, в то время как вопрос сырья тесно связан с вопросом о потреблении. Я бы сказал, но я говорю это сейчас образно: В рамках всей экономической жизни наибольшую заинтересованность в работе по заготовке табачного сырья в табачных областях, должны, собственно, проявлять курильщики. Теперь я хотел бы знать, как сегодня, в нашей декадентской, извращенной экономике, интерес курильщика к вопросу о сырье, к управлению сырьем, связан с продуктом, который он в конце концов испаряет в воздух; он рассчитан только на самую внешнюю периферию. Я выбрал только один пример, который действует немного странным образом, поскольку он так отдалён; в других примерах связь гораздо заметнее. Ведь, необходимая ассоциативная связь между заготовкой сырья и потреблением сегодня даже не замечается.

Ведь, дело обстоит так, что это отвлечённое от действительности мышление всегда переводит в теоретическое то, что, например, в «Основных пунктах», собственно, имелось в виду практически. И больше всего теории, больше всего чисто деловой мистики, если можно так выразиться, я обнаруживал тогда, когда сегодняшние практики переводят задуманное практически «Основных пунктов» на свой язык, поскольку, как правило, они думают только, исходя из своего мелкого угла; а всё, что находится за пределами этого угла, где они господствуют как рутинёры, размывается для них в туманной деловой мистике. Но это, как раз, против ассоциативного принципа. Ассоциативный принцип должен работать в направлении того, чтобы, посредством взаимного отношения между товарами, была определена их стоимость. Однако, это может произойти лишь в том случае, если ассоциируются самые разные отрасли, поскольку, сколько отраслей находятся друг с другом в какой-то прямой или косвенной ассоциативной связи, столько отраслей имеют тенденцию к тому, чтобы посредством своей деятельности получить соответствующую экономике необходимую цену товаров. Эту цену нельзя рассчитать, но можно ассоциативно свести вместе отрасли экономики, и когда они объединятся таким образом, что при таком объединении получится определённое количество людей, которые должны быть заняты в каждой отдельной отрасли в соответствии с экономикой в целом, согласно производству и потреблению, тогда само собой произойдёт следующее: Ты даёшь мне свои сапоги за столько-то шляп, которые я даю тебе. - Деньги тогда лишь посредник. Ведь, за тем, что опосредуют эти деньги, стоит - сколько бы не было введено денег в качестве промежуточного продукта - стоит всё же то, что определяет стоимость сапог, стоимость шляп, также как и стоимость хлеба и масла и тому подобного. Но это получается только тогда, когда одна отрасль соприкасается в ассоциативной жизни с другой. Верить в то, что можно создавать ассоциации просто между производителями одной отрасли, - это утопия; они не ассоциируются. Что это значит, мы увидим в следующий раз, послезавтра. Ассоциация является сведением вместе, объединением, чтобы это объединение могло дать ту общую экспоненту, которая затем находит своё выражение в цене. Это живое разворачивание хозяйственной жизни, и только так эта хозяйственная жизнь может должным образом удовлетворять потребности человека. Это может произойти только в том случае, если люди стоят в экономической жизни с полным интересом, а не просто спрашивают: каковы интересы моей отрасли? Что я получу в моей отрасли? Как я буду занимать людей в моей отрасли? - Это может произойти только в том случае, если людей заботит: Как моя отрасль

должна стоять по отношению к другой отрасли, чтобы были правильно определены взаимные стоимости товаров?

Вы видите, мои многоуважаемые присутствующие, что это никакая не фраза, когда я говорю о том, что речь идёт прежде всего об изменении образа мышления. Тот, кто сегодня верит, что может продвинуться дальше, придерживаясь старого образа мышления, тот лишь ещё больше вводит людей в декаданс. Сегодня нам надо больше всего думать о переобучении, как раз, в экономической жизни. Об этом - послезавтра.

ВТОРОЙ ВЕЧЕР ВОПРОСОВ
Дорнах 12 октября 1920 года
(по случаю первого курса высшей антропософской школы)

Вопросы хозяйственной жизни — 2

Роман Боос: Должен сказать, что за сегодняшней лекцией последует дискуссия, и далее, после этой лекции, будет необходимо также провести детальное обсуждение конкретных экономических вопросов в узком кругу.

Рудольф Штайнер: Мои многоуважаемые присутствующие! Позавчера уже было сказано, что обе эти лекции, воскресная и сегодняшняя, в основном проводятся по желанию отдельных кругов, и что в существенном речь здесь пойдёт о том, чтобы сказать некоторые вещи относительно определённых вопросов и пожеланий, которые были высказаны. Поэтому сегодня, после того, как я подготовил для этого почву в воскресенье, я вполне конкретно займусь теми вопросами и пожеланиями, которые, как я сказал, были оглашены. Тут речь пойдёт прежде всего о том, что многим, кажется, принесла головную боль проблема ассоциаций. Я хотел бы вначале сказать об этом нечто в общем.

Видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, когда мыслят практически, то, ведь, всегда речь идёт о том, чтобы иметь в виду самые ближайшие обстоятельства и из этих самых ближайших обстоятельств находить точку приложения своей деятельности. Подумайте, как, собственно, мало плодотворно, когда в отношении ситуаций, которые вам предстоят, вы строите сегодня всякие красивые теоретические образы той или иной ассоциации и всего того, что должно в таких ассоциациях происходить и от чего нужно отказаться. Ведь, если долго дискутировать о таких вещах и строить себе образы всяких красивых, утопических вещей, то можно утешенным идти домой и верить, что ты много сделал для решения социального вопроса; но на самом деле, благодаря этому сделано не много. Речь идёт о том, чтобы вначале действительно воздействовать на то, что имеется непосредственно. Ведь, мы сталкиваемся с конкретными обстоятельствами экономической жизни, и мы должны спросить себя: Какие вещи самые необходимые, которые надо сделать прежде всего? - И затем надо попытаться найти возможность сделать эти самые важные вещи. Тогда с продвижением вперед, - которое, учитывая обстоятельства, действительно должно быть очень быстрым, чтобы не было слишком поздно, - будет гораздо лучше, чем если бы мы придумывали всякие утопические вещи или ставили не менее утопические вопросы. Правда, мы должны также до определённой степени понять, откуда появляется огромный вред современности. И тогда, с некоторым пониманием происхождения этого вреда, мы, скорее всего, привнесём свой энтузиазм в то, что является следующей необходимой вещью, чем во всякие утопические фразы. И тут я могу сразу же присовокупить вопрос, который, кстати, неоднократно повторяется в списке 39 вопросов, - это вопрос:

Каким образом то, что мы называем импульсом трёхчленности, не только привнести в сельское население, но как в смысле трёхчленности социального организма мыслить специально о земледелии как таковом?

Ну, никто не справится с таким мышлением, кто не видит радикальной разницы во всём способе производства, во всех экономических связях, между сельским хозяйством и индустриальным предприятием. Это необходимо видеть, потому, что до того, как разразилась катастрофа мировой войны, мы застряли в совершенно материалистическом, совершенно

капиталистическом образе мышления, - это было, так сказать, интернационально-капиталистическое мышление и деятельность, - и потому, что в продвижении вперёд в направлении, которое обуславливается капитализмом и которое и дальше будет следовать капитализму, - как раз, в этом должно проявляться всё большее расхождение сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Сельское хозяйство, в полном своём своеобразии, благодаря тому, что оно есть, не имеет невозможности до конца участвовать в капиталистическом экономическом порядке. Не поймите меня неправильно, я не утверждаю этим, что сельское хозяйство, - если капиталистическое мышление было бы всеобщим, - тоже не принимало бы участие в этом капиталистическом мышлении; ведь, мы видели, в какой высокой степени сельское хозяйство принимало участие в капиталистическом мышлении. Но оно было бы уничтожено в самой своей сути, и не могло бы больше соответствующим образом влиять на всё функционирование экономики. То, что в экономической жизни в высшей степени не только подходит для капиталистического развития, но даже ведёт к сверхкапитализму, - позвольте мне употребить это слово, в настоящее время оно уже будет понято, - то есть, полное равнодушие к способу работы, даже к продукту работы, в отношении которого всё, что имеет значение, - это просто что-то приобрести: это уже индустрия; индустрия несёт в себе действующие силы, совершенно отличные от действующих сил сельского хозяйства. Это видно только тому, кто какое-то время действительно наблюдал за тем, насколько в сельском хозяйстве невозможно перейти к капиталистическому крупному производству так, как это происходит в индустрии. Если сельское хозяйство действительно должно быть правильно включённым во всю экономическую жизнь, то - просто в силу того, что должно происходить в этом сельском хозяйстве, - необходима определённая связь между человеком и всем производством, видом производства, - то есть, всем тем, что должно производиться в сельском хозяйстве. И большая часть того, что производится, требует, если производство должно быть действительно рациональным, повышенного интереса тех, кто занят в сельском хозяйстве. Невозможно, чтобы в рамках самого сельского хозяйства появилось бы нечто вроде той абсурдности, - это абсурдность, которую я сейчас опишу, - той абсурдности, которая всегда возникает в последние десятилетия, когда приходится дискутировать с пролетариатом. Видите ли, эта абсурдность, которую я имею в виду, следующая.

Я уже упоминал о том, что много лет был учителем в школе для рабочих. Это сблизило меня с людьми пролетариата, я имел возможность о многом с ним поговорить и познакомиться со всеми душевными силами, которые в них действуют. Но некоторые вещи, привнесённые всем развитием нового времени, жили просто как абсурдность именно в рамках пролетарских устремлений. Возьмём, например, то, что пролетарские депутаты, как правило, отвергают армейский бюджет. Но в тот момент, когда при обсуждении говоришь пролетариям: Хорошо, вы против армейского бюджета, но вы позволяете нанимать вас в качестве рабочих фабрикатом пушек; вы делаете эти пушки с тем же настроением, что и любую другую продукцию. - Этого они уже не понимают, поскольку это их не касается. Качество того, что они производят, их тоже не интересует; их интересует только величина зарплаты. И так возникла та абсурдность, что, с одной стороны, они производят пушки, что они нигде и никогда не бастуют из-за качества производимого, а, в крайнем случае, из-за зарплаты и чего-то другого, но, с другой стороны, руководствуясь каким-то абстрактными партийными установками, отвергают армейский бюджет. Борьба против армейского бюджета, конечно, с необходимостью привело бы к тому, что пушки бы не производились. И если бы это произошло, например, в начале столетия, можно было бы избежать многое из того, что началось в 1914-ом году. Тут всё равно, капиталист или пролетарий участвует в каком-нибудь производстве, - им совершенно безразлично качество того, над чем они работают; но от этого зависит вся организация индустрии. В сельском хозяйстве такое невозможно; в сельском хозяйстве такое равнодушие к тому, что производится просто не работало бы. И там, где

возникло это равнодушие, где сельское хозяйство было, я бы сказал, заражено индустриальным образом мышления, там оно и хиреет. Оно хиреет таким образом, что постепенно начинает неверно включаться во всю хозяйственную жизнь.

Что же тогда, собственно, происходит? Тогда с тем, что я назвал первичной ячейкой экономической жизни, происходит следующее: Когда, на одной стороне стоит сельское хозяйство, на другой стороне стоит индустрия, и когда сельское хозяйство согласно своей сущности постоянно сопротивляется капитализации, а индустрия, напротив, стремится к сверхкапитализации, - тогда происходит полная фальсификация, реальная фальсификация экономической первичной ячейки. Но поскольку продуктами всё же необходимо обмениваться, - поскольку индустриальные рабочие, разумеется, должны есть, а сельскохозяйственные рабочие должны одеваться, или должны быть ещё какие-то потребители индустрии, - то есть, поскольку продукты должны быть обменены, в это обмене сельскохозяйственной продукции и индустриальной продукции возникает совершенно радикальная фальсификация. Эта экономическая первичная ячейка состоит просто в том, что в здоровой экономической жизни каждый должен получать за изготовленный им продукт столько, - если учесть всё остальное, что он получит, то есть, расходы и так далее, - сколько ему необходимо для удовлетворения своих потребностей до изготовления такого же продукта. Я уже часто это пояснял, выражаясь тривиально: Пара сапогов, как и любой другой продукт, - будь то физический или духовный продукт, - стоит столько, сколько необходимо сапожнику для удовлетворения его нужд, пока он снова не изготовит новую пару сапог. Экономическая жизнь, которая определяет цену сапог не посредством каких-то вычислительных операций, а имеет тенденцию к тому, чтобы эта цена выходила сама собой, - такая экономическая жизнь является здоровой. И тогда, если хозяйственная жизнь, благодаря своим ассоциациям, благодаря своим объединениям, как я это охарактеризовал позавчера, действительно здорова, тогда в неё можно вводить и деньги, тогда не нужны никакие другие средства обмена, тогда, разумеется можно использовать деньги, поскольку деньги сами собой становятся правильными репрезентантами между отдельными продуктами. Но поскольку в новое время, с одной стороны, сельское хозяйство по своей внутренней природе всё сильнее и сильнее сопротивлялось капитализации - оно капитализировалось, но сопротивлялось этому; это, как раз, и было коррумпирующим, - а, с другой стороны, индустрия стремилась к сверхкапитализму, поэтому было совершенно невозможно, чтобы цена какого-либо сельскохозяйственного продукта соответствовала бы индустриальному продукту так, как я только что охарактеризовал экономическую первичную ячейку. Всё больше оказывалось так, что у индустриального товара выходила другая цена, нежели та, которая должна была выйти. Благодаря такому ценовому положению индустриального продукта, деньги, получившие теперь самостоятельность, стали слишком дешёвыми, что нарушило всё соотношение между тем, что должно было поступать из сельского хозяйства к индустриальному рабочему и от индустриального рабочего - в сельское хозяйство.

Поэтому первое, - это деятельность, направленная на образование ассоциаций, которые образуются именно из сельского хозяйства с различными отраслями индустрии. Конечно, первый, я бы сказал, самый абстрактный принцип состоит в том, что ассоциации состоят в объединении различных отраслей. Но эти ассоциации смогут наиболее благоприятно действовать тогда, когда они образуются между сельским хозяйством и индустрией, а именно, если они формируются таким образом, что, благодаря их возникновению, будет осуществляться деятельность, направленная на достижение соответствующей ценовой ситуации. Однако, в этих ассоциациях, которые, естественно, надо сначала создать, поначалу немного что можно делать, - это бы сразу выяснилось. Если бы ассоциации могли быть созданы так, что индустриальные предприятия объединились бы с сельскохозяйственными предприятиями, и если бы это было сделано так хорошо, что они могли бы друг друга

обеспечивать, тогда тут же выяснились бы некоторые вещи, - я сразу же после этого назову условия, при которых это может произойти; некоторые вещи, конечно, можно сделать сразу.

Но что для этого необходимо прежде всего? Да, мои многоуважаемые присутствующие, для этого прежде всего необходимо вообще быть в состоянии основать нечто подобное в соответствии с разумом и чувством. Возьмём конкретный пример. В Штуттгарте был основан «Грядущий День». «Грядущий День», согласно своей идее, исходит, конечно, из того, что должно даваться принципами, импульсами трёхчленности. Следовательно, - как здесь и «Futurum», - первостепенной задачей было бы установление ассоциативного принципа между сельским хозяйством и индустрией, причём установление до такой степени, чтобы, благодаря ассоциации взаимных получателей, действительно оказывалось бы влияние на ценовую ситуацию, когда тот, кто является потребителями в одной области, становится производителями в другой области. Производителями становятся в другой области. Таким образом уже в относительно короткое время можно было бы очень много сделать в установлении по-настоящему верной цены. Но возьмём «Грядущий День» в Штуттгарте: совершенно невозможно уже сейчас сделать что-то разумное, поскольку, ведь, вы не можете независимым образом приобрести все товары, потому что это везде вступает в противоречие с сегодняшним коррумпированным государственным законодательством. Нигде нельзя произвести то, что хозяйственно необходимо, потому что государственный импульс везде против этого. Поэтому первое, что надо понять, это то, что прежде всего должны возникнуть сильные ассоциации, которые популярны так, как это только возможно, и которые способны в самых широких кругах полностью воспрепятствовать вмешательству государства во все области экономической жизни. Прежде всего, всякая экономическая акция должна исходить из чисто экономических соображений.

Но в нашем современном человечестве так сильно засело государственное мышление, что люди совершенно не замечают, что они, по сути, везде зависят от государства. Я уже десятилетия постоянно говорю: Величайшее желание современного человека, собственно, состоит в том, чтобы он, идя по миру, с правой стороны имел полицейского, а с левой стороны - врача. - Это идеал современного человека, чтобы государство обеспечивало его этими обоими. Поставить себя на свои собственные ноги, - это, как раз, не является идеалом современного человека. Но это, как раз, то, что необходимо прежде всего: Мы должны уметь обходиться без полицейского и врача, которых нам предоставляет государство. И пока мы не проникнемся этим настроением, мы не продвинемся дальше.

Но существуют все те учреждения, которые, прежде всего, не позволяют нам добраться до людей, которые входят в рассмотрение для такого образования ассоциаций. Возьмём один из последних великих продуктов капитализма, возьмем то, из чего образовались сильнейшее препятствие - кроме сонливости и коррупции крупной буржуазии - для нашего движения трёхчленности: это профсоюзное движение пролетариев. Это профсоюзное движение пролетариев, мои многоуважаемые присутствующие, является последним задающим тон продуктом капитализма, поскольку там люди объединяются чисто из принципа, чисто из импульса капитализма, даже если это похоже на борьбу с капитализмом. Люди объединяются без оглядки на какую-либо конкретную форму экономической жизни; они объединяются по отраслям в союзы металлистов, союзы книгопечатников и так далее только для того, чтобы вести борьбу за тарифы и зарплаты. Что же делают такие союзы? Они играют роль государства в области экономики. Они полностью вносят принцип государства в область экономики. Как производственные товарищества - союзы, которые, производители образуют между собой, - противостоят принципу ассоциации, так противостоят принципу ассоциации и эти профсоюзы. И тому, кто действительно хочет без предубеждения изучить развитие столь стерильных, столь бесплодных, столь коррумпированных революций современности, следовало бы немного заглянуть в жизнь профсоюзов и в их связь с капитализмом. Под этим

я подразумеваю не просто капиталистические аллюры, которые уже вошли в профсоюзную жизнь, но я имею в виду полное срастание профсоюзного принципа с капитализмом.

Смотрите, тут я подхожу к тому, что теперь в определённом смысле тоже необходимо. Позавчера я вам характеризовал: Ассоциации переходят от отрасли к отрасли, от потребителей к производителям. Благодаря этому, возникают связи между отдельными отраслями, поскольку тот, кто является потребителем чего-либо, всегда в тоже время является и производителем; это переходит друг в друга. Дело только в том, чтобы вообще начать с ассоциированием. Как я уже упоминал позавчера, лучше всего начинать с объединения потребителей и производителей в самых различных областях, а затем, как мы видели сегодня, создавать ассоциации, прежде всего, вместе с тем, что стоит близко к сельскому хозяйству и тем, что является чистой индустрией. Я имею в виду сейчас не ту индустрию, которая ещё сама добывает себе сырьё, которая стоит к сельскому хозяйству ближе, чем индустрия, которая является уже полным паразитом и работает только с индустриальными продуктами и полуфабрикатами и так далее. Тут вполне можно войти в практическое. Если только хотеть и иметь достаточно инициативы, можно начать создавать эти ассоциации. Но прежде всего нам необходимо увидеть то, что ассоциативный принцип является настоящим экономическим принципом, потому что ассоциативный принцип работает в направлении цен, и в определении этих цен не зависит от внешнего. Если ассоциации будут распространяться на достаточно большую территорию и на смежные экономические области, на связанные с какой-либо экономической отраслью области, то можно добиться очень многого. Видите ли, причина, по которой всё застревает, всегда, как раз, в том, что, когда вы сегодня начинаете строить ассоциативную жизнь, вы сразу же во внешнем мире сталкиваетесь с нежеланием людей образовывать ассоциации; это можно заметить в самых разных областях. Только люди не замечают, на чём, собственно, эти вещи основываются. Поэтому позвольте мне ещё раз вернуться к примеру нашей практики. Правда, это пример, где необходимо было экономически работать, в некоторой степени, с духовными продуктами.

Теперь, смотрите, в этом особенность нашего философско-антропософского издательства, я об этом уже упоминал, что оно работает в полной гармонии с ассоциативным принципом, - по крайней мере на начальном этапе, она, ведь, должна быть связана с типографиями и так далее, и здесь оно, в свою очередь, входит в другие хозяйственные районы; благодаря этому трудно достигнуть чего-то значимого, но оно может служить образцовым примером. То, что в нём создано, надо было только распространить на другие отрасли, надо было только распространить дальше ассоциативный принцип. И тут речь идёт о том, чтобы, прежде всего, собрать заинтересованных лиц, например, если бы кто-нибудь взял на себя обязанность собрать, скажем, тысячу людей, - я хочу здесь дать определённое число, - которые были бы готовы у определённого пекаря покупать его хлеб. Так в Антропософском Обществе, - которое, ведь, было создано для другой цели, но всё имеет также и свою экономическую сторону, - нашлись люди, которые стали потребителями книг, и поэтому мы никогда не производили книги на конкурентной основе, а мы производили только те книги, о которых мы знали совершенно точно, что они будут проданы. Таким образом, мы не занимали печатников, изготовителей бумаги и так далее напрасно, а мы давали работу только такому числу работников, которое было необходимо для производства того количества книг, о котором мы знали, что они будут проданы. То есть, на рынок не выбрасывались не необходимые товары. Благодаря этому, в пределах производства и продажи книг действительно устанавливается что-то экономически рациональное, поскольку избегается ненужная работа. Я уже обращал на это внимание: в противном случае издания печатаются, выбрасываются на рынок, а потом возвращаются снова, - делается столько ненужной бумажной работы, нанимается столько ненужных наборщиков и так далее. Тот факт, что делается так много ненужной работы, - это то, что губит нашу экономическую жизнь, поскольку просто отсутствует чувство того, чтобы рационально сообща работать

через ассоциации, чтобы производство действительно знало, куда продавать свою продукцию.

Ну, знаете ли вы, что тогда исчезнет? Вы должны это обдумать: То, что исчезнет, - так это конкуренция. Если вы сможете таким образом установить цену, если, объединив отрасли, вы действительно сможете установить цену, тогда конкуренция прекратится. Нужно только определенным образом поддержать это прекращение конкуренции. И это можно поддержать посредством того, [что различные отрасли объединятся в ассоциации]. Правда, потребность в объединении людей из одних и тех же отраслей существовала всегда; но это объединение людей из одних и тех же отраслей фактически теряет свою экономическую ценность, поскольку, благодаря тому, что нет необходимости конкурировать на свободном рынке, больше нет и необходимости сбивать цену и тому подобное. Правда, тогда ассоциации, основанные преимущественно от отрасли к отрасли, будут пронизаны теми объединениями, которые мы могли бы тогда снова назвать товариществами (Genossenschaften). Последним, однако, уже, собственно, больше не надо иметь реального экономического значения, они скорее выпадут из непосредственно экономической жизни. Если объединятся те, кто производит один и тот же продукт, то это будет очень хорошо, но это будет хорошей возможностью развить там более духовные интересы, если там будут преимущественно люди, которые будут работать и знакомиться, исходя из общих направлений мысли, если у них будет определенная моральная связь. Тот, кто мыслит реалистично, может видеть, как быстро можно было бы избавить союзы одних и тех же отраслей от заботы установления цен тем, что цены определялись бы только союзами различных отраслей. Посредством этого, - посредством того, что в объединения родственных товаров, я бы сказал, вошла бы моральность, - был бы наилучшим образом создан мост к духовной организации трёхчленного социального организма. Но такие объединения, которые возникли чисто из капиталистической экономической системы, вроде профсоюзов, должны исчезнуть как можно быстрее.

Недавно один человек, имеющий дело с экономической жизнью, спросил меня, что, собственно, должно сейчас произойти, поскольку действительно очень трудно что-то придумать для того, чтобы оказать положительное влияние на быстро гибнущую экономическую жизнь. Я сказал: Да, если вы будете продолжать так с соответствующими государственными органами, которые, ведь, ещё имеют решающее значение для экономической жизни - и особенно сегодня, - если вы будете продолжать в том же духе, то это обязательно приведёт к дальнейшему разрушению. - Поскольку, что было бы необходимым сегодня? Было бы необходимым, чтобы те, кто постепенно должен был бы преобразовывать себя в направлении от государственного буржуа к носителю экономических ассоциаций, меньше занимались бы тем, что можно было, например, заметить в Вюртемберге, где было социалистическое министерство¹⁰⁰. Да, как раз в то время, когда мы были особенно активны, эти люди иногда обещали, что хотели бы приехать. Но они не приехали. Почему? Да, они всегда извинялись, потому что у них были заседания кабинета министров. Этим людям можно было только сказать: Когда вы собираетесь, вы можете планировать всё, что хотите; в любом случае, социальной жизни вы не поможете. - Также

100 После отречения короля 29 ноября 1918 года к власти пришло революционное правительство, первоначально находившееся под совместным руководством социалистов большинства и независимых социалистов. Однако, правительство не было чисто социалистическим, а включало в себя также представителей центра, демократических и либеральных течений. Социалист большинства Вильгельм Биос (Wilhelm Bios) (1849-1927) возглавил временное правительство. В январе 1919 года независимые вышли из состава коалиционного правительства. В марте 1919 года Биос был избран государственным президентом, - таково было официальное обозначение поста премьер-министра Вюртемберга в то время, - хотя на выборах в учредительное национальное собрание большинство получили представители бюргерства. Однако в мае 1920 года он ушел в отставку - после того, как левые партии снова проиграли на выборах, - и в июне 1920 года было сформировано бюргерское правительство под руководством президента Йоханнеса Хибера (Johannes Hieber).

министры и все те, кто теперь занимал более низкие должности, должны были тогда не сидеть в кабинетах, а повсюду участвовать в народных собраниях, чтобы таким образом находить массы и работать с ними; те, кому есть чему учить, должны были каждый вечер принадлежать рабочим. Благодаря этому, можно было бы обрести людей, чтобы профсоюзы исчезли бы разумным образом. И они должны исчезнуть, поскольку только благодаря тому, что эти профсоюзы, являющиеся чисто рабочими объединениями, исчезнут, смогут возникнуть ассоциации, и это совершенно безразлично, склоняется ли сегодня кто-то к профсоюзам или объединениям служащих, или даже к капиталистическим объединениям определённой отрасли, - все они принадлежат друг другу, они принадлежат к ассоциациям. Это то, о чём идёт речь; что мы прежде всего должны действовать в направлении уничтожения того, что разъединяет людей.

Видите ли, это наибольший вред, который мы имеем. Ведь, сегодня то, что разумно, как раз, в экономической жизни, совершенно невозможно как-то включить в прочий мир. О «Грядущем Дне» я говорил, что он на каждом шагу просто натывается на государственные законы; они, ведь, не позволяют ему делать то, что он должен делать. И, взгляните на философско-антропософское издательство, посредством чего оно могло действовать разумным образом? Оно могло плодотворно действовать посредством того, что оно не нанимало не необходимых работников, наборщиков и так далее, благодаря этому оно могло действовать так, что - извините меня за несколько тривиальное выражение, - оставило с носом весь институт прочих книготорговых организаций, оставило с носом всех этих людей, играющих роль государства, не обращая на них внимания, а заботилось лишь об ассоциации между производством и потреблением книг. Этого, конечно, не ожидали все те, кто со всей своей властью всегда требовали, чтобы это философско-антропософское издательство было другим. Определённо, сегодня мы сталкиваемся с чем-то совсем другим, нежели в то время, когда мы могли работать с философско-антропософским издательством. Оно должно действовать шире. Однако, невозможно организовывать философско-антропософское издательство с его производством непосредственно так, как организуется нечто такое, что, в свою очередь, [вливается] в обычную, бессмысленную рыночную экономику книжного производства и распространения; если создать обычное издательство, то иначе и быть не может. Поскольку речь идёт о том, что сначала эти вещи должны стать другими, поскольку то, что делается разумным образом, не может быть помещено в сегодняшнюю привычную экономическую практику.

Чему учит нас всё это? Что, прежде всего, необходимо создавать ассоциации, для того, чтобы насколько это возможно объяснить миру, что нужно бороться с ненужной работой, что рациональным образом должно быть установлено отношение между потребителями и производителями. В момент, когда из замкнутого круга необходимо выйти в общественную жизнь, тут же возникает большая трудность. Например: мы должны были - это было само собой разумеющееся - мы должны были основать нашу газету «Трёхчленность социального организма». Да, чем бы могла быть эта газета, если бы она могла иметь основание, если бы она действовала, производилась так, как книги философско-антропософского издательства, то есть, если бы не производилось ничего лишнего! Конечно, сюда относится соответствующее количество подписчиков, всего лишь такая мелочь. Но так, как дело обстоит сегодня, все мы, работающие для газеты по трёхчленности, делали ненужную работу¹⁰¹, например, в нашей духовной продукции. Распространение, которое газета имеет

101 Примерно через месяц после этого вечера вопросов, 17 ноября 1920 года, по случаю инаугурации Ойгена Бенкендорфера (Eugen Benkendoerfer) в качестве генерального директора «Грядущего Дня», Рудольф Штайнер объяснил собравшимся сотрудникам Центра трёхчленности в Штутгарте (запланировано для GA 337d): «Например, нам нельзя забывать урок, исходящий из того факта, что много месяцев назад у нашей газеты для трёхчленности было ровно столько же читателей, сколько и сегодня». И в лекции для членов Общества в Дорнахе от 16 января 1921 года (в GA 203) он указал на причины этого факта: «Правда, наш журнал для трёхчленности не приобрел ни одного подписчика с мая. И при этом мы являемся обществом, в

сегодня, недостаточно для того, чтобы эту работу можно было бы рассматривать как нужную. И такие примеры можно было бы привести из самых разных областей.

Что же нам в связи с этим необходимо в первую очередь? И тут я подхожу к другому классу вопросов, которые возникают снова и снова: Что же нам в связи с этим необходимо в первую очередь? - Прежде всего нам необходимо, чтобы было сильным само движение для трёхчленности социального организма, чтобы оно действовало и пришло к пониманию того, что необходимо. Видите ли, мои многоуважаемые присутствующие, это действительно обусловлено обстоятельствами времени и внутренней сущности дела, и это не случайность, не какая-то моя причуда или причуда кого-то ещё, что это движение трёхчленности выросло из Антропософского Общества. Если бы оно правильно выросло, я мог бы также сказать, если бы Антропософское Общество было тем правильным, из чего выросло движение трёхчленности, то оно уже сегодня стало бы чем-то другим, чем оно есть. Ну, то, что не произошло, можно, ведь, ещё сделать. Но нужно подчеркнуть, что вначале надо понять, что в трёхчленности правильным образом можно было бы действовать именно на основании антропософии. Прежде всего, было бы необходимым увидеть, что для таким всеобъемлющих принципов, - которые в высшей степени практичны, как это описано в моих «Основных пунктах», - требуется человеческое участие, правильное человеческое участие. Этому можно было бы научиться на основании антропософского движения. Конечно, люди обижались, когда, например, тот или иной цикл читался только для определенного числа подготовленных людей, но на то были веские причины¹⁰². И если бы то, что одному позволено посетить какой-то цикл, а другому нет, не говорилось из глупого тщеславия, если бы все эти вещи не были перепутаны с глупым тщеславием, а были бы поняты внутренне, тогда всё было бы нормально. Тогда также в нужный момент было бы видно, что может и чего не может печатный станок. Было бы хорошо, если бы сегодня у газеты для трёхчленности было, скажем, 40 000 подписчиков. Но как их можно было бы получить? Их можно было бы получить только в том случае, если бы помощь приходила не от печатного станка, а от личного участия, действительно личного участия согласно требованию ситуации. Но это, как раз, то, что понимается меньше всего.

Видите ли, тут нужно коснуться одного пункта, но сегодня таких пунктов необходимо касаться, поскольку они являются жизненно важными вопросами трёхчленности; например, я читал лекцию рабочим завода Даймлера в Штутгарте. Ну, мои многоуважаемые присутствующие, речь шла о разговоре с совершенно определённой группой людей, которые имели совершенно определенные мысли относительно социальных отношений, и использовали очень специфический язык. Эта лекция читалась для этих и им подобных рабочих. И надо было, чтобы эти люди её поняли, надо было говорить с людьми, исходя из сложившихся обстоятельств. Вместо этого люди сегодня стремятся к тому, чтобы то, что должно быть сказано определенным образом перед определенными людьми, - разумеется, не для того, чтобы одним говорить одно, а другим другое, а для того, чтобы быть понятым

котором тысячи и тысячи членов». Таким образом, цель ежедневной газеты не была достигнута не только из-за в большинстве своём отвержении со стороны внешнего мира, но и потому, что она вызвала мало интереса и среди антропософов.

102 По поводу причин того, почему печатные варианты лекций Рудольфа Штайнера давались только членам Общества, Рудольф Штайнер писал в XXXV главе книги «Мой жизненный путь» (GA 28): «Это были стенограммы, которые были сделаны более или менее хорошо и которые - из-за нехватки времени - не могли быть мною проверены. Я бы предпочел, чтобы устно сказанное слово, таковым и оставалось. Но члены Общества хотели, чтобы курсы были напечатаны. И вот как это произошло. Если бы у меня было время на их исправление, то с самого начала не было бы и ограничения «Только для членов Общества». В связи с воссозданием Антропософского общества на Рождество 1923 года это ограничение было снято. Уже в лекции для членов Общества в Дорнахе от 4 марта 1923 года Рудольф Штайнер пояснил (в GA 257): «Сегодня думать по старому об этих вещах больше нельзя. Конечно, есть антиквариаты, где за определённую плату можно одолжить эти циклы [...] В этом отношении наше время стало демократичным и духовно».

людьми, - было бы как можно быстрее напечатано, доверено печатному станку. И тогда это напечатанное передаётся совсем другим людям, которые злятся, поскольку ничего не могут понять. Это то, чему нельзя было научиться у антропософского движения, - всё делалось наоборот. Нужно было бы научиться распознавать ситуацию, действовать из своего человеческого. Поэтому речь идёт о том, - и будет идти в дальнейшем, если мы собираемся идти вперёд, а не назад, - чтобы собралось как можно больше людей, которые бы поняли, что прошло то время, когда человек представляет свои взгляды в общем, согласно своему образованию, исходя из классового сознания, сословного сознания, университетского сознания или сознания учителя гимназии или любого другого, что человек представляет эти свои взгляды независимо от того, перед какой аудиторией он говорит. Не правда ли, эти взгляды представляются независимо от того, приглашён ты со своей страница за страницей проработанной лекцией пролетарским собранием, где с самой высокой трибуны зачитываешь то, что стоит на этих страницах, или произносишь это наизусть, или ты приглашён на собрание евангелических пасторов, и говоришь там то же самое. Этим разрушается наша социальная жизнь. С этим мы не продвинемся дальше. Мы не хотим учить язык людей, к которым обращаемся. Но в том-то и дело, чтобы изучать язык людей, к которым обращаешься. И этому можно было бы научиться в Антропософском Обществе, где об этом всегда заботились, где речь действительно шла о достижении того, что можно было бы достичь в данный момент.

Иногда это было так гротескно, что с достигнутым нельзя было идти дальше. Со мной, например, - я рассказываю это для иллюстрации, - однажды произошло следующее. Для прочтения антропософской лекции меня пригласили в один берлинский клуб спиритистов. Ну, конечно, я говорил с людьми не о спиритизме, а об антропософии. Они всё это слушали. Слушали, конечно, по-своему. Я говорил с этими людьми не так, как разговаривал бы с естествоиспытателями, потому что иначе эти спиритуалисты, перед которыми стояли кружки с пивом, мало что поняли бы. Что случилось потом? Им так понравилась лекция, - а я рассказываю вам факт, - что после этого меня избрали президентом. Тогда со мной было несколько теософов, они присутствовали при этом и очень испугались, поскольку не мог же я быть президентом клуба спиритуалистов. Что же будет? - спросили меня они. Я больше туда не пойду, - ответил я. В результате президентство отменилось само собой. Но с этими людьми тоже можно было говорить, и они что-то из этого вынесли, пусть сначала и не очень много.

Так что речь идёт о том, чтобы извлечь из ситуации реальное, если мы хотим завоевать людей для экономических вещей, для экономического сотрудничества. И мы не продвинемся дальше, если не смогут быть реализованы такие вещи. Надо обращать внимание на вопросы, подобные тем, которые были заданы вчера на небольшом собрании, где один господин, очень глубоко вовлеченный в экономическую жизнь, сказал: Да, трёхчленность действительно такова, что она указывает единственный выход из бедствий, но её надо довести до понимания. - Для того, чтобы довести её до понимания, нам, прежде всего, необходима техника личной агитации. Затем мы можем и должны иметь такие газеты, как газета «Трёхчленность социального организма, которая как можно быстрее должна преобразоваться в ежедневную газету. Нам она нужна, но она значит ни что иное, как снова какое-то количество ненужной работы, если за ней не стоит активная личная деятельность, - такая сознательная личная деятельность, которая действительно отваживается говорить, что в будущем люди хотят нечто иное, нежели полицейских и отштампованных государством врачей, с которыми будешь и ограблен, и болен. Быть ограбленным и больным можно и каким-нибудь другим образом. Поэтому, речь идёт прежде всего о том, что, как раз, что-то вроде роспуска профсоюзов, должно привести к сведению вместе руководителей предприятий и рабочих, поскольку, не так ли, с одной стороны, рабочие в своих профсоюзах, а с другой стороны, руководители в своих союзах, и они говорят на разных языках и не

понимают друг друга. Вы не поверите, насколько различны их языки. Я могу вас уверить, что тот, кто с честной волей не изучает язык пролетариата, только возбудит против себя предубеждения, - какой бы радикальной ни была его фразеология, - если он будет сегодня говорить с пролетариями так, как говорит с ними буржуазия. Напротив, он тогда только ухудшит положение вещей, если не войдёт в душевное состояние, в то, что содержится в душе сегодняшнего пролетарского населения. Здесь играет роль не радикальная фразеология, а нахождение себя внутри происходящего.

И с этим я подхожу к другому сорту вопросов. Например, спрашивают:

Кто, собственно, входит в рассмотрение, когда речь идёт о необходимости пропагандировать трёхчленность социального организма? Ведь имущие не могут входить в рассмотрение, поскольку у них нет никаких других стремлений, кроме сохранения своего имущества.

Они также не думают об усвоении каких-либо других мыслей, кроме тех, благодаря которым они приобрели свое имущество. Кроме того, они ещё и просыпают все важные события настоящего, ничего не знают о них. В лучшем случае они знают, что поляки теперь снова одержали верх; раньше они строили свои планы, когда русские брали верх, и так далее¹⁰³. Что то, что зарождается на Востоке, не побеждено какой-нибудь польской победой, - этого дорогие буржуа Западной и Центральной Европы не замечают. И если то, что живёт на Востоке, не сможет быть побеждено теми импульсами, которые лежат в направлении трёхчленности, то это, в свою очередь, войдёт в какую-нибудь другую голову; если оно даже будет побеждено и уничтожено в одной форме, оно взойдёт снова в новой форме. Таким образом, постановка такого вопроса в определённой степени правомерна; имущие едва ли входят в рассмотрение, а пролетариат, - пролетариат, ведь, как мы видели, тоже пока ничего не хочет об этом знать. Но, мои многоуважаемые присутствующие, нам совершенно не нужно ставить вопрос таким образом, нам нужно лишь попытаться делать правильное в том направлении, о котором я говорил, и действительно познакомиться с тем, что есть, не проходить в сонном состоянии мимо происходящего сейчас. Что, как правило, знают буржуа о том, что происходит в профсоюзах? Они не знают об этом ничего. Да, самое обычное явление сегодняшнего дня таково: как буржуа, вы проходите по улице мимо рабочего, и проходите мимо него, собственно, так, что вы понятия не имеете о том, что вас с ним связывает. Речь идёт о том, чтобы мы выполняли свой долг по отношению к прогрессу, как я сейчас показал, - тогда будет обнаружено и существенное. Ведь, речь идёт, как раз, о том, что сегодня, когда мы уже можем развивать конкретные устремления, когда у нас есть ассоциативный принцип, как я его охарактеризовал позавчера, который мы можем там, где это возможно, вызвать к жизни, и там, где мы можем, уже сегодня сделать всё, чтобы устранить профсоюзную жизнь и создать ассоциативные объединения между руководителями предприятий и рабочими, тогда, если мы можем работать над роспуском профсоюзов, мы сможем сделать и многое другое. Прежде всего, исходя из нас самих, мы можем укрепить то, что представляет собой Союз трёхчленности социального организма.

103 С распадом России и Центральных держав Польша также вновь стала независимым государством. Однако его восточная граница с Советской Россией не была закреплена и была предметом вооруженных конфликтов между двумя странами. Несмотря на обширные уступки русских большевиков, Польша под командованием главнокомандующего Йозефа Пилсудского 26 апреля 1920 года начала наступление, завершившееся взятием Киева. 2 июня 1920 года началось контр наступление советских войск под командованием генерала Михаила Тухачевского, и Красная Армия продвинулась далеко на запад, до реки Вислы в Варшаве; в то же время было объявлено о начале коммунистической революции в Центральной Европе. Так называемое «Чудо на Висле» 16 августа 1920 года остановило наступление русских и отбросило русские войска. 12 октября 1920 года было подписано перемирие, а 18 марта 1921 года был подписан Рижский мир, в результате чего первоначальные территориальные требования Польши были в значительной степени удовлетворены: польская граница проходила далеко на восток и включала также большие не-польские территории в Украине и Белоруссии.

Конечно, когда я говорю «нас», я имею в виду всех сидящих здесь без исключения, а не только членов Антропософского Общества, - среди которых, ведь, есть и такие, которые ещё и сегодня говорят: Политическая жизнь должна быть далека от настоящего антропософа, он может заниматься политической жизнью только тогда, когда этого требует его профессия. - Такое тоже случается, такие эгоисты есть, и они тем не менее называют себя антропософами, которые считают, что развивают особенную эзотерическую жизнь, сектантским образом собираясь в небольшие кружки и удовлетворяющие своё душевное сладострастие всяческой мистикой.

(Аплодисменты)

Мои многоуважаемые присутствующие, это ни что иное, как сектантским образом организованное отсутствие любви; это просто речи о человеколюбии, в то время как настоящее человеколюбие, - это то, что исходит из самого внутреннего принципа антропософской деятельности. Важно то, что должно быть выражено Союзом для трёхчленности, - понимание этих вещей сегодня бесконечно важно, важнее, чем высиживание всех деталей. Потому что, мои многоуважаемые присутствующие, такие вопросы, которые станут конкретными вопросами, послезавтра прозвучат совсем по-другому, нежели мы можем себе это представить, когда завтра мы должны будем ставить на ноги какое-нибудь предприятие, которое действительно внесёт свой реальный вклад в эмансипацию экономической жизни от государственной жизни; только тогда возникнут настоящие задачи.

Нам совершенно не нужно задавать вопросы, исходя из сегодняшних взглядов, например, как люди из духовной организации будут осуществлять перемещение капитала. Просто позвольте произойти чему-то, связанному с возникновением трёхчленности, просто позвольте проявиться чему-то деятельному, и тогда вы увидите, какое значение будет иметь нечто вроде того, что сегодня можно поставить как вопрос. Сегодня, когда вы рассматриваете духовный организм, то есть, сумму низших и высших учебных заведений, и ставите вопросы относительно отдельных из них, тогда вы ставите вопросы относительно какого-то коррумпированного государством института. Вам нужно вначале подождать, какие вопросы можно поставить, когда произойдёт эмансипация духовной жизни. Тогда вещи окажутся совсем другими, нежели сегодня. И так же обстоят дела в экономической жизни. Вопросы, которые можно будет поставить, только тогда и появятся. Поэтому мало плодотворно в общем говорить об ассоциациях и так далее, и мало чего выйдет, если мы хотим получить представление о том, как одна ассоциация должна соединяться с другой. Просто позвольте возникнуть тем экономическим ассоциациям, в рамках которых тогда надо будет работать без государственной помощи, - я имею в виду также и в духовной области без государственной помощи, - поскольку тогда возникнут правильные вопросы, поскольку тогда надо будет работать, основываясь на самого себя, и тогда надо будет думать экономическим образом, чтобы дела вообще шли. И это будет иметь первостепенное значение для экономического развития.

Только подумайте, что вышло бы, если бы эти вещи были поняты в важный момент новейшей экономической жизни; в то время, когда сообщение выросло потому, что всё больше и больше развивалась железная дорога, тогда современные люди объявили себя экономическими импотентами и передали железную дорогу государству. Если бы система железных дорог управлялась из экономического организма, она получилась бы другой, нежели она стала, исходя из интересов государства, когда она по большей части вошла в сферу его фискальных интересов. Важнейшие вещи для экономической жизни были упущены: больше это делать непозволительно; а конкретные вопросы никуда не денутся. Люди разучились экономически думать, поскольку они думали, что если в экономической

жизни чего-то не хватает, то выберут соответствующего депутата, депутат сообщит об этом парламенту, и министр издаст какой-то закон, - законы можно издавать всегда, не об этом речь, речь идёт о людях. А они будут жаловаться, если государство - конечно, только кажущимся образом - не возьмёт дело на себя.

Из таких - я бы сказал - ретроспективных взглядов на прогресс вырастает также всё, что живет в следующем вопросе:

Если духовная жизнь станет свободной, не займет ли тогда особенно выгодное положение католическая церковь? Не лучше ли, если она будет контролироваться государством?

Ну, всё же до сих пор наибольшие бедствия приходили с другой стороны, от того, что государство оказывало покровительство католической церкви. Словом, эти вещи выглядят совсем по-другому, когда действительно оказываешься внутри того, что вызывается к жизни трёхчленным социальным организмом, к которому надо вначале прийти, чтобы мы не делали третий шаг перед первым.

Возникают и такие вопросы, как этот, которые, разумеется, очень интересны, поскольку они тесно с этим связаны, но, мои многоуважаемые присутствующие, по отношению к импульсу трёхчленности они всё же приобретают совсем другой вид, нежели представляется сейчас. Так, кто-то, например, спрашивает, каким образом в трёхчленном социальном организме антропософия возьмёт деньги для Гётеанума, поскольку он считает, что тогда не окажется в распоряжении никакого капитала. Ну, мои многоуважаемые присутствующие, в этом отношении я совершенно спокоен, поскольку в тот момент, когда у нас будет свободная духовная жизнь, с антропософией, - уже просто исходя из сущности этой свободной духовной жизни, - дело будет обстоять совершенно по-другому, и тогда можно будет отказаться от того принципа попрошайничества, от которого мы, к сожалению, сегодня зависим, и к которому со всей остротой должны апеллировать. Но в рамках действительно свободной, то есть, здоровой духовной жизни, со строительством Гётеанума не будет никаких проблем.

Точно так же, не надо будет ломать себе голову и относительно такого вопроса, который возникает снова и снова:

Если бы был трёхчленный социальный организм, были бы тогда в духовной организации также и такие люди, которые принимали бы правильные решения, относительно того, гениальный ли это художник, картины которого нужно распространять и продавать?

Если бы был трёхчленный социальный организм, - я могу только всегда говорить, надо вначале создать что-то, что поставит его на ноги. Но люди думают: Если бы он сейчас уже был, - есть же так много людей искусства, которые, по их мнению, так ужасно талантливы, так ужасно одарены, так ужасно гениальны, - ведь, не было бы большой опасности в том, что всё больше и больше увеличилось бы число непонятых гениев? Как уже было сказано, над этими вещами мне никогда не приходилось ломать голову, поскольку свободная духовная жизнь будет лучшим основанием для раскрытия таких талантов. И, прежде всего, вы должны подумать над тем, что в трёхчленном социальном организме не будет совершаться ненужная работа. Люди совершенно не задумываются над тем, сколько свободного времени мы получим, если мы не будем совершать ненужную работу; по-сравнению с этим свободное время наших тружеников и наших бездельников - просто мелочь. Но для того, что, по сути, иначе, нежели за плату, процветать не может, как раз, в трёхчленном социальном организме найдётся достаточно времени. Как по мне, так вы можете принимать то, что я сейчас говорю, это за абстракцию, но я могу только сказать: Попытайтесь вначале поставить этот трёхчленный социальный организм на ноги, и вы увидите, что в нём соответствующим образом, согласно способностям людей, может развиваться и искусство.

Многоуважаемые присутствующие, я должен бы разделить все эти вопросы на категории, поскольку, в конце концов, невозможно ответить на все эти 39 вопросов по отдельности. Ведь, некоторые вещи интересуют людей действительно только потому, что они, по сути, совершенно не могут себе представить, что определённые вещи, например, в свободной духовной жизни, будут выглядеть совсем по-другому. Так, задают вопрос, следует ли позволить жизни кино, со всеми её аморальными порывами, свободно развиваться в трёхчленном социальном организме, или здесь всё же должно вмешаться государство, чтобы люди не видели столь аморальные фильмы. Тот, кто спрашивает об этом, не знает определённого глубоко социального закона. Всякий раз, когда вы думаете, что можете использовать государственную власть для борьбы с чем-то, скажем, с безнравственностью в кино, вы не учитываете, что, запрещая таким образом безнравственные кинофильмы, - если у людей вообще имеются инстинкты смотреть такие фильмы, - вы будете перенаправлять эти инстинкты в другую область, может быть, ещё более пагубную. И призыв к законодательству против аморального искусства, - даже если это кинофильмы, - выражает ни что иное, как бессилие духовной жизни быть господином над такими вещами. В свободной духовной жизни эта духовная жизнь будет иметь такую власть, что люди не будут посещать такие фильмы из-за своих убеждений. Тогда государству, само собой разумеется, не нужно будет запрещать аморальные кинофильмы, потому что они будут для людей слишком глупы. Но с тем, что мы сегодня вносим в мир как науку, мы, естественно, не культивируем те инстинкты, которые привлекают к аморальному кино.

На многие вопросы вы нашли бы ответы сами, если бы внимательнее отнеслись к литературе о трёхчленности социального организма. Я постарался выделить, по меньшей мере, самые важные вопросы. Хочу упомянуть ещё только об одном, двадцать восьмом:

Нельзя ли облегчить популяризацию как антропософии, так и трёхчленности социального организма тем, что не использовались бы выражения, непонятные широким кругам?

Я не могу ответить на это иначе как: Это, насколько это возможно, делается, и мы увидим, что из этого получится. Но я думаю, Вы должны больше воспринимать то, что сегодня лежит в общем таких обсуждений, и меньше обращать внимания на детали; а это общее заключается в том, чтобы обратить внимание на то, что этот импульс трёхчленности является полностью практическим. И поэтому мы не должны болтать вокруг да около и обсуждать, как это будет выглядеть в деталях с тем или иным в трёхчленном социальном организме, а, прежде всего, мы должны понять эту трёхчленность социального организма и это понимание распространять, вносить его во всё, поскольку нам нужны люди, которые обладают этим пониманием. А затем, когда у нас появятся такие люди, тогда нам нужно будет только призвать их для занятия деталями. Но вначале таких людей надо иметь. Мы должны сначала достичь здорового распространения, - но как можно скорее, иначе будет слишком поздно.

Это то, что я должен был сказать уже давно, потому что больше года назад я пытался написать обращение «К немецкому народу и культурному миру». Оно было определённо понято, о чём свидетельствует действительно большое количество подписей. Но тех, кто работает над его реализацией, немного. «Обращение» должно было бы стать более известным, а «Основные пункты» должны были бы повлиять ещё совсем иначе, а именно, стать известными, как раз, в действии от человека к человеку. Настоящее движение не работает так, как это сейчас происходит у нас, - простым распространением шрифтов, проспектов, тезисов; это делается совсем другим образом. Союз для трёхчленности социального организма должен получить жизнь в самом себе; он должен быть, прежде всего, объединением людей. Совершенно всё равно, рассылаем мы то или это, или нет, если речь идёт только о рассылке. Прежде всего, надо обращать внимание на то, чтобы внутри Союза

для трёхчленности не поселился принцип бюрократизма и тому подобного. Надо распространять нашу литературу и наши газеты, но в то же время надо работать с людьми. Надо пробуждать понимание того, что мы придём к этому, если мы как можно быстрее превратим газету «Трёхчленность социального организма» в ежедневную газету. Но что необходимо в первую очередь, так это видение того, что должны расти наши институты.

Мои многоуважаемые присутствующие, если будет продолжаться то, что мы постоянно застреваем в тех трудностях, в которых мы находимся сегодня, когда мы, собственно, не знаем, как нам дальше вести Вальдорфскую школу, как нам строить такие школы в дальнейшем, и как нам довести до завершения строительство этого Гётеанума, если не возникнет место для того, чтобы люди обрели понимание таких вещей, - тогда, конечно, ничего не выйдет. Нам нужно понимание, но не такое понимание, которое видит только идеализм, которое восхищается идеями и крепко держит руки в наших карманах, потому что идеи слишком велики, слишком интеллектуальны, чтобы позволить грязным деньгам добраться до них. Нам нужно понимание, но не такое понимание, которое видит только идеальное, когда восхищаются идеями, но держат руки в карманах, поскольку эти идеи слишком велики, слишком духовны для того, чтобы к ним прикасались грязные деньги. Деньги остаются в карманах, а идеи, которыми восхищаются, слишком чисты для того, чтобы пачкать их грязными деньгами. Я выражаюсь сейчас образно, но здесь речь идёт о том, что мы учимся мыслить практически, и что мы тогда доводим эти мысли до практических дел.

Когда мы основали Вальдорфскую школу, я сказал: Хорошо, Вальдорфская школа это хорошо; но тем, что мы основали эту Вальдорфскую школу, в этой области сделано ещё недостаточно. В лучшем случае мы только начали, это только начало начала. Мы действительно создадим Вальдорфскую школу, только если в ближайший квартал мы создадим основание для десяти таких вальдорфских школ. Только тогда эта Вальдорфская школа будет иметь смысл. - При сегодняшнем социальном положении Европы просто не имеет смысла основывать единственную Вальдорфскую школу с четырьмя или пятью сотнями, или даже с тысячью детей. Это имеет смысл только в том случае, если основание вальдорфских школ найдет преемственность, если подобные вещи повсюду найдут преемственность, - имеет смысл только то, что вытекает из правильного практического настроения. Если те, кто восторгается идеями Вальдорфской школы, не разовьют достаточного понимания того, что к этим идеям принадлежит также идея пропаганды независимости школы от государства, чтобы государство освободило эту школы, если они не обретут мужества для стремления к отделению школы от государства, то всё вальдорфское движение коту под хвост, потому что оно имеет смысл только в том случае, если оно вырастает в свободную духовную жизнь.

Для всего этого нам нужно то, что я хотел бы назвать интернациональным устремлением для любой школьной системы, но не такое интернациональное устремление, которое теперь просто гуляет по миру и повсюду распространяет принципы организации школ, - это и так произойдёт, когда для таких школ, прежде всего, найдутся деньги. То, что нам нужно, так это всемирный школьный союз во всех цивилизованных странах¹⁰⁴, чтобы как можно быстрее

104 Идею всемирного школьного союза Рудольф Штайнер высказал ещё 24 июля 1920 года в узком антропософском кругу на педагогической конференции (в GA 300a): «Мы должны основать всемирный школьный союз, который в своей программе имеет не поддержку штуттгартской Вальдорфской школы, а основание школ по этим принципам. Он должен взять на себя ответственность за поддержание прежде всего вальдорфских школ». Идея заключалась в том, чтобы не только поддержать штуттгартскую школу на местном уровне, но и из казны глобальной организации, оказывающей финансовую поддержку негосударственным школам. Но поскольку эту идею всемирного школьного союза не удалось увязать с продолжающейся кампанией по сбору средств для вальдорфской школы, Рудольф Штайнер больше не счёл разумным следовать ей из Штутгарта. Именно тогда, на этом вечере вопросов 10 октября 1920 года в Дорнахе, Рудольф Штайнер снова подхватил эту идею и сам обратился к публике. 16 октября 1920 года он повторил её для студентов, участвующих в курсе Высшей школы (в SA 217a): «Я должен отметить, что очень серьёзно отношусь к тому, что представил вам в эти дни как к основанию всемирного школьного

была привлечена как можно большая сумма средств. Тогда на основе этих средств можно будет создать то, что будет началом свободной духовной жизни. Поэтому, где бы вы ни оказались в мире, постарайтесь действовать посредством не просто всевозможных идеалистических устремлений, а посредством такого понимания свободы духовной жизни, которое действительно, в самом широком охвате, позволит достать деньги для создания свободных школ и свободных высших школ. На удобрениях старых культур должно вырасти то, что в будущем станет цветением духа. Как на полях из удобрений вырастает то, чем потом питаются люди, так из того, что созрело в старых культурах, образуются удобрения, которые должны быть собраны, чтобы в будущем из них смогли прорасти духовные плоды, государственные плоды и экономические плоды.

союза. Я мыслю его интернациональным, так чтобы он был создан, так сказать, исходя из мышления и ощущения сегодняшнего времени». Таким образом, Всемирный школьный союз задумывался не как своего рода объединение существующих вальдорфских школ, а как широкая организация, которая должна была пройти по всему миру и охватить многие тысячи людей, целью которой была бы пропаганда свободной от контроля государства духовной жизни и финансирование, прежде всего, школ и высших школ. Во время лекционного турне по Голландии в феврале-марте 1921 года он повторил свой призыв к созданию всемирного школьного союза. Но этот всемирный школьный союз так и не был создан. На общем собрании членов Общества 4 сентября 1921 года (еще не опубликованном в ГА) Рудольф Штайнер так прокомментировал причины этой неудачи: «Но [...] мне пришлось пережить то, что я называю внутренней оппозицией, которая имела место против моих намерений в очень сильной степени, когда прошлой осенью в Дорнахе я самым резким образом указал на необходимость создания всемирного школьного союза, а также во время моего лекционного тура в Голландию зимой этого года когда я неоднократно указывал на необходимость создания этого всемирного школьного союза».

ВЕЧЕР-ДИСПУТ
Дорнах 8 апреля 1921 года
(по случаю второго курса высшей антропософской школы)

Социальная наука и социальная практика

Роман Боос: Сегодняшний вечер должен послужить укреплению сознания присутствующих и прояснению представления о том, каких конкретных последствий можно ожидать в ближайшее или будущее время от желаемого в Гётеануме. Предполагается, что курс позволит участникам что-то унести с собой, чтобы каждый имел возможность сказать или узнать, где он может помочь, где он может активно участвовать в работе.

Самое первое, что подлежит обсуждению, это идея, что в самое ближайшее время духовная жизнь очень интенсивно должна освободиться от своей зависимости от государственных властей. Политические государства, как на Западе, так и на Востоке, больше не в состоянии экономически сохранять узурпированные ими права школьного надзора. Школы должны быть созданы на тех территориях, которые не были втянуты в экономический развал и которые хотят выйти из духовного коллапса. Идея всемирного школьного союза на интернациональной основе была несколько недель назад высказана в Голландии и обсуждена на большом количестве встреч. И, таким образом, сегодня голландские друзья хотят сообщить об этом всемирном школьном союзе ещё некоторые вещи. И я также хотел бы отметить, что со стороны собравшихся здесь может быть выражена надежда на то, что импульс всемирного школьного союза будет реализован.

Основанные «Futurum» и «Грядущим Днём» предприятия также были рассчитаны на безграничный рост. Например, то, что выросло как концерн Стиннеса¹⁰⁵, было связано с самыми ужасными условиями; если бы такой монстр получил международные кредиты, это нанесло бы ущерб здоровому развитию. Поэтому необходимо закрепиться в экономической жизни, самим создать экономические ассоциации, которые могут быть интернациональными; необходимо искать путь посредством самих интернациональных контактов. Чтобы сказать что-то интернационально значимое, необходимо, не смотря на клюфты, образовавшиеся благодаря положению с валютами, поговорить о «Futurum» и «Грядущем Дне».

Ведь, об этом просят со всех сторон. И тут непременным условием для продолжения работы в Швейцарии и за её пределами является то, чтобы мы получили возможность регулярно издавать отсюда, из Гётеанума, газету, по крайней мере, еженедельно, в котором бы не полемизировалось и дискутировалось постоянно, - хотя иногда, конечно, это будет необходимо, - а в которой можно было бы постоянно помещать краткие пояснения, о чём здесь, собственно, идёт речь, и в которой должна была бы постоянно обсуждаться интернациональная идея всемирного школьного союза или всемирного экономического объединения. В некотором смысле, как раз, здесь, в Швейцарии, есть ещё какая-то почва под ногами, на которой можно говорить яснее и выразительнее, нежели где-либо ещё. Иначе Гётеанум должен будет оставаться немым, если он не сможет заявить о себе таким образом. На этот курс пришло, собственно, очень мало людей. Сам Гётеанум как произведение

¹⁰⁵ Гуго Стиннес (нем. Hugo Stinnes; 12 февраля 1870, Мюльхайм-ан-дер-Рур - 10 апреля 1924, Берлин) - немецкий предприниматель и политик, основатель горнодобывающей и металлургической бизнес-группы Hugo Stinnes GmbH. Один из крупнейших промышленников Европы первой четверти XX века. Был известен в качестве рейдера. Практиковал социальное партнёрство, способствовал формированию социального законодательства Германии. Активный националист, сторонник германской экспансии в Европе. В Веймарской республике депутат рейхстага от Немецкой народной партии. Финансист фрайкоров и Антибольшевистской лиги, спонсор НСДАП. Обладал репутацией «хозяина Рура» и «нового императора Германии» (Википедия, прим. пер.)

искусства, как постройка, как физическая реальность, которая тут стоит, ещё не реализовался с достаточной интенсивностью. Необходимо будет также информировать о том, что, исходя из Гётеанума, делается для всего мира.

Приглашаем всех, у кого есть возможность помочь нам найти экономическую базу для такой газеты. Мы должны рассчитывать на 50 000 франков в год; до этого мы начать не можем. Мы не можем начать раньше, поскольку в противном случае нам при таких обстоятельствах пришлось бы снова остановить это дело через некоторое время. Если среди вас есть кто-нибудь, кто мог бы помочь появиться такой газете, он оказал бы услугу, которую при нынешних обстоятельствах едва ли можно было бы оказать иначе.

Элизабет Врееде: Я хотела бы сказать еще несколько слов о «Всемирном школьном союзе». Собственно, речь идёт скорее о призыве, чем уже о конкретном основании. Ведь, первые шаги в направлении основания всемирного школьного союза были сделаны в Голландии, чтобы получить от мира ответ на то, что должно было бы сейчас произойти, а именно: освобождение духовной жизни, особенно системы образования, предоставление ей возможности опираться на саму себя. Была выражена особая надежда, что это можно сделать в Голландии. 27 февраля Доктор Штайнер прочитал в Гааге захватывающую лекцию о вопросах воспитания, обучения и практической жизни с точки зрения антропософской духовной науки, и обратил внимание на необходимость свободной духовной жизни и освобождения школ от государственной власти, - под бурные аплодисменты публики. В заключение один из наших членов Общества, господин Хаан, обратился к присутствующим. Затем произошло многое; люди с хорошей репутацией проявили интерес к работе в направлении свободных школ. Представители Швейцарии, Германии и Англии выразили свою убежденность в необходимости всемирного школьного союза и пообещали работать над этим в своих странах. Нечто подобное произошло на следующий день в Амстердаме. Однако, в то время этот всемирный школьный союз ещё не был основан, поскольку такая инициатива имеет ценность только в том случае, если она возникает, так сказать, из самой себя. Но из этого не надо делать вывод, что ничего не должно происходить, а необходима самая интенсивная работа, чтобы могло состояться конкретное основание.

Первое, чем теперь надо заниматься, это обратиться ко всем образованным людям со своего рода брошюрой, - ведь, они в основном заинтересованы в свободной духовной жизни; Доктор Штайнер дал предписания по этому поводу. Следует обратиться ко всем образованным людям с призывом объединиться с нами, чтобы дать нашему движению питательную среду, жизненный воздух, который ему совершенно необходим для дальнейшего процветания. Теперь, поскольку всё началось в Голландии, я хотела бы обратить ваше внимание на адрес господина Хаана, это Утрехт; он готов предоставить информацию. События последних нескольких лет выявили достаточно для того, чтобы показать, насколько это важно, - но также и то, сколько работы потребуется, - предпринять что-то подобное. Поэтому следует сделать призыв, который должен найти отклик, так сказать, во всём образованном мире.

(аплодисменты)

Йозеф ван Леер: Мои многоуважаемые присутствующие, несколько недель назад в Гааге и Амстердаме впервые обсуждался всемирный школьный союз. Но из этого ничего не выйдет, если сейчас же не перейти к действиям. В тот вечер в Гааге у нас было около 150 имен; но с одними именами ничего не сделать. У друзей в Голландии есть добрая воля, но они слишком слабы.

Немногим менее десяти лет назад в Берлине уже были подобные встречи, когда барон фон Валлен рассказывал о своём опыте с лекциями в Скандинавии и Англии и сказал,

насколько трудно было представлять там идеи Доктора Штайнера; то, чем является сегодня Антропософское Общество, стало результатом этих собраний.

Если вы сегодня в Англии будете говорить о свободной духовной жизни, каждый там скажет: Нам это не нужно, у нас она уже есть. - Это, конечно, абстракция, но это так; насколько люди в Англии принадлежат буржуазии, они могут воспитывать своих детей так, как они хотят, им не нужен дипломированный учитель. Если вы хотите пропагандировать всемирный школьный союз в Англии, то это надо делать совершенно иначе, чем в Германии, Голландии или Швейцарии. Я думаю, Скандинавия, Голландия, Англия - пусть они и не нейтральные, но это неважно, - все страны, которые не принадлежат к центральным странам, должны объединиться. В Голландии нам доверяют, но 25 известных имен помогут мало. Доктор Штайнер прочитал в Голландии около 10 лекций; но среди всех тех тысяч, что были там, не набралось и трёх голосов, которые были бы готовы действовать действительно практически, и даже этих трёх было убедить не так просто..

Был поставлен вопрос: Как нам пропагандировать? - В каждой стране надо работать по-разному. Наши друзья в Штутгарте лучше знают, что делать, потому что они работают. Поэтому я хотел бы предложить нам, людям из разных стран - Америки, Англии, Франции, Швейцарии, Италии - собраться, скажем, в количестве человек 25, и ещё сегодня вечером сказать: так-то и так-то, сделаем это! Я хочу предложить это прямо сейчас. Кто из стран, представленных здесь, готов в этом участвовать? Начнем с Америки: мистер Монж? Мисс Виллер из Англии? Мисс Вильсон из Англии? Норвегия, Швеция: госпожа Юнгквист? Дания: господин Холенберг? Финляндия: господин Доннер? Россия? Из Голландии: господин Ледебур, господин Загвейн, господин Девентер? Из Франции: мадемуазель Риуэ? Италия: фрейлин Шварц? Чехословакия и Польша? То есть, я хотел бы предложить разным людям собраться и подумать о том, что для их стран является верным, как это сделать, к каким людям обратиться, каким людям предоставить какой материал. Возможно, что представитель какой-то страны не сможет найти нужное, но тогда, может быть, мы сможем найти это вместе.

Я хотел бы поднять вопрос о том, будет ли то, что я предложил, правильным началом.

Роман Боос: Было бы очень полезно обговорить это сегодня вечером в небольших группах для каждой области. Но я хотел бы сердечно попросить, чтобы выборы личностей не рассматривались так же, как в парламентах или других союзах: не как мандат, не как комиссия. Не следует откладывать на вечер то, над чем надо будет работать потом: в каждой отдельной группе обсуждать идею всемирного школьного союза как такового. Надо просто попробовать, как это видится в других странах, что можно сказать со своей стороны.

Йоханнес Холенберг: Я хотел бы рассказать о работе в направлении всемирного школьного союза в Дании. Хотя по результату, к сожалению, сделано не очень много, но это может послужит опытом для других. На последнем осеннем курсе особо подчеркивалось, что каждый, кто возвращается в свою страну, должен говорить с как можно большим количеством людей и распространять идею всемирного школьного союза. Все, кто был здесь, наверное, делали то, что было в их силах.

Теперь к моему личному опыту: Я читал различные лекции в Копенгагене, но время было очень неподходящее, поскольку несколько лет назад государство отобрало у общества почти все школы. Это новый факт, которому два-три года, и полностью он осуществлён ещё не везде. Учителя в общем довольны, поскольку их экономическое, финансовое положение намного улучшилось, и как у государственных служащих у них появились виды на пенсию. Поэтому учителя были совсем не расположены предпринимать какие-либо изменения в этой ситуации. Но, с другой стороны, есть очень большое недовольство родителей школьной системой, существующей сегодня в Дании; родители были бы готовы попробовать что-то

новое. Но главная трудность носит финансовый характер. Нельзя забывать: государственные школы совершенно бесплатны; школьные уроки, материалы, книги, - всё бесплатно.

Единственный возможный путь основать независимые от государства школы был бы, как в Штутгарте, а именно, большая фабрика, которая заботится обо всём. Таким образом, в Дании это в основном финансовый вопрос, очень просто! Если бы можно было найти способ создания таких школ, которые были бы не дороже государственных, то и дети приходили бы, и родители были бы очень довольны. Я собрал список имён — их, наверное, не более 200, это, ведь, ничего, - и я убежден, что если действительно заниматься пропагандой, то можно найти и действительное понимание.

Элизабет Вреде: Надо поступать правильно. В первую очередь, как объяснял Доктор Штайнер в Голландии, речь идёт не об основании отдельных школ, которые снова будут существовать на птичьих правах; речь идет о чём-то гораздо большем: о действительном осуществлении свободной духовной жизни! Ведь, сегодня мы имеем духовную жизнь, которая прежде всего нуждается в свежем воздухе, и которая без этого свежего воздуха зачахнет. Из этого настроения должно сформироваться публичное требование: Духовная жизнь должна быть освобождена!

Этим, разумеется не говорится, что не надо создавать отдельные школы, как Вальдорфская школа; но стоит не только то тут, то там создавать школу или институт, поскольку все они обречены на жалкое существование в правовом смысле, у них всегда над головой висит меч, разрешены они или нет; такие школы, способные существовать лишь по милости государства, создавать не надо.

Наш Гётеанум - тоже школа, свободная высшая школа. И в первую очередь необходимо было бы создать возможность основания всемирного школьного союза, который бы достаточно сильно ощущал потребность поддерживать такие учреждения как Вальдорфская школа. Нужно, чтобы уже было что-то конкретное. Ведь, есть же также союзы учителей, ассоциации художников; для них было бы положительной целью действовать в том направлении, чтобы у нас была потребность в свободной духовной жизни. Цель должна быть больше, чем просто создание отдельных школ; все должно быть охвачено в более широком стиле, чтобы также можно было увидеть более широкий контекст.

Мы слышали, что в Дании учителя очень счастливы, потому что они стали «государственными учителями», потому что им лучше платят. Мы не можем обращаться преимущественно к учителям, поскольку они вовлечены в этот вопрос, часто являются закостенелыми и не имеют общей картины. Это общественное мнение и чувство должны возникнуть в большем масштабе, чем только учителя, чем то, чем они могут стать. Тогда не будут столь важны и национальные различия, потому что это будет действовать как объединяющая связь. Точки зрения должны исходить из общей картины, чтобы охватывалось всё, что может пережить человек в нашей духовной жизни, и поднималось на другой уровень; иначе мы слишком застрянем в деталях.

Роман Боос: Было бы хорошо, если бы мы прокомментировали недавнее утверждение о том, что свободная духовная жизнь может полноценно развиваться в Швейцарии. Вначале слово предоставляется мадемуазель Риуэ.

Симона Риуэ (Simone Rihouet): Я только хотела бы выразить желание от Франции, чтобы здесь, в Гётеануме, эта интернациональная цель полностью нашла своё выражение и чтобы национальное больше не торжествовало над интернациональным. Бросается в глаза то, что у нас здесь во Франции, что касается школы, совершенно такое же положение, как в Германии. Но, например, швейцарские учителя, которые мало ощущают давление государства, благодаря условиям в их конфедерациях, находятся не в том же положении, что учителя во

Франции и Германии, где государственные тенденции так сильны, что у учителей там уже сейчас имеется потребность в освобождении, в самостоятельности в своей профессии. Во Франции это особенно студенчество, откуда приходит понимание импульсов свободного духа, которые здесь даются. И так, что касается Франции, - за Германию я говорить не могу, - я хотела бы высказать пожелание, чтобы из Франции истекало бы студенчество, которое вместе со своими коллегами из других стран смогло бы создать некий союз, - союз братства.

Роман Боос: Мы приветствуем эти слова из Франции тем более, что с противоположной стороны уже, как бы, произошло интенсивное братание. Примерно в то же время, когда в Германии посредством Рудольфа Штайнера и антропософов было написано «Измена отечеству», во французских газетах распространилось подобное утверждение, а именно, что в кругах Доктора Штайнера ведётся подготовка к войне-реваншу, которая продлится три года¹⁰⁶. И перед лицом этой «Лиги Наций» («Völkerbund») противоборствующего клана нужно будет, чтобы здесь было создано объединение людей, принадлежащих к разным народам, которое могло бы действовать из Гёттанума.

Один немецкий студент рассказал о настроениях молодёжи в высших школах и о возможности привлечения их к антропософскому движению.

Фриц Вульшлегер (Fritz Wullschlegel): Я хотел бы кратко высказаться как швейцарец. У нас действительно дело обстоит так, что учитель обладает довольно большой свободой влиять, например, на правительство, по меньшей мере, на правительство кантона; но можно довольно сильно повлиять и на ведомства. Если вы хотите что-то изменить в своей школе, вы можете этого потребовать, и чаще всего эти требования будут удовлетворены.

Ну, я думаю, что эти курсы высшей школы производят на нас огромное живое впечатление. И, находясь под этим сильным впечатлением, мы можем теперь попытаться обратиться к нашим коллегам на конференциях и так далее, и попытаться пробудить понимание необходимости оплодотворения школы, по крайней мере, чтобы положить начало свободной организации духовной жизни. Весной в Базеле я прослушал лекции Доктора Штайнера и - я говорю как учитель - у меня до сих пор сохраняется впечатление, что наша задача состоит в том, чтобы максимально перестроить наше учение так, как того требует антропософия. Значит ли это, что мы должны направить все наши силы на школы? Нет, мы должны направлять наше время, силу и работу также и вовне. Мы должны попытаться проинформировать швейцарцев, может быть, лекциями; мы должны попытаться привлечь на свою сторону швейцарскую учительскую газету и, прежде всего, кантонскую учительскую газету. Возможно, это могло бы стать началом чего-то в этом направлении.

Роман Боос: Мы благодарим господина Вульшлегера за его замечания», и я хотел бы взять на себя смелость добавить всего несколько слов к сказанному. В последние годы учительские газеты Швейцарии перепечатали различные статьи и отчеты из наших кружков, в том числе прекрасные статьи в учебных брошюрах. Но в последствие эта работа была не так

¹⁰⁶ Возможно, Роман Боос имеет здесь в виду разжигающую ненависть статью, которая вышла из редакции берлинской газеты в начале января и появилась в различных немецких газетах. «Breisgauer Zeitung» от 5 января 1920 года (№ 4, 72-го года) опубликовала её под заглавием «Теософ Штайнер как рука Антанты». В этой статье говорится: «Надежная информация ясно показывает, что Союз для трёхчленности устанавливает имена всех офицеров, якобы действующих в реакционном духе, и собирает против них материал о действиях, противоречащих международному праву, на основе свидетельских показаний, который затем направляется в Антанту с целью их выдачи. Правильность таких обвинений совершенно безразлична господину Штайнеру и его товарищам...». В ответ на эти обвинения в еженедельнике «Трёхчленность социального организма» (1, № 27) от 6 января 1920 года был опубликован ответ Рудольфа Штайнера и Союза для трёхчленности, в котором говорилось: « что это предложение сообщения является клеветнической неправдой [...]».

интенсивна; число швейцарских учителей на этих курсах было небольшое. Представьте себе, что в приглашении стояло бы: «Образовательная дирекция кантона», - не думаете, что тогда зал был бы полон? Это такие мелкие критерии, из которых видно, действительно ли духовная жизнь среди наших здесь в Швейцарии учителей так свободна.

Приблизительно полтора года тому назад кантональной образовательной дирекцией были приглашены учителя Базеля, и лекции о вопросах образования были приняты с воодушевлением; ряд школьных сотрудников говорили об них очень воодушевлённо. Вслед за этим был организован курс от Гётеанума, - не от дирекции по образованию, - но там было значительно меньше людей, чем на курсе, организованном по приглашению дирекции по образованию. А то, что выросло из этих курсов сегодня, так можно сказать, - ничего. Отдельные учителя могли вынести из курса что-то важное и ценное; но в социальном плане почти ничего не произошло. Почему? Потому что ничего и не могло произойти! Потому что люди повсюду связаны государством. Как говорит мой сокурсник: мы можем завоевать любую землю, но не государственную. Это более или менее ясно можно увидеть и в Швейцарии; поскольку, если бы это было не так, мы бы двигались более интенсивно. Давным-давно в Санкт-Галлене была лекция; тогда тоже появился такой швейцарский учитель, который сказал: У нас, в Швейцарии, всё по-другому; у нас нет той покорности властям. Мы не привыкли к цензуре, к официальной регламентации и так далее. - А когда ему пришлось указать на то, что это не совсем так, этот человек сказал: Да, но тут есть большая разница, потому что мы сделали это добровольно!

Фридрих Хуземанн (Friedrich Husemann) говорит об институте врачей в Германии.

Роман Боос: Чтобы всё духовное движение обеспечить необходимой экономической базой, были основаны оба акционерных общества (AG) в Дорнахе и Штутгарте, «Futurum AG» и «Грядущий День AG». Мы хотели рассказать об этих двух компаниях этим вечером больше и дать возможность задать вопросы. Но я думаю, что, вероятно, уже слишком поздно вдаваться в это сейчас. Проспекты «Futurum» доступны на немецком, французском и английском языках, так что у всех вас есть возможность поддержать дела так, как было указано, подписавшись на акции. Вы также можете связаться в «Futurum AG» с господином Итом, который может лично предоставить вам всю необходимую информацию. Совершенно необходимо в настоящее время поддерживать эти хозяйственные предприятия всеми имеющимися в нашем распоряжении силами для их продвижения вперед.

Время уже подходит к концу, так что дебаты по другим вопросам, которые ещё остаются нерешенными, придётся отложить. Может быть, у кого-то еще есть что-то важное? Сейчас я хотел бы предоставить слово для заключительных замечаний Доктору Штайнеру.

Рудольф Штайнер: Я не хотел бы вас долго задерживать, и просто сделаю несколько замечаний, прежде всего в связи с тем, что здесь предложил наш друг ван Леер, что, безусловно, заслуживает признания или будет признано, если приведет к обещанной цели. Я только хотел бы отметить, что это было бы сомнительной основой, если бы дело строилось на том же фундаменте, что и «Союз» («Бунд»), о котором говорил [господин ван Леер]. Тогда, конечно, с определённым усердием работали примерно так, как это сегодня вкратце обрисовал господин ван Леер: Был создан небольшой комитет, который давал всевозможные советы относительно того, что надо делать и так далее, - но затем господин ван Леер обронил одно предложение, которое, разумеется, было бы просто небольшим недоразумением, но которое будучи продолженным, могло бы создать уже большое недоразумение. А именно, было сказано, что из этой работы, которая проводилась тогда без отдыха каждую ночь, вышло Антропософское Общество. - Нет, об этом и речи быть не может: из тех ночей, и того основания «Союза» не вышло, как раз, ничего! От этой судьбы планируемой сегодня

«безустанной работы этой ночью» я хотел бы вас предостеречь. Хотя тогда о том, что надо делать, говорилось многое, но из этого ничего не вышло. И заблуждение, которое могло бы возникнуть, касается того, что можно было бы полагать, что надо было что-то делать в том направлении, на которое указывал тот «Союз». Что было сделано в то время, так это то, что те, кто уже был вовлечен в нашу антропософскую работу, кто был уже с нами, - совершенно отдельно от этого основания Союза, - основали Антропософское Общество, которое затем развивалось дальше, в то время как «Союз» из мягкого сна постепенно перешёл к, скажем так, социальной смерти. Таким образом, это было бы небольшим заблуждением! Но это всё же надо было подчеркнуть, чтобы ошибки того ночного комитета не повторились. Это одно.

Другое, на что я хотел бы указать, и что, как раз, сказала фрейлин Врееде, это, что то, к чему следует стремиться во всемирном школьном союзе, действительно должно быть поставлено на широкую основу и решаться с самого начала с определенной смелостью и всесторонним взглядом. Совершенно правильным является то, что отметил наш друг ван Леер, что с тем, что должно представляться в отношении свободной духовной жизни в связи с трёхчленностью социального организма, следует в различных областях обходиться по-разному. Только, тогда это также должно действительно происходить так, что способ работы на данной территории, соответствовал бы действительному положению дел на этой территории. Я сам всегда буду указывать, что для Англии, например, необходимо представлять эти вещи таким образом, который соответствует именно условиям английской цивилизации. Однако, не следует упускать из виду тот факт, что надо полностью осознавать, что такое представление в отношении великих вопросов, стоящих сегодня перед человечеством, и что такое реальность. Поэтому не следует представлять дело таким образом, чтобы создавалось впечатление, что английская духовная жизнь свободнее, чем все остальные. И вы увидите, если вы действительно проработаете «Основные пункты», что негативному фактору - освобождению духовной жизни от государства - придаётся гораздо меньшее значение, чем основанию свободной духовной жизни вообще. И там всегда остаётся доброе слово: что это зависит от человека, что это действительно зависит от того, из каких духовных основ создаётся человек, какие духовные основы будут созданы для его образования. Речь идёт не столько о том, чтобы подчёркивать негативный момент, сколько о том, чтобы подчеркивать позитивное. И мне остаётся только сказать: Если бы формально духовная жизнь была бы освобождена от государственного принуждения, а всё остальное осталось бы по-старому, то такое освобождение от государства принесло бы немного.

Речь идёт о том, чтобы позитивный дух, как его хотели представить здесь на этой неделе, как его пытались представить, чтобы этот свободный дух был внесён в духовную жизнь интернационально. И тогда всё сложится так, как должно. В случае вальдорфской школы, например, речь идёт не только в том, чтобы она была действительно свободной школой, чтобы у неё даже директора не было, но и о том, чтобы коллегия учителей была действительно репрезентативным сообществом. Речь идёт не о том, чтобы все меры принимались таким образом, что не говорилось бы «ничего другого», кроме того, что исходит из самой этой учительской коллегии, то есть, не о том, чтобы иметь действительно «независимое духовное сообщество», а речь идёт также о том, что всем странам не хватает той духовной жизни, о которой здесь говорили всю неделю. И если где-то слышно, «что у нас духовная жизнь свободна», - я имею в виду сейчас не Швейцарию, а говорю об Англии, - то это уже другой вопрос. И прежде всего, важно здесь это позитивное. И тут тогда надо подчеркнуть: оно получится, конечно, только в том случае, если действительно попытаться углубиться в конкретные условия в отдельных странах и территориях.

Но нужно иметь сердце и ум для того, что в конце концов в наше время сделала несвободная духовная жизнь. Я хотел бы прочитать вам одно предложение, но не для того, чтобы вдаваться в то, что было здесь сказано вчера, а для того, чтобы показать, какие цветы человеческого способа мышления требует проявиться наша нынешняя духовная жизнь, как

интеллектуально, как нравственно, так и в душевном отношении (*gemütlicher Beziehung*). Я не хочу вас долго задерживать и снова говорить с той точки зрения, с которой вчера здесь обсуждалась борьба против антропософии и трёхчленности; но я всё же хотел бы прочитать предложение из одной брошюры, о которой должно было говориться здесь вчера¹⁰⁷. Господин генерал фон Гляйх пишет обо мне: «В возрасте почти сорока лет господин Штайнер на рубеже веков, который образует некий рубеж также и в сверхчувственном мире антропософии, посредством лекций Винтера о мистике, постепенно перешёл к теософии». Теперь вы можете спросить, кто такой «господин Винтер», которого здесь упоминает господин фон Гляйх, как того, посредством лекций которого я в Берлине будто бы «обратился» к антропософии. Можно только выдвинуть следующие гипотезы: В предисловии к тем лекциям, которые я читал в Берлине зимой 1900/1901 годов, одно предложение, где я сказал: «То, что я представляю в этом шрифте, раньше представляло собой содержание лекций, которые я читал прошедшей зимой в теософской библиотеке в Берлине». Из этого «Winter» (нем. «зима»), в котором я читал свои лекции, получился «Herr Winter» («господин Винтер»), который на рубеже 1901/1902 годов обратил меня к теософии. Видите ли, я не хочу употреблять выражение, применимое к интеллектуальной конституции человека, призванного теперь возглавить противников антропософского движения, я не хочу употреблять это выражение; но вы, безусловно, можете его использовать. К таким цветам духовной человеческой деятельности ведёт [сегодня] духовная жизнь, посредством которой можно теперь дойти до ступени, где можно стать генерал-майором.

Так что на эти вещи надо смотреть с несколько большей глубины. Только тогда человек получит сердце и ум для того, что необходимо. И только потому, что духовной жизнью в первую очередь должна заниматься школьная система, именно поэтому было бы так желательно, чтобы можно было основать эту всемирный школьный союз, который было бы не так трудно основать, если бы на то была воля. Однако это не обязательно должен быть меньший или больший комитет, но он должен быть обоснован таким образом, чтобы его членство было очевидным. Только тогда он имеет ценность. Он не должен - я не хочу давать никаких советов по этому поводу, поскольку я сказал достаточно того, что должен сказать об этом, - он не должен навязывать никому никаких особых жертв. Он должен быть, чтобы создать настрой для того, для чего этот настрой сегодня так необходим! - Это то, что я должен был ещё добавить к тому, что надо было сказать сегодня.

В заключение я должен сказать нечто, чего я бы предпочел не говорить, но что я всё равно должен сказать, потому что иначе это не будет затронуто сегодня вечером, а для следующих дней, поскольку уже возникнет боль расставания, это сделать, вероятно, будет уже поздно. Я должен сам указать на эту вещь. Речь идёт о том, что, ведь, это само собой разумеется, что всё, о чем сегодня говорилось, будет действовать. Но эта работа имеет смысл только в том случае, если мы сможем сохранить Гётеанум таким, какой он здесь стоит, и, прежде всего, довести его строительство до конца.

Поскольку, как бы хорошо не шли дела с «Futurum AG» и «Грядущим Днём», - какой-то экономической поддержкой для Гётеанума они не станут ещё долго. И величайшая озабоченность - кроме всех прочих забот, которые на меня ложатся, позвольте уж мне коснуться своей личности, - величайшей озабоченностью является следующая: что не такое уж отдалённое время в будущем может случиться так, что у нас не будет вообще никаких экономических вливаний в Гётеанум. И, прежде всего, именно поэтому необходимо

107 В конце вечера-диспута 7 апреля 1921 года, организованного в рамках второго антропософского курса высшей школы, речь также зашла о враждебной деятельности правого националиста генерал-майора Герольда фон Гляйха (Gerold von Gleich). Последний был яростным противником Рудольфа Штайнера и пытался всеми лживыми и клеветническими средствами, имевшимися в его распоряжении, опорочить общественную репутацию Рудольфа Штайнера. Его противодействие было отчасти обусловлено семейными причинами, так как он не мог смириться с тем, что его сын Сигизмунд фон Гляйх (Sigismund von Gleich) (1896-1953) исповедовал антропософию.

подчеркнуть, чтобы каждый, кто может что-то внести в завершение этого здания, мог это сделать! Это то, что необходимо прежде всего: чтобы мы, через друзей нашего дела, были в состоянии сохранить этот Гётеанум и, прежде всего, чтобы мы смогли достроить этот Гётеанум. Как уже было сказано, это меня очень беспокоит. Я должен здесь это сказать, потому что, в конце концов, какая была бы польза от того, что мы могли бы вести сколь угодно много пропаганды и, возможно, через три месяца должны были бы закрыть этот Гётеанум? Это тоже одна из социальных забот, которые, на мой взгляд, связаны с общей социальной жизнью современности. И я должен был подчеркнуть эту озабоченность, потому что факты, лежащие в её основе, не должны быть забыты; только это позволит усилить движение, исходящее из этого Гётеанума.

Ведь, мы видим, из каких интеллектуальных основ, борются те, кто, как раз, сейчас направляет против нас свои публикации. Это только начало. Нужно быть бдительным, очень бдительным, поскольку эти люди очень искусны. Они умеют себя организовать. То, что произошло в Штутгарте¹⁰⁸, - это начало, задумано как начало. И выстоять перед ними можно, только развернув такой идеализм, - я хочу повторить это и в этот раз, - который не говорит: О, идеалы так ужасно высоки, они так возвышенны, а мой кошелёк - это нечто такое низкое, я не берусь за него, когда дело доходит до таких возвышенных идеалов. - Тут всё же надо сказать: Истинен только тот идеализм, который иногда за эти идеалы лезет в свой кошелёк!

108 6 апреля 1921 года генерал фон Гляйх перед приблизительно тремя тысячами слушателей в штуттгартском «Liederhalle» прочитал лекцию о своей брошюре «Рудольф Штайнер как пророк. Предостережение немецкому народу». Это было эмоциональное очернение Рудольфа Штайнера, основанное на всякого рода неправдах. Эмиль Ляйнхас в газете для трёхчленности от 12 апреля 1921 г. (2-ой год, № 41) сообщает об этом мероприятии: «Попытка некоторых друзей нашего движения охарактеризовать способ борьбы господина фон Гляйха перекрикивалась возможно и не такой большой, но необычайно громкой частью аудитории, которая, казалось, чувствовала себя комфортно в болотистой атмосфере объяснений господина фон Гляйха». Однако генерал фон Гляйх был далеко не единственным, кто выступал на публике как противник Рудольфа Штайнера. Его поддержал, например, некий Бруно Роос (Bruno Roos), прочитавший 21 апреля 1921 года лекцию о враждебности трёхчленности к государству.

В ответ на все эти клеветнические усилия Антропософское общество и Союз для трёхчленности организовали 25 мая 1921 года публичную лекцию Рудольфа Штайнера под названием «Антропософия и трёхчленность. О её сущности и в её защиту» (запланировано для GA 337). Как и две эти враждебные лекции, она также проходила в Штуттгартском «Liederhalle» В конце своей лекции Рудольф Штайнер сказал: «То, что я представляю, я представляю, по той причине, что, исходя из сокровенных сил моей души, я не могу представить ничего другого, чем это, и потому что то, что я представляю, живёт во мне так, что я должен это представлять. Если это правда, то она проложит себе дорогу, несмотря на все возражения; если это не правда, что я думаю маловероятно, то она просто будет заменена правдой». В номере от 31 мая 1921 года (2-ой год, № 48) газета для трёхчленности сообщила о влиянии его слов: «За этой впечатляющей лекцией последовали такие аплодисменты, каких, вероятно, мало кто из слушателей когда-либо испытывал. Эта лекция была гораздо больше, чем «лекция». Это был поступок Рудольфа Штайнера, ответ в самом грандиозном стиле, который стал опытом для всех слушателей, и который произвёл на них глубокое и, можно сказать, незабываемое впечатление, если, конечно, они не были с самого начала слепыми, преисполненными ненависти противниками. Всё, что является в людях чувством истины и готовностью делать добро, должно было зажечься этой лекцией, и можно было почувствовать, - и не только по бурным аплодисментам, прервавшим лекцию во многих местах, - что такое переживание для большинства слушателей действительно стало реальностью». После этого фон Гляйх и Роос, которые также присутствовали со своими сторонниками, покинули зал.